

Уильям СИРЗ

«Бог любит смех»

Предисловие

Все события этой книги произошли на самом деле. Все они о действительно существующих людях. И если заметите сходство между персонажем и вашим знакомым, то, возможно, это он и есть.

Все места, где происходят события, также подлинные, хотя я и перемешал время действия и места расположения различных радио и ТВ станций, на которых я работал. Лишь имена изменены, чтобы отвести вину, да и то только тех приятелей, которые работают на коммерческой ниве, и которым это упоминание могло бы повредить.

Причины, по которым я сделал эти незначительные изменения, таковы:

Первое: Я хочу остаться на радио и телевидении.

Второе: Для сохранности своей собственной персоны. Третье: Я не хочу делиться доходами с адвокатами. Путешествуя, я уже покрыл расстояние, равное 12 кругосветным путешествиям, и во всех уголках планеты я встречал совершенно замечательных людей. Тем большим удовольствием для меня было писать эту книгу. Я писал ее не ради наград или славы, хотя и тому, и другому был бы рад. У меня не было выбора. Я должен был написать ее. Прочитав ее, вы поймете, почему.

Г Л А В А I. СЕДЬМОЙ СУКИН СЫН СЕДЬМОГО СУКИНА СЫНА.

Я родился в сорочке. «Закутанный в покрывало,- хвастался мой папаша-ирландец. Мой дядя Даффи выразился красочнее. «Иисус, Мария, Иосиф и все святые в чистилище! Мальчуган явился на свет в коконе!»

Первой сообщила новость отцу повивальная бабка. «У вас родился гений,-закричала она,- он весь закутан, как седьмой сын седьмого сына».

«Это не беда,- сказал ей папаша. - Это гений-мальчик или гений-девочка?»

«Большущий парень, и он отмечен перстом Господа».

Я родился 28 марта 1911 года в Дулуте, штат Миннесота, на Пампкин-Роуд. Мой папаша так и не смог до конца простить мне, что я промахнулся примерно на две недели мимо дня Святого Патрика. Как событие, я занимал жалкое второе место после бури с градом величиной с куриное яйцо, что бушевала тогда на Верхнем озере. Семья отца в свое время перебралась с Курт-МакШерри-Бэй и обосновалась в Каунти-Корк. В субботние ночи отец часами простаивал у пианино в заведении Хеннеси вместе

с двумя остальными ирландцами городка, и они снова и снова пели одну короткую песню:

О-о... МакГинти помер - МакКарти не знал, МакКарти помер - МакГинти не знал, В похожих постелях лежат под землей, И оба не знают, что помер другой.

Потом они прерывались, чтобы разразиться взрывами хохота, потом возвращались к пению, а вскоре опять делали перерыв в том же духе. Только теперь это проделывалось в пабе МакМартри.

Матушка, в жилах которой текла французская, испанская, немецкая, валлийская, английская и шотландская кровь, часто повторяла отцу, особенно когда он сердил ее - а такое бывало почти ежедневно - что Святой Патрик совершил одну большую ошибку.

«Ему бы надо было оставить в покое змей,- говорила она,- а извести ирландцев».

Не прошло недели после моего рождения, а папаша растрезвонил по всему городу, что отхватил щедрый подарок судьбы. «Это мой сын,- говорил он. - Он появился на свет в сорочке, как горошина в стручке. Это небесное знамение. Оно сулит нам удачу, и в скором времени нас ждет мешок денег». Матушка была раздосадована. «Я знаю всю твою родню,- говорила она отцу,- и здесь, и в Ирландии, и все их деньги уместятся в носке сапога».

«У тебя нет веры, женщина. Подожди, пока наш мальчик начнет говорить. Он тебе скажет».

Ходить я начал в десять месяцев, но заговорил, когда мне исполнилось только шесть месяцев. Это очень волновало папашу. Особенно то, что первым моим словом было не «папа», а «Бог».

«Мальчик меня пугает,- сказал он матушке. - Где он подцепил это?" «Да уж, конечно, не от тебя,- сказала ему матушка.

«Мне это не нравится. Это просто ужасно. Я не знаю, богохульствует он или пророчествует».

К тому времени, как мне исполнилось полтора года, папаша был перепуган совершенно. Я знал уже такие слова, каких не знал он. Это было тогда, когда меня впервые посетило видение. После того, как я рассказал матушке о своем видении, она посвятила в это отца. Он решил было свести меня к доктору, но матушка сказала, Он просто не по годам развит».

«Он странный,- сказала ей папаша,- и я не совсем уверен, что это разумно - иметь такого ребенка. Но ведь теперь его не отправишь обратно».

Матушка рассказала мне обо всем этом в подробностях годы спустя. А все, что я помню о своем первом видении, это то, что там была комната, полная удивительного ослепительного света, что я был счастлив и хотел там остаться.

Матушка говорила, что помнит день моего видения совершенно ясно. В то утро папаша спустился к нам, встав после тяжелой болезни. Он поел несвежих бобов из банки и отравился. Целых три дня он был уверен, что отдает Богу душу. На пике своей лихорадки он признался матушке, что десять лет назад, когда они только поженились, он водил Альму Енсен на танцы, и он не хотел умереть, не облегчив своей совести. К несчастью для него, он выздоровел. Когда он сошел к нам, он был откровенно весел. Он обнял матушку и дал ей шуточный тычок под ребра.

«Я надеюсь, ты не придаешь большого значения моему бреду во время лихорадки?»

Матушка дала ему хорошего тычка в ответ. Она холодно рассмеялась.

«Конечно нет, Франк. Я думаю, что забуду все это уже через несколько лет».

Вот почему матушка так ясно запомнила день моего видения.

Женщины удивительны в этом смысле. Дата, когда я имел первое видение - 20 сентября 1912 года.

К тому времени, как мне исполнилось пять лет, я превратил жизнь моего бедного отца в муку. Я проявлял чрезмерный интерес к Богу, а он не желал об этом со мной говорить. Однажды в цирке, когда наездники на неоседланных лошадях скакали сквозь огромные огненные кольца, я обернулся к отцу и сказал неожиданно: «Это похоже на преисподнюю?» Папаша чуть не проглотил свою сигару, так это его поразило. «Этот вопрос не ко мне,- сказал он раздраженно,- всю свою жизнь я прожил в Миннесоте».

Так как отец оставил вопрос открытым, я сказал: «А где живет Бог, пап? Как он велик? Не карие ли у него глаза?»

Мы покинули шатер немедленно. Остановился папаша у ближайшей витрины и купил мне резиновый мяч. «Теперь,- сказал он терпеливо,- играй в мяч. Будь как другие маленькие мальчики. Ударь мячом о землю».

Я послушался. А потом гордо посмотрел на него. «Бог создал землю,- сообщил я.

Папаша воздел руки и увел меня домой.

Примерно через месяц, по матушкиным сведениям, меня во второй раз посетило видение. Я помалкивал об этом, пока мой папаша не пришел с работы. Я играл в лошадки, и отец вез меня в Банбери-Кросс верхом на своей ноге, когда я обратился к нему:

«Человек опять приходил,- сказал я. «Кто приходил? - засмеялся отец. «Человек».

«Что за человек?»

«Человек в сиянии».

Матушка нежно обняла меня и поцеловала. «Конечно, он видел».

Она прижала меня к себе. «Нас всех иногда посещают скверные сны».

«Это был хороший сон,- сказал я ей.

«А как выглядит этот человек?»

«Я не знаю».

«Что он говорил?»

«Не следуй по их стопам».

Матушка чуть не уронила меня. Отец обернулся в дверях.

«Слава Богу, я работаю в шахте и не вылажу оттуда дотемна».

На следующее утро, когда папаша брился, я зашел в ванную.

«Как меня зовут?» - спросил я его.

Мы с отцом часто играли в эту игру. «Тебя зовут Уильям».

«Тогда почему он назвал меня Петром?»

«Кто?»

«Человек, который приснился мне сегодня ночью».

Отец резанул по подбородку. «Этель!»

Матушка возникла ниоткуда. Она была очень терпелива.

«Ты уверен, что он назвал тебя Петром, дорогой?»

Я кивнул. «Он сказал: «Рыбачь как Петр».

Папаша пошел в это утро на работу с лицом, выбритым наполовину. Он велел матушке сводить меня к доктору до его возвращения домой.

«Это ненормально. Он разговаривает, как старик, с ним неуютно жить в одном доме. Он умрет, когда ему не исполнится еще шести лет». «Фрэнк!»

Отец был совсем удручен. Всякий раз, когда он расстраивался, он начинал говорить с ирландским акцентом и делался поэтичным.

«Если бы я знал, что случилось в ту темную мартовскую ночь, я бы засунул его назад в «сорочку» и послал обратно».

Когда отец этой ночью вернулся домой, они с матерью решили, что лучше всего отдать меня в воскресную школу. Таким образом, на следующей неделе я уже сопровождал туда мою сестру Эллу.

«Пусть мальчик некоторое время помучает отца Хогана,- сказал отец матери.

- Я регулярно плачу за место в церкви, которым почти не пользуюсь. Пускай тот отработывает эти денежки». Воскресная школа подбросила кучу нового материала для меня. Новые вопросы к папаше у меня появились в изобилии. Полагаю, инстинктивно я понимал, как они должны нервировать его, особенно после того утра, когда он въехал в дуб, росший на нашем дворе. Когда он выезжал из гаража, я воскликнул:

«Мне кажется, я вижу Бога, он рядом с тобой - сидит впереди!"

Папаша отправил меня в постель в тот вечер пораньше, а сам нашел убежище у матушки. «Мы должны что-то делать с этим болезненным интересом. Это непорядок».

Элла включилась в разговор. «Если вы думаете, что сейчас непорядок, то подождите до следующей недели, когда отец Хоган расскажет нам о Боге-Отце, Боге-сыне и Боге-Духе Святом. Вот тогда он действительно задаст жару!"

Это было слишком для отца. Тем же вечером он отлучил меня от воскресной школы. И это было пожалуй правильно, потому что вскоре я вступил с церковью в конфликт. Это случилось после того, как я перешел в третий класс. На той самой неделе, когда я пообещал Марджи Келли, что принесу аиста на церковный пикник.

Г Л А В А 2. ПТИЦЫ И ПЧЕЛЫ, ИЛИ АИСТНЫЙ КЛУБ

Вся округа говорила, что Божии мельницы творили справедливость в то утро, когда я сломал лодыжку. Мой папаша заявил, что в моем случае остается только сожалеть, что они молили не слишком крепко. Я упал с крыши дома Сэфида Филлипса. Я устанавливал там медвежий капкан, возле каминной трубы, поскользнулся и потерял равновесие.

Папаша совсем разозлился из-за того, что я затеял на крыше Филлипсов. Я объяснил, что миссис Филлипс ждет ребенка, а капкан мной поставлен, чтобы поймать аиста, как только он появится. В эту ночь, через вентилятор для теплого воздуха в полу моей спальни, я слышал, как папаша говорил матери, что, пожалуй, печально, что я не свернул себе шею. Я мог, приблизив лицо к вентилятору, смотреть прямо на кухню. Я видел, что мать огорчена словами отца.

«Он твой сын, Фрэнк,- сказал она,- ты обязан поговорить с ним».

Отец был практичен. «Меня беспокоит, что он может дожить до пятидесяти, пока не поймет, что там ему аиста не найти».

Не найти! Не может быть. Если не будет аиста, я окажусь банкротом на церковном пикнике. Все дети ждут его. Мы готовили сюрприз для мисс Поппенбург. Если не аист приносит детей, то кто же? Разумеется, я спросил у отца. Он что-то быстро пробормотал в ответ. Я разобрал только, что он немедленно идет в город. Он посоветовал мне расспросить мистера Филлипса. Это его аист, сказал папаша.

Я встревожился. Как я мог со сломанной лодыжкой снять этот медвежий капкан с крыши? Если мистер Филлипс замешан в появлении ребенка, этот капкан у трубы может преподнести ему сюрприз, когда он будет спускаться. Он тоже может сломать лодыжку.

Вечером, когда мистер Филлипс возвращался домой с работы, я ждал его у ворот. Я сказал ему: «Если это случится ночью, мистер Филлипс, будьте осторожнее там, наверху».

«Что?"

«Я только имею в виду, что вы не птица, и с капканом на ноге вы можете потерять ваш сверток».

Мистер Филлипс был довольно туповат. «О чем ты толкуешь?"

Я решил быть с ним откровенным. «Как мужчина мужчине,- сказал я. - Мы ведь знаем, что аиста нет, не так ли?» Лицо мистера Филлипса вдруг стало как банановый пудинг, а потом как томатный сок. Я сразу понял, что совершил серьезную ошибку. Бедняга.

Похоже, он не знал, что аиста не будет. Он подозрительно посмотрел на меня.

«А ты уверен, что упал не головой?» - спросил он.

Когда он ушел, появилась матушка. Она сказала: «Мистер Филлипс выглядел немного расстроенным. Что ты ему сказал?"

«Я нанес ему страшный удар,- сообщил я ей. - Теперь он не знает, получит ребенка или нет».

Мать засмеялась. «Я думаю, что он нисколько не сомневается».

Я покачал головой. «Он полагался на аиста, а я разбил все его надежды». Матушка пристально разглядывала меня. Она делала вид, что очень интересуется гипсом на моей лодыжке. «Хорошо,- сказала она,- если не аист приносит детей, то кто?"

Я ответил не сразу. Все считали, что капкан упал с крыши вместе со мной, но я-то знал, что он все еще там, у трубы - на взводе. Я посмотрел наверх, в сумрак, где возле красных кирпичей лежал, замаскированный, мой капкан.

«Пока не знаю,- сказал я матери. - Но, думаю, что на днях смогу тебе сказать».

Когда же мистер Филлипс получил ребенка без участия капкана, это заставило меня призадуматься. А кроме того, и начать читать. Я потерял к ребенку Филлипсов всякий интерес. Я напал на след более крупной дичи. Я решил получить ответы на все мои вопросы. Почему небо голубое? Куда девается смех, после того, как его услышишь? Если земля круглая, а люди ходят по ней со всех сторон, то какая сторона верхняя? Почему Сэмми Агню черный, а я белый - большую часть времени? Есть ли у Господа жена? Где его дом? Может он говорить на языке индейцев-чиппевеев, как дядя Уолтер? Правда ли, что он всех любит? Даже старую леди Желтый Жакет, которая гоняется за нами с зонтиком? Зачем он сотворил москитов? А также мух, которые могут бегать по потолку вверх ногами? Я решил, что единственный человек, который может ответить на мои вопросы,- это мой дедушка. Я пробовал спрашивать мисс Поппенбург в школе, но она сказала, что мне следует знать ответы только на ее вопросы, а не на мои. Когда я обратился к отцу Хогену, он посоветовал мне регулярно ходить на исповедь, хорошенько каяться, не пропускать воскресной мессы, и оставить Бога в покое. Отец велел мне заткнуться. Однажды на улице я спрашивал о чем-то даже мэра Флэтчера. Он похлопал меня по спине и с веселым смехом сказал, что обсудит мои вопросы на муниципалитете, но больше я никогда от него ничего не услышал.

Я был уверен, что дедушка скажет, чтобы я выкладывал все напрямик и задавал любые вопросы, какие смогу выдумать. Он, может быть, и не знает ответов, но непременно

попытается отыскать их. Мой дедушка был невысокого мнения о школе, церкви и политике. Он говорил, что у большинства людей головы настолько пусты, что можно две недели ехать там на экипаже и не встретить ни одной свежей мысли. Он был именно тем человеком, которому можно задавать вопросы, это точно.

Г Л А В А 3. ПАРА ЗАКОРЕНЕЛЫХ ГРЕШНИКОВ

Я делал следы динозавра в мягкой теплой пыли дороги на Олд-Свимминг-Хоул, прыгая на сдвинутых вместе ногах.

Я направлялся к дедушке. Я проигнорировал открытые ворота, потому что они были слишком малы, чтобы в них мог пройти динозавр, и перелез через дощатый забор и пустые ясли. Дедушка был в амбаре и распевал во всю мощь своих легких:

Ждет на небе пирог, когда выйдет твой срок. Когда выйдет твой срок - ждет на небе пирог. Так живи день за днем весь отпущенный срок И получишь потом в небесах свой пирог.

Дедушка тер скребницей старого упитанного Принца. Он поймал меня, вручил щетку и посадил на хребет гнедого.

«Ты когда-нибудь видел Бога? - спросил я его. Дедушка немного подумал. «Ты имеешь в виду - в лицо?» Я кивнул. «Глаза в глаза».

Дедушка похлопал старого Принца по холке, стряхивая тонкую сенную пыль, которая сыпалась с сеновала.

«Ладно, сэр,- сказал он,- это забавная штука. Я частенько беседовал с Ним, конечно, но это была большей частью односторонняя беседа».

«Он не отвечал тебе?»

Дедушка толкнул гнедого локтем. «Давай, малыш». Принц сделал небольшое па задней ногой, освобождая место. «Нет,- сказал дедушка,- ни звука не отвечал. Обычно я не получал ответа на свой вопрос и понял мудрость этого позже. Господь во многом подобен банкиру, сынок. Большая часть его работы - отшивать парней вроде меня, которые не так надежны, чтобы давать им займы».

Мой дедушка был протестантом, мы - католиками. Дедушка говорил, что он бедный старый старатель, и ничего более. Я спросил его, почему. «Все уверены, что моют золото, но получают, в основном, гравий,- сказал он. - Я же ищу настоящую жилу».

«Что это значит?»

«Узнаешь когда-нибудь».

Моя мать перешла в католичество, когда они с отцом поженились. Я слышал, как она рассказывала о том, что бабушка была в ужасе от этого. Деда же это не волновало вообще.

«Если у тебя под шкурой чистое сердце,- сказал он матери,- я уверен, что ты будешь водить Господа за нос, подыскивая местечко потеплее».

Когда я поинтересовался у деда, почему он до сих пор оставался старателем, он ответил мне, что, если его отец был любезен, то и он тоже будет любезен. Он поведал это мне при миссис Кэйси. Она заявила разгневанно, что деду никогда не увидеть, что находится по ту сторону жемчужных ворот.

Меня это очень огорчило: мне было совершенно неинтересно отправляться на небеса, раз там не будет дедушки. Я знал, что пропускать воскресную службу - смертный грех, за который будешь вечно гореть в геенне огненной. Дедушке было больше семидесяти, значит, он пропустил уже больше трех тысяч раз. Я сказал ему об этом. Он захихикал. «Я буду проклят, насколько это возможно. Если не покаюсь в своих ужасных грехах». Я вышел за ним во двор.

«Ты здорово старый, дед. Ты не думаешь, что скоро придет время исповедаться?»

Он прервал правку косы на точильном камне, смочил камень водой и опять принялся качать и точить.

«Сынок,- сказал он,- боюсь, я немножко староват, чтобы идти расстраивать такого славного молодого парня, как отец Хоган». Я запротестовал. «Миссис Кейси сказала, что никто не бывает слишком стар, чтобы смыть свои грехи». Дедушка кивнул. «Миссис Кейси хотела бы смывать их прямо у себя на кухне

- сразу, лишь только они появятся перед ней». Дедушка встал, попробовал лезвие косы на своем большом пальце, после чего принялся косить траву вдоль участка подсолнечника. «Нет,- говорил он мне между взмахами,-позволь своему старому деду отправиться в могилу таким нераскаившимся грешником, каким он и является». Потом он засмеялся. «Но - только между нами - держу пари, что Господь как следует посмотрит, не грязно ли у миссис Кейси за ушами!» Миссис Кейси жила в соседнем квартале. Она постоянно пеклась о грешниках.

Она регулярно ставила в церкви свечи, в надежде, что они все-таки исправятся. Дедушка говорил, что если она зажжет свечу за каждую душу, которая кажется ей грешной, то наш городок будет виден в ночи аж из Миннеаполиса.

Миссис Кейси была чумой для грешников, особенно для протестантов и иудеев. Она говорила, что все они пойдут в ад, потому что язычники. Поэтому-то мы с Эллой так расстроились, когда летом мисс Шустер уезжала обратно на Верхнее озеро. Она была учительницей у нас во втором классе, и мы очень ее любили. Когда мы узнали, что она еврейка и протестантка, мы поняли, что у нее нет шансов.

Вечером, когда на автобусе она покидала городок, мы с Эллой принесли ей три апельсина и старый журнал. Мы провожали ее так усердно, что матушке в конце концов пришлось придти и отправить нас домой. Мисс Шустер была очень тронута, что нас так печалит ее отъезд.

«Спасибо за подарки, дети,- сказала она, ласково улыбаясь нам. - Я буду читать журнал в дороге».

Элла разразилась слезами. «О,- рыдала она, это не для дороги. - Это на тот день, когда вы пойдете в ад за язычество!"

Мой острый интерес к Богу особенно возрос, когда я начал понимать, сколь значительную часть времени Он тратит, хлопоча об одном маленьком мальчике

- обо мне. «Богу не понравится, если ты сделаешь это, Уильям - говорила мать. «Не ешь яблоко в постели, Уильям, Бог все видит». Я никак не мог понять, когда Бог отдыхает от своих забот. Я спрашивал папашу, но он посоветовал мне спросить отца Хогана. «Я за это церкви плачу,- сказал он.

- Пусть отрабатывают деньги».

Отец Хоган же посоветовал спросить у папашы, поскольку он человек честный и боится Бога. Чего не знал отец Хоган, так это того, что мой отец - человек, который боится и вопросов о Боге Однажды ночью видение вновь посетило меня. Только теперь я был достаточно взрослым, чтобы все хорошенько запомнить. Отец сказал, что причина этому - четыре сандвича с пикулями и пинта клубники, которые я съел, и отказался обсуждать эту тему. Мать сказала: «Запиши все подробно, дорогой, потом придешь и почитаешь мне».

Прежде чем обсудить какой-то трудный или щекотливый вопрос, мать очень часто велела нам, детям, пойти в свою комнату и записать все очень тщательно, чтобы мысли прояснились в наших головах. Это позволяло матери выкроить немного времени для своей работы. Иногда она говорила: «Попробуйте изложить все это стихами, в рифму, чтобы звучало красивее, когда вы будете читать это маме».

Мать понимала детей лучше, чем отец. Иметь дело с отцом бывало выгодно, и ты мог получить, что хотел, если не опасался извержения вулкана в тот момент, когда его терпение наконец лопалось, и он кричал: «Ох, да ладно!» Матушка всегда видела тебя насквозь и говорила «нет» так нежно, что ты никогда не мог взбунтоваться, как бы тебе этого ни хотелось.

Тем не менее, я потерял доверие к матери с тех пор, как она, примерно двумя годами ранее, обманула меня. Она предостерегала меня от озорства, говоря «У меня глаза на затылке!» Я верил ей, потому что, как бы тихо не крался я к буфету, мать, даже не поворачиваясь от мойки, говорила «Положи назад печенью, Уильям!» Она могла

увлеченно шить, сидя в углу, спиной к парадной двери, как угодно шуметь, но, если ты пытался прокрасться по лестнице на улицу, она окликнула тебя: «Не выходи, пока не сделаешь домашнее задание, дорогой».

И я решил, что у нее и впрямь глаза на затылке. А еще я решил их увидеть. Однажды после обеда, когда она задремала, я тихо подкрался к ней с ножницами. Осторожно я выстриг часть волос на затылке. На затылке не оказалось вообще никаких глаз, но зато какие изумленные глаза были на ее лице, когда проснувшись, она увидела меня, стоявшего рядом с ее волосами в руке.

Она рассказала об этом отцу. «Ребенок ненормален,- заключила она. «Спасибо за сенсацию,- проворчал отец.

Наконец я закончил описывать подробности моего видения, спустился к ней и все прочитал. Прежде чем я начал, отец встал и вышел из комнаты. У меня до сих пор хранится этот старинный документ, в котором детскими каракулями описан прекрасный сияющий образ, явившийся мне и принеший такой покой и восторг, какие нельзя описать словами.

«Кто это был?» - спросил я.

«Возможно, друг - сказала мать. - Ты действительно видел его или думаешь, что видел?"

«Я видел его».

«Ты спал или проснулся?"

«Спал. Иначе я бы спросил, кто он такой». «А как он выглядел?"

«Он был весь белоснежный, сияющий и прекрасный, и он поманил меня рукой». «Что он еще сказал?» - спросила она.

Он сказал: «Я жду тебя. Ищи меня. Будь как Петр. Рыбачь».

Я бы сказал, что мать встревожилась, потому что спокойствие давалось ей с трудом. В ту же ночь сквозь вентилятор в полу я следил за отцом и матерью, которые сидели за кухонным столом. Они думали, что я сплю.

Мать сказала: «Я по-настоящему беспокоюсь, Фрэнк. Возможно, ты был прав. Возможно, это видение означает, что он может уйти от нас».

Это было для меня новостью. И я, к своему ужасу, понял, что, говоря «уйдет», мать имеет в виду «Уйдет совсем», как однажды в расцвете лет «ушел» Большой Дядя Роберт. Ночью я вообще не спал. Раз кто-то придет за мной, я должен быть начеку. Несколько дней мне было совсем тошно. Я мало разговаривал и не выходил играть. Я сидел в своей комнате и боялся. Я чувствовал, что обязан быть дома, когда придет гость. Я распрощался со всеми друзьями. Я отдал свою бейсбольную рукавицу Марджи Келли, которая сильно мне нравилась. Я отдал ее даром.

«Это прощальный подарок,- сказал я ей.

«А куда ты уходишь? - спросила она удивленно.

Я проглотил комок в горле. «Ужасно далеко». Так всегда говорят ковбои в фильмах в «Народном театре», а больше я и не знал, куда можно уйти. «Куда далеко?» - спросила она.

«Просто далеко».

«Далеко-далеко от Дулута?"

Я кивнул. «Гораздо дальше. И никогда не вернусь назад». Марджи обрадовалась. «Тогда можно я возьму твои роликовые коньки?"

Я отдал их ей. Я ждал две недели, но никто за мной не явился. В конце концов я забрал коньки обратно. Я снял их однажды вечером на улице прямо с ног Марджи.

«Тебе хватает нахальства,- сказал я ей,- кататься, хотя мое тело еще не остыло».

Я решил, что лучше пойду и расскажу деду о моем видении и об этом «уйти». Может быть, он все растолкует. Я не думал, что видел Бога. Он не казался столь величественным, хотя и был прекрасен. Дед отгребал снег от дверей амбара, когда я пришел. Я не терял времени. Я рассказал ему о видении. «Ты когда-нибудь видел что-то подобное?» - спросил я его.

«Нет. Но хотел бы».

Дед двинулся вокруг сарая через глубокий снег. Я шел по его следам, делая гигантские шаги.

«Что ты делаешь?» - сказал он. «Иду по твоим следам».

Дед будто испугался. «Ладно, выбирайся из них. Они не годятся, чтобы ходить по ним. Делай свои собственные следы и делай так, чтобы по ним можно было пройти».

«А как ты думаешь, Бог оставляет следы?» - спросил я.

Дед засмеялся. Он сказал, что я напоминаю ему школьника, который взял карандаш и начал что-то усердно чертить. Учитель спросил, что он там рисует. Бога, ответил тот. Учитель засмеялся и сказал, что никто не знает, как выглядит Бог. Мальчик ответил: «Когда я закончу - буду знать». Дедушка разразился взрывом смеха. Он любил свои шутки больше чужих и частенько смеялся над ними больше, чем они того заслуживали. Когда я заворачивал за угол амбара, чтобы идти домой, он швырнул мне сзади за шиворот снежок.

Только еще одному человеку, Элле, я рассказал о видении.

Это было ошибкой. Наверное, она была завистлива, и поэтому с того момента у нее появились все виды снов и видений.

«Твой человек приходил ко МНЕ в МОЙ сон этой ночью,- гордо хвасталась она.

Это казалось сомнительным. «Как он выглядел?"

«Он был высокий, как сосна, и глаза, как две больших миски».

Я знал, что она выдумывает. За завтраком она всем рассказывала:

«Сияющий человек Уильяма являлся этой ночью ко мне».

Отец промахнулся мимо тоста и намазал маслом свою ладонь.

«Это замечательно, дорогая,- сказала мать. - Запиши все это как следует для нас и прочти за обедом».

Элла была полна энтузиазма. «Он был длинный и тощий, на нем было длинное черное пальто и высокая черная шляпа, у него черная борода и очень печальные глаза».

Моя сестра Фрэнсис кивнула. «И он повторял снова и снова: «... восемьдесят семь лет назад наши предки...».

Все понимали, что Элла говорит неправду. Я слышал, как отец говорил матери, что хотел бы знать, не сочинял ли и я.

«Это единственный раз,- говорил он, когда большая жирная ложь была бы желанной и осталась бы безнаказанной».

Однажды в воскресенье я не пошел в церковь, рискуя навлечь на себя смертный грех. Вместе с дедом мы поехали в его кабриолете на берег Миссисипи. Там был ужасный шторм, и все дома людей, живущих по берегам, затопило. Дедушка помогал им спасать вещи. Мы работали до позднего вечера. Когда мы вернулись, дедушка получил взбучку от бабушки, а я был отправлен наверх, в постель, прежде, чем пришел домой отец и смог со мной разделаться. Я понимал, что на этот раз будет не разговор «мужчины с мужчиной», не легкий ивовый прут - это будет ремень для правки бритвы. Отец махал этим ремнем так, словно колот дрова, иногда теряя в своей работе чувство меры, и, казалось, не мог определить, достаточно ли уже получил мальчик, чтобы исправиться. Но что было даже хуже - так это его манера подниматься по ступенькам. Его ноги играли на этих ступеньках с большим чувством, чем даже мистер Тилли на церковном органе по воскресеньям. Шаги отца по ступенькам всегда были ужаснее самой порки. Иногда по утрам, когда он по два раза окликал нас, а мы все не вставали, он взбегал на несколько ступенек самым устрашающим образом. «Я поднимаюсь за вами,- говорил он. - И если я поднимусь, вы пожалеете». И он скакал на одну ступеньку вверх и вниз, поднимая шум на весь свет, делая вид, что взбирается наверх. Я вылетал из постели, как метеор, и попадал прямо в брюки. Как то поутру отец был в особенно хорошей форме. «Если вы не подниметесь в пять минут,- сказал он, я приду и вытащу вас за шиворот!» Через десять минут он сказал: «Я иду!» Звучание ступеней было столь внушительным, что я почувствовал гордость за отца.

Я засмеялся и окликнул Эллу: «Это неплохо. Это звучит, как будто отец подходит прямо к комнате». Я поднял глаза. «Доброе утро, папа!" Теперь, когда я пропустил

воскресную службу, я ждал в своей комнате «отеческих шагов судьбы» снова. И они прозвучали.

«Давай-ка покончим с этим,- сказал он. «Да, сэр».

«Это причинит мне большую боль, чем тебе». «Но в другом месте».

За это я заработал несколько добавочных ударов, но как только отец закончил «бить в литавры», как называла это Элла, я спустился и присоединился в амбаре к дедушке. Он сидел на ящике с овсом. «Присядь, сынок,- сказал он.

Я покачал головой. «Пока не буду».

Дедушка сочувственно кивнул. «Ты думаешь, что если бы соврал насчет того, где мы были сегодня, то имел бы теперь у себя в штанах более удобное седалище, верно?» - Я кивнул. Дед засмеялся. - Лучше быть потрепанным, но гордым - сказал он мне.- Вот в чем характер. Забудь свой огузок. Ты сделал доброе дело, помогая этим людям на реке».

Дедушка быстро взглянул на дверь амбара, будто увидел там тень бабушки, а потом сказал: «Конечно, молиться тоже хорошо. Но так же хорошо можно молиться и за работой. Не хочу, чтобы ты думал, будто твой старый дед не верит в молитву, потому что я верю. Но есть разные пути. Сейчас, если я опущусь на колени, чтобы сделать это, Бог скажет мне: «Мэл Вагнер, ты - старый лицемер. Встань с колен и отправляйся -ка резать свиней. Пусть молиться тот, кто умеет. А ты ступай, помоги тем людям на реке, слышишь?» «Бог действительно говорил тебе это?» - спросил я его.

«Именно это бы Он и сказал».

Дед дал мне мягкую подушку из повозки. Я очень осторожно присел на нее. Я любил запах его одежды, его морщинистые щеки с редкими колючими бакенбардами, которые царапались, когда он обнимал меня. В амбаре был мир, который принадлежал только деду и мне. Я любил каждую минуту, проведенную здесь, аромат сухого клевера и люцерны, когда дедушка бросал вилами сено в кормушки; пыль, которая щекотала горло; сладко-кислый запах упряжи; мне нравилось, как прядали ушами лошади, издавая тихое ржание, и беспокоились, когда мы гремели крышкой ларя с овсом; нравились и дружеские тычки, которыми награждал меня старый упитанный Принц, когда я прикасался щекой к его бархатным теплым ноздрям; иногда я похлопывал его по шее и следил за лучами солнечного света, проникающими сквозь щели в стенах амбара, словно маленькие прожектора, нити которых играли с частицами танцующей пыли.

Перед тем, как я отправился этой ночью домой, дед одарил меня объятьем медведя-гризли и оцарапал бакенбардами. «Никогда не прекращай задавать вопросы,- сказал он мне. Затем он взял с меня клятву, что провалиться мне на этом месте, если я прекращу. «Это все равно, что учиться,- сказал он.-Когда ты станешь старше, ты бросишь задавать вопросы и будешь принимать все как есть, а это, что ты принимаешь так, как есть, обычно не так уж и хорошо, в конце концов. Вот что важно, сынок. Спрашивай.

Где-то должно быть нечто лучшее, чем то, что мы имеем. Однажды ты поймешь смысл твоих снов. Надеюсь, что буду рядом, когда это случится. Я ведь и сам что-то искал больше семидесяти лет».

В этот момент в дверь амбара постучался отец, давая мне понять, что наше совещание закончено.

Г Л А В А 4. ЖДЕТ НА НЕБЕ ПИРОГ, КОГДА ВЫЙДЕТ ТВОЙ СРОК

На следующее утро, когда, позавтракав, я встал из-за стола, отец велел мне вернуться.

«Куда ты думаешь идти?"

«К дедушке».

Голос отца был суров. «Сними шапку. Ты остаешься дома».

«Но дедушка берет домой несколько овец, и он сказал, что мог бы держать ягнят».

«Ты остаешься дома, и кончено».

«Почему?"

«Потому что я так сказал, вот почему».

Я не видел деда целую неделю. Виноват в этом был я сам. Не нужно было говорить матери с отцом, о чем мы беседовали с дедом воскресным вечером, вернувшись с разлившейся реки. По пути я насчитал семь церквей и поинтересовался у деда, как может Бог каждое воскресное утро посещать их все сразу.

«Очень просто,- сказал он. - Бог как воздух. Он повсюду. Ты ведь дышишь воздухом здесь, в повозке, а лошади дышат им снаружи».

«А Бог бывает в какой-нибудь церкви дольше, дед, и любит ли он их все одинаково?"

Дед задумался. «Не знаю,- сказал он. - Не думаю, чтобы у Бога был резон заводить любимчиков. Для тебя и меня эти маргаритки - желтые и белые, а васильки - синие, и этим они отличаются. Но для Бога они просто цветы, и пока они растут и цветут, он никуда не сует свой нос, и не принимает ничью сторону.

Бог велик. Вот только его создания унижают Его».

Когда я рассказал отцу за обеденным столом, как дед называл одни церкви одуванчиками, а другие алтеем, он решил, что это очень забавно. Потом я сказал, что дед считает - Бог очень добр и щедр, и ему все равно, в какую церковь ходит человек, если тот любит Бога и своих братьев.

Глаза отца сделались ледяными: «Что это за Бог такой, о котором тебе толкует дед?"

«Он не такой далекий и страшный, как в церкви,- сказал я.

«Я слышал, как дед разговаривает с Ним. Когда он приходит утром в амбар, он говорит Богу: «Доброе утро! Я вижу, вы ночью приглядывали за лошадьми. Весьма обязан, сэр. Теперь вы можете немного вздремнуть, а я погляжу за ними остаток дня».

Я был отправлен в постель без обеда. Отец считал, что дед оказывает на меня плохое влияние, поэтому нам было запрещено видаться целую неделю. На закате надо было выскользнуть из окна спальни, проползти по крыше дровяного сарая и спуститься по клену. Мать взяла с меня обещание не встречаться с дедом и не разговаривать с ним, но она не говорила, что я не могу пойти к амбару и поглядеть на него. Я стоял возле изгороди и смотрел сквозь доски кормушки, как дед ведет лошадей на водопой. Когда старый упитанный Принц проходил мимо, я почти коснулся его. Принц тихо заржал и высунул ко мне свой нос. Глаза деда глядели прямо на меня, но он дернул Принца за узду.

«Трогай,- скомандовал он. - Давай к поилке. Нет там ничего в кормушке». И тогда я понял, что дед, должно быть, тоже получил инструкцию не общаться со мной. Когда лошади были напоены и вернулись к амбару, я спустился к мосту через Миссисипи. Я сидел там и смотрел на воду, пока не село солнце. Я наблюдал за бревнами с лесопилки Свансона, плывущими по реке. Я воображал, что это огромные корабли, и что дед - капитан на самом большом из них, а я - его первый помощник, и мы плывем в Новый Орлеан искать спрятанные сокровища. Солнце обернулось большей тыквой и превратило воду реки в апельсиновый сок.

Я услышал, как лошадь и повозка въезжают на мост. Это были дед и Принц. Я сдержал обещание, данное матери, соскользнув с края моста и спрятавшись под ним. Дед остановил повозку прямо надо мной.

«Кто здесь?» - крикнул он. Я не ответил. Довольно скоро я услышал, как он говорит: «Н-но! Н-но! Трогай Принц!» - и повозка загрохотала прочь.

На следующее утро я услышал шум дедушкиной повозки возле дома и подбежал к окну. Я увидел, что он машет мне, и махнул в ответ. Он выехал на новой упряжке серых в яблоках, и я понял, что он хочет показать мне, как здорово они выглядят. Ночью я взял у матери лист бумаги и карандаш, и начал писать деду письмо. Было нелегко придумывать, что сказать. Я начал так: «Дорогой дед, я, конечно, хотел бы придти к тебе домой поиграть...". Тут сморил меня сон. Мать пришла поправить мне одеяло. Я проснулся и увидел, что она читает письмо. В ее глазах были слезы. Я притворился, будто сплю. Мать опять подоткнула мне одеяло и крепко обняла меня. Она поцеловала меня ночью и взяла письмо с собой. Я выкарабкался из постели и нацелил свои глаза в вентилятор. Мать показывала письмо отцу. Отец подошел к телефону и сделал два длинных и два коротких звонка. Он звонил дедушке. Я вернулся в кровать. Я больше не мог держать раскрытыми уши, чтобы подслушивать. Они тоже устали и закрывались вместе с глазами. На следующее утро мать сказала, что все в порядке, и я опять могу идти к деду. Кто-то, наверное, сообщил и деду, что он тоже может приходить ко мне, потому что, как только я выбежал за дверь, то увидел, что по дороге катит дедушкина повозка, запряженная Принцем и Бьюти. Они поднимали симпатичные облачка пыли.

«Тпр-р-р-у!» - крикнул дед, громче, чем обычно. Он протянул мне свою руку. - Я еду посмотреть больную кобылу Тэмэрек-Свамп. Как у тебя со временем?"

«Полагаю, что смогу помочь ей,- сказал я ему. Я уселся рядом с ним. Дед передал мне вожжи. «Трогай, Принц! Бьюти!» - завопил я.

Дед похлопал меня по колену, царапнул мою щеку бакенбардом и громко засмеялся.

«Вот какая штука, сынок,- сказал он мне. - Я могу говорить с тобой о Боге сколько угодно, но церкви мы с тобой оставим в покое».

Мы миновали старую заброшенную железнодорожную станцию Су-Лайн прежде, чем дед снова заговорил. Закончил он так:

«Я думаю, тебе нужно сделать только одно, сынок,- прочесть Хорошую Книгу самому. Увидишь, что из этого выйдет». Он привлек меня к себе. «Но не переставай задавать вопросы и следуй своему сердцу, слышишь? Иначе не сбудутся твои мечты».

Дед велел мне остановить повозку. Он спрыгнул вниз, хромя, пересек дорогу, перебрался через редкую изгородь, и исчез с моих глаз. Я уже подумал идти за ним, как он снова появился, торопясь назад к повозке. В руке он держал шляпу, и она была полна замечательной, крупной, красной клубники. Мы ели ее с огромным удовольствием, проезжая по старой прибрежной дороге. Дед сплевывал хвостики на круп Бьюти, и та потешно и быстро дергала складками шкуры, будто отгоняла садящихся на нее мух. Она махала хвостом, почти задевая дедово лицо. Он хохотал вовсю. Он снова передал мне шляпу с ягодами. «Сыновья Сэма Кригера годами воровали арбузы с моего участка, и будет справедливо, если я расквитаюсь с ним этими ягодами».

А потом дед рассказал мне одну историю. Жил да был,- начал он,- один маленький мальчик. Вместе со своей семьей и друзьями он заблудился в долине тьмы. А потом совершенно случайно он нашел фонарь. И когда он зажег его, каждый в темной долине увидел свет и подошел ближе. И, светя, маленький мальчик повел людей из долины тьмы вверх по горной тропе. Первая сотня последовала за ним, потом тысяча, потом десять тысяч. Оглядываясь, он видел, что все больше людей шло за ним. И чем больше их было, тем больше он был доволен собой и своим делом. Он стал оглядываться все чаще, чтобы видеть, скольких он вел из темноты - так горд был он, что так много людей идет за ним. Но он споткнулся и уронил фонарь, который подхватил кто-то рядом. Толпа перешагнула через него, поднимаясь на холм и оставила в пыли. Ведь все шли вовсе не за ним, так? Они шли за светом, а он был брошен во тьме».

«Таков мир, сынок,- сказал дед. - Это долина тьмы. Если ты обретешь свет, никогда не спотыкайся и не оставляй его. И всегда помни, что ты не много значишь сам по себе, если не светишь. Мы - как воздушные шары, и душа, которая светится в каждом из нас, подобна воздуху внутри шара. Пока душа не заполняет шар, он просто сморщенная и бесполезная штука».

Когда мы переехали Рипл-Ривер и повернули на Тэмэрэк-Роуд, две собаки выбежали со двора Джими Питерсона и залаяли на лошадей. Дед наклонился и залаял на них в ответ. Собаки были так удивлены, что остановились посреди дороги, повернулись и побежали назад.

Стайка воробьев вспорхнула с дороги, когда приблизились Принц и Бьюти, и спряталась на больших дубах возле лесопилки. Стадо Холстейна лениво пило на берегу реки. Большое желтое солнце шло за нами прямо по середине дороги. Копыта лошадей шлепали по мягкому грунту, и упряжь позвякивала в ритм дедушкиному голосу, пока он развлекал окрестности:

«Ждет на небе пирог, когда выйдет твой срок. Когда выйдет твой срок - ждет на небе пирог...»

Г Л А В А 5. ХОРОШАЯ КНИГА И ПЛОХОЙ МАЛЬЧИК

Я послушался дедушкиного совета и начал читать Библию. Я нашел это чересчур трудным и почти уже сдался на милость детектива Ника Картера, когда мне сказали, что читать Библию самостоятельно не поощряется. С того момента все превратилось в «должен». Я перескакивал через главы, ища сияющего белого человека из моих снов. Когда отец услышал, что я читаю оба Завета -и Ветхий, и Новый, он совсем растревожился.

«Я не хочу, чтобы мальчик сделался религиозным фанатиком,- сказал он матери.- Во всяком случае - прежде, чем он вырастет. С меня довольно видений».

Когда отец заставлял меня читающим Библию, он забирал ее у меня. Он спрятал оба наших экземпляра, поэтому я занял один у Сафида Филлипса. Он с трудом отыскал книгу у себя на чердаке, в нее никто не заглядывал со времени первого причастия его дедушки.

Я начал читать по ночам в постели. Отец этого не одобрил. Он сказал, что по ночам молодые люди должны спать. Я ответил «Да, отец». Я произнес это губами. Про себя я сказал: «Если ты не поймешь меня, отец, я закончу Фараона и его колесницы, которые поглотило Красное Море, вечером... в постели». Так началась великая религиозная война между мной и отцом. Я думаю, что если бы вокруг Бога не разводили такой таинственности, я бы сдался на Книге Бытия, но отец так упорно отбивал меня от чтения, что я почувствовал - там должно быть что-то особенное. Он открывал дверь моей спальни, говоря «Пора спать, сын», протягивал руку и выключал свет, оставляя меня застрявшим на Аароне и золотом тельце. Конечно, мне не нравились такие дела, поэтому на цыпочках я вылезал из кровати, говоря про себя: «Пора читать, отец», и снова включал свет.

Потом отец высовывал голову из своей спальни и видел свет в моей замочной скважине. В тишине ночи он взрывался своей сынопугающей сиреной: «Уильям!» Я чуть не лез на стену. Я вылетал из кровати, тушил свет и нырял обратно под одеяло: «Ух! Щелк! Вжик!» «Ты звал меня, отец?"

Отец звал. Он оглашал мне уйму интересных вещей. Затем я начал вешать одеяло на дверь, чтобы свет не проникал в замочную скважину и щели. Это дало мне четыре чудесных ночи «безотцовщины». Я продвинулся до Ноя и ковчега. Ковчег обосновался на горе Арарат, скрипя деревянной обшивкой, когда я вдруг осознал, что скрип этот исходит из гостиной. Отец! Он шел по коридору на цыпочках, в одних носках. Я все понял, потому что он наступил на доску в гостиной, которую я расшатал, и она заскрипела. От этого скрипа встали дыбом мои волосы, и меня, чудесным образом, выстрелило, как пулю, из постели - я сорвал с двери одеяло, выключил свет

и влетел назад в кровать: Ух! Дерг! Щелк! Вжик!

Отец тихо открыл дверь. Он негромко позвал: «Уильям?» Ответа не было.

Отец закрыл дверь и ушел в свою комнату, производя «отцовский шум».

На следующий день я выдрал из моей математики внутренности и вставил в обложку Библию. После небольшого усилия она вошла прекрасно. Отец был весьма удивлен и обрадован, когда этой ночью зайдя в мою спальню, увидел меня, штудирующим математику. Он разрешил не выключать свет на полчаса дольше. Он решил, что я начал новую жизнь. Я начал главу о Навуходносоре

в земле Вавилонской. Но через несколько дней отец что-то заподозрил. Так усердно я никогда раньше не занимался уроками.

«Ты даже не записываешь арифметических задач, сын?" «Нет,- сказал я ему.- Я решаю их в уме».

Я понял, что лучше бы было взять обложку от учебника истории. Отец знал, что в математике я не соображаю. Он подошел прямо к кровати.

«Давай я помогу тебе с какой-нибудь задачкой,- предложил он.

Я почувствовал, что у меня словно отнялись ноги, а сам я сделался пустым. Я мигом сунул книгу под подушку и выпалил: «Нет, отец, я должен сам выполнить это задание».

Взгляд отца гонялся за моим по всей комнате, прежде чем поймал его. Я был уверен - он видит сквозь мою голову, сквозь подушку, сквозь обложку математики - видит «Даниила во львином логове». Отец не сказал ничего, но во взгляде его кое-что было. Это был: «ты-заплатишь-за-это-позже»-взгляд Он смерил меня тем же самым ледяным взглядом еще раз и отправился спать. Когда на следующее утро я вышел из ванной, то обнаружил, что моя математическая Библия исчезла из тайника под подушкой. И я сказал себе: «Не

делай вид, будто не знаешь, кто мог ее взять». Когда я сел завтракать, то увидел, что отец читает ее. Он опустил книгу, посмотрел мне в глаза и испортил вкус бекона и яиц. «Математика,- заметил он холодно,- изменилась с тех пор, как я был ребенком».

«В самом деле?» - с интересом сказал я, в надежде, что это действительно так, и что я просто глупо ошибался, решив, что крыша может обрушиться на меня в любую минуту. Она обрушилась.

«Возьмем эту интересную задачу на деление столбиком,- сказал он, указывая в книгу. - Вот здесь,- Иезекииль, глава 38, стих 21 и 22. - Отец громко прочитал: «... меч каждого человека будет против брата его... моровую язвой и кровопролитием, и пролью на него и на полки его... всепотопляющий дождь и каменный град, огонь и серу». Отец поднял глаза. «Не слишком ли это кровожадно?"

«Да нет, ничего,- сказал я ему с энтузиазмом.- Подожди, что будет, когда ты доберешься до следующей главы. Им придется семь месяцев хоронить мертвых - повсюду трупы!"

Я посмотрел отцу в лицо и потерял интерес к жизни. Отец сказал, что ремня для бритвы не будет, но какого-то наказания это заслуживает. Он спросил, что предлагаю я. Я предложил все забыть и начать сначала. Он сказал, что согласен, но только если я запомню, что он поручал мне кое-какую работу: наколоть на неделю дров, вычистить подвал и гараж, вымыть все окна и прибрать на чердаке.

«Насколько я знаю твои темпы,- сказал он,- это займет тебя на месяц». Тем не менее, на следующий день я играл в бейсбол, так как сделал все за полдня. Отец был поражен. Он сказал матери, что похоже, я наконец чему-то научился. Так и было. Я научился этому, пока чистил чердак. Я догадался, что могу спустить с чердака длинный электрический шнур с патроном прямо к себе в комнату. Это значило, что я теперь мог читать в постели с запасным огнем, когда отец даст мне сигнал к «затемнению».

Я считал, что нет никаких шансов обнаружить этот огонь, потому что пустил шнур вдоль труб, по стене, и провел прямо в кровать. Мать решила, что я, наконец, исправился - я слышал, как она говорила отцу: «Случилось что-то удивительное. Уильям каждый день готовит себе постель».

Ночью я делал чудесный маленький тент из одеяла, а потом под простынями и покрывалами зажигал электричество. В своем вигваме я мог читать, сколько душе угодно. Отец не мог увидеть, даже если входил прямо в комнату, что он часто проделывал по ночам. Я прочел все, вплоть до Наума и пророчеств насчет «последних дней», когда повозки побегут быстро, как автомобили, и будут с фарами, и движение станет таким затруднительным, что машины будут толкать друг друга на улицах, точь-в-точь как на Майн-стрит, когда там играет оркестр. Это волновало и пугало.

Однажды ночью я погрузился в Новый Завет, и первыми словами, попавшимися мне на глаза, были: «... и его лицо сияло как солнце, и одежды его были белы, как свет».

Это был мой сияющий человек! Я издал вопль, подскочил в постели и дернул свой добавочный провод так сильно, что произошло короткое замыкание, и во всем доме погас свет. Я спрятал шнур и вышел в гостиную помочь отцу, пытающемуся понять, что же такое стряслось. Я с трудом дождался следующей ночи, чтобы вернуться к своему чтению. Я сосредоточенно изучал текст. Чем дольше я читал, тем больше уверялся, что видел во сне Мессию. Это был Христос. Он вернулся и ждал меня где-то. Я не сомневался в этом, читая слова:

«Я ухожу, но вернусь снова».

«Вы увидите Сына Человеческого, грядущего во славе Отца». «Когда Он, Дух Истины, придет, он поведет вас к Истине». Это было то, что надо!

Я понимал, что если соприкоснусь с Духом Истины, он приведет меня к разгадке моего видения. На следующее же утро я спросил отца, где может быть Дух Истины.

Отец опустил утреннюю газету. «Ну,- сказал он. - Одно время я думал, что Теодор Рузвельт может быть, обладает им, или даже Тафт, но теперь я убежден, что все политики виляют, как берега Миссиссипи. Если кто-то из них и близок к истине, так это только Вудро Вильсон».

«Я имею в виду Дух Истины в Библии,- объяснил я.

«Ты звала меня, Этель?» - закричал отец, оставляя на своей тарелке два весьма неплохих яйца, которые я и съел.

Я читал под своим тентом в необыкновенном покое и безопасности целую неделю. Я старался найти в Библии побольше о сияющем белом образе. А потом пришла ночь большого взрыва. Это был понедельник. Я это запомнил, потому что моя учительница, мисс Поппенбург, задержала меня после школы и заставила написать на доске двести раз: «Я не должен приходить в школу с живыми лягушатами в кармане».

Я только что вернулся к Давиду и Голиафу. Это была великая битва, и я был так заинтересован, кто же окажется побежденным, что не услышал, как в комнату тихо проскользнул отец и подошел к самой кровати. Обычно всякий раз, когда отец наступал на расшатанную доску в коридоре, я выключал свет. Но отец поступил очень нечестно. Он приколотил скрипящую доску, так что я ничего не услышал, когда он проник в мою комнату.

Я был так огорчен тем, что Давид не попал в Голиафа из пращи, что не слышал, как отец приблизился к краю кровати. Отец же, заглянув в мою комнату, удивился, что за странное зарево исходит из-под одеяла. А я был беспечен. Потом отец медленно приподнял край одеяла и уставился на меня. Давид как раз готовился напасть на гиганта Голиафа. Разумеется, я не понял, что это лицо отца. Я не рассчитывал увидеть его здесь. Я даже не смотрел на него, когда он сказал: «Ну?» Его глаза глядели так яростно, что я решил, будто это и есть Голиаф. Я швырнул книгу, завизжал и, как Давид, выстрелил из

своей пращи. Я махнул проводом и стукнул отца прямо между глаз шестидесятиваттной лампочкой.

Получился громкий взрыв. Отец закричал, пытаясь схватить меня, вцепился в постельное белье, и, накрывшись им с головой, упал на пол.

Элла появилась на сцене первой. Она услышала взрыв и примчалась. Она начала истерично плясать около дверей.

«Он застрелил его! Он застрелил его! Отец застрелил Уильяма насмерть!» Мать бегом спустилась в гостиную. Она зажгла свет в спальне и увидела меня, съежившегося от страха, у стены, на дальнем краю кровати. Отец все еще пытался пробить себе путь из одеял. Следующие минуты были очень мучительны. В особенности, когда мать распутала отца, и он пополз по полу ко мне. Отец обвинил меня в намеренной попытке ослепить его.

«Я думал, что ты Голиаф,- сказал я.

Глазами он стал похож на циклопа. Мать охладила его пыл, и вместе с Эллой они помогли ему вытащить стеклянные осколки из волос и бровей.

«Я только хотел изучить, что написано в Библии,- сказал я матери, пытаясь привлечь ее на свою сторону.

«Тогда ступай и спроси отца Хогана,- заорал отец. «Я за это плачу церкви. Пусть отработывает деньги».

«Однажды я отправлюсь бродить по свету и расскажу людям о Боге. Как я смогу это сделать, если не буду учиться?»

«Учись днем, дорогой,- посоветовала мать.- Это сохранит тебе здоровье и уменьшит счет на свет».

Отец сказал матери, что готов немедленно оплатить мое кругосветное путешествие, если я отправлюсь уже утром.

Потом он взял с меня торжественное обещание под мое слово чести, под страшную клятву, под риск лишиться нового футбольного мяча, что я никогда - если хочу остаться его сыном, есть его хлеб, жить под его крышей - не буду включать электричество, чтобы читать в постели, никогда, никогда; я принял его условия.

Элла была разочарована. «Я думала, он его застрелил,- сказала она. Отец взял с меня обещание еще дважды, прежде чем ушел. Потом он продемонстрировал свое доверие ко мне, сняв мой добавочный шнур с чердака; сошел вниз и вынул предохранитель из распределительного щитка. И еще повесил на него замок.

Освещение в моей комнате было на одном предохранителе вместе с кухонным, так что, когда вся компания собралась на следующий вечер играть в карты и есть сэндвичи, отцу пришлось спуститься вниз, чтобы открыть щиток. Только он потерял ключ. Поэтому он взял ножовку у отца Сафида Филлипса, пошел и распилил замок.

Шум был пронзительный и неприятный. Так об этом рассказывали. Я не знаю. Я был занят тем, что держал обещание, данное отцу - ни в коем случае не включать электричества, чтобы читать в постели. Я не слышал пиления, потому что отправился в постель читать о своем «сияющем человеке». Я читал под одеялом при свете отцовского карманного фонарика.

Г Л А В А 6. ПРИДИТЕ ВСЕ БАНДИТЫ!

Через несколько лет мы переехали в Кросби, штат Миннесота. Дед был против того, чтобы мы уезжали. Он сказал, что Кросби такой маленький, что даже сельдерей там должен стоять дыбом, чтобы не вылезать за городскую черту. К Рождеству мы все впали в уныние. Отец заявил, что для семьи из шести человек слишком накладно ехать назад к деду. Мать с ним согласилась, но все же продолжала укладывать чемоданы. Отец было пытался настоять на своем, но в конце концов обнаружил, что уже стоит на платформе Нортен-Пасифик, направляясь к деду.

Дед взял меня за покупки в тот же самый день, как мы приехали. Два дня шел снег, и я понял, что будет замечательное белое Рождество. Мы поехали в центр города в санях, запряженных Бьюти, из ноздрей которой, как два гейзера, валил пар. Дед был круглым, как яблоко, и весьма румяным. Все лицо его было в веселых морщинках, каждая из которых изгибалась на свой лад, когда он смеялся. Дядя Клифф говорил, что дед - это самолетный мотор, приделанный к велосипеду. Мне всегда казалось, что дед встает еще затемно, и, поддев на виллы, поднимает солнце. Он любил распевать во все горло, подъезжая на повозке или в санях прямо к кухонной двери, чтобы я мог разгружать бакалею, не выходя наружу, через окно. Когда собиралось общество «Женская Помощь», он пел особенно громко. Он любил шокировать их.

Деду было около семидесяти, но если ты спрашивал, в каком смысле «около», он отвечал, что это не твое дело. «Кроме того, говорил он доверительно, вставая раньше солнца, используя каждую минуту дня, усердно работая до ночи и ложась в постель, когда все только идут с полей, я на самом деле прожил не семьдесят, а сто сорок лет. Это и есть мой возраст».

У деда было больное сердце - еще с той поры, как ему исполнилось двадцать лет. Когда он черпал лишнюю добрую порцию жирной подливки, бабушка говорила: «Вспомни, что доктор говорил тебе о твоем сердце, Мэл».

Дед уплетал и демонстративно захватывал еще одну полную ложку. «Доктора! Я пережил их уже троих, и с этой молодой клистирной трубкой будет то же самое».

Если кто-нибудь неодобрительно смотрел на него, пока он угощался очередной свиной отбивной, он смеялся и говорил: «Не стоит хмуриться. Я ем, что мне нравится. Если я умру, так умру, но я не умру голодным». Дед повернул ко мне и сказал: «Сынок, не

связывайся с докторами, пока ты в трезвой памяти. Все они думают об одном - резать, резать, резать». «Да, дедушка».

«У меня пока все на месте, чем наградил меня добрый Господь, но не было ни одного из них, кто бы не пытался отхватить от меня что-нибудь с помощью ножа».

«Ешь свой обед, Мэл,- посоветовала бабушка. Она была прооперирована четырежды и гордилась этим.

«Не отклоняйся от темы, Бесс,- сказал дед. - В тебе уже больше ножей, чем в ящике со столовым серебром, а каждая испорченная штука, которую они вынули, были лучше новой».

«Перестань!"

«Доктора! - шепотом проворчал дед. - Тебе еще нет и недели от роду, как они вынимают свои ножи, чтобы отхватить конец твоего."..

«Мэл!"

«Это факт. И если бы я тогда был способен говорить, они никогда не заполучили бы этого».

Иногда дед играл со мной в крибэдж. Он жульничал. Он говорил, что делает это потому, что я слишком хороший игрок, и он просто уравнивает силы. Временами он вынимал свой альбом с фотографиями и показывал мне в нем скаковых лошадей. Это я любил больше всего. Он только что приобрел двух новых рысаков - лощеного вороного иноходца по имени Тропикал и крупного гнедого рысака Дакара.

«Этот Дакар сможет обойти Дэна Пэтча,- сказал он мне.

Дед каждый год участвовал на своих лошадях в гонках на Миннесотских ярмарках. Я всегда сопровождал его. Самым замечательным был год, когда он выиграл на Дакаре золотую медаль. Не упоминая уже о деньгах, говорил он мне. Служащие ипподрома ежегодно уверяли деда, что он слишком стар, чтобы участвовать в гонках на двуколках. Они предлагали, чтобы он позволил своему сыну Клиффорду участвовать в гонках новичков. Дяде Клиффу было тридцать пять. Дед сказал: «Нечего молокососам участвовать в гонках на моих лошадях. Они нуждаются в опытной руке».

Распорядители неохотно записывали его, но предупреждали, что он участвует в скачках последний год, ради его же блага, слишком он стар. Когда дед проезжал на Дакаре мимо трибун по направлению к месту старта, толпа издавала необыкновенный рев.

«Как вам это нравится? - говорили все. - Рип-Ван-Винкль вернулся и на этот год!"

Дед выглядел замечательно в своем зелено-белом шелковом одеянии. Ты никогда бы не догадался, что у забора он оставил свои костыли, и ему помогли сесть в коляску. Дакара он содержал в удивительной форме, но за несколько дней до гонок он переставал Дакара чистить и скрести и совсем не заботился о его внешнем виде. Дакар выглядел неважно. Чем хуже он выглядел, тем громче смеялся дед.

«Бедный старина Сэм Кларк,- говорил он. - Этот жалкий гнедой будет весь день помахивать своим хвостом Сэму в лицо».

Кто-то в толпе вопил деду, когда он ехал мимо трибун: «Где ты раздобыл этого овсового дармоеда, Мэл? Он выглядит так, будто уже бежал!» Дед молча отмахивался.

Дакар с трудом опередил на пол- головы в первом заезде Вихря Сэма Кларка. «Я придерживал его,- сказал мне дед. - Сэму казалось, что я сдаю. Он думал, что может выиграть, если постарается, но он не думал, что я не стараюсь. После следующего заезда он уже будет считать денежки». Дед задохнулся приступом своего астматического смеха и поцеловал Дакара в нос.

Дед сказал, что если я хочу увидеть семидесятилетнего опоссума за работой, то должен хорошенько проследить за ним во время второго заезда. Что я и сделал. После старта дед держался во главе участников. Метеор Джо Кейси шел с ним бок о бок. Лошадь мэра Флетчера Маленькая Леди была третьей рядом с Вихрем Сэма Кларка, начавшим рывок. Вихрь настиг Дакара на половине пути, и всем на свете показалось, будто дед выжимает из гнедого последние силы, но Сэм Кларк выиграл на финише на голову.

Он одарил деда широкой покровительственной усмешкой, когда поравнялся с ним, разворачиваясь. «Я дал тебе выиграть первый раз, Вагнер, по доброте души, из уважения к твоим сединам, ну, а теперь лучше ползи назад к чуркам в этом твоём сарае, а лошаденку эту сдай в мясной магазин Элмера». Дед выглядел ровно настолько сердитым, сколько требовалось, чтобы тот лишился остатков благоразумия. «Сэм,- сказал дед,- а ты не хочешь побиться об заклад насчет следующего заезда, на твою маленькую упряжку вороных?"

«Пожалуйста,- сказал Сэм, и на все, что вам угодно еще будет называть». «А как насчет коляски с золотой отделкой?" «Отлично».

«А этих пятидесяти стогов сена с пастбищ Седар-Лейк?"

«Подходит. На что угодно - лишь пусть тот, кому мы оба доверяем, подтвердит, что это стоит денег».

Дед покачал головой. «Мы не сможем найти кого-то, кому оба доверяли бы. Я полагаюсь на твое слово».

Один из служащих подслушал разговор. «Стареешь, Мэл», сказал он. Дед хитро подмигнул мне, проезжая мимо к месту старта на третий и последний заезд. Теперь оставались только две лошади - Дакар и Вихрь. Вихрь первым вырвался вперед и развивал свое преимущество. Я начал беспокоиться. Я надеялся, что дед не будет притворяться чересчур долго и не ошибется в дистанции. Вырвавшись вперед, Сэм Кларк обернулся и помахал деду с оскорбительной усмешкой.

Между ними был разрыв в голову, когда дед издал свой удивительный клич:

«Пошел!"

Дакар пошел. Уши его прижались назад, и случилось что-то необыкновенное - он настиг и обошел Вихря так, будто Вихрь был дулом ружья, а Дакар - пулей, вылетающей из

него. Дакар выиграл без усилия. Он шел впереди на три корпуса, когда проезжал мимо судейской трибуны. Дед обернулся в повозке и потряс кулаком в сторону распорядителей.

«Как вам это нравится, вы, эксперты среднего возраста?»

Дакар получил прекрасный венок из цветов . Дед получил золотую медаль, денежный приз за первое место и выговор от организаторов. Они сказали, что участвовать в скачках он больше не сможет.

Дед показал мне медаль. «Может быть, последняя, какую я получил,- сказал он. - Но это самая большая моя гордость, и я с ней никогда не расстанусь».

Когда дед уезжал с трека, толпа приветствовала его громоподобными овациями. Мы не задерживались и подъехали к прилавку с мороженым, где получили преимущество над Сэмом Кларком в два клубничных пломбира.

О жизни с дедом у меня сохранилось множество волнующих воспоминаний. Много хороших, но и плохих куча. Если ты проводил с ним больше недели, то это всегда было необыкновенное время, ты ломал одну-две кости, то и дело мучился от боли в животе, и удивлялся, неужели он действительно так стар, как говорят. В тот день, когда мы с дедом делали покупки к Рождеству, он заставил меня поверить, что этот поход в город со мной был самым волнующим событием для него за много лет.

«Посмотри на эти снежинки, мальчик, - сказал он мне. - Понюхай этот морозный воздух. Бери от этого все, что сумеешь».

Потом дед вдохнул с такой силой, что кончики его усов изогнулись прямо к носу. Набрав достаточно воздуха, он шумно хлопнул меня по спине, таким образом освобождая меня от всего, что я накопил.

«Твой старый дед определенно счастлив, что на Рождество ты здесь, с ним. Пусть все будет как можно лучше!»

Потом он пощекотал Бьюти под хвостом кнутом, и она рванула, как скачущая лягушка, отбросив меня назад в коляске. Мы пели на два голоса мелодию «пирога в небе», пока дед не расстроился. Это из-за вывесок в витринах магазинов. Дед не любил вывесок, где было написано «Хмас»*.

«Крестом отмечено место, куда они отправили Христа после Рождества,-ворчал он. Не нравились ему также цены. Он утверждал, что чем добрее и деликатнее становится народ, тем выше лезут цены. Ему не нравилось, что Рождественские гимны гремят из граммофонов. «Им надо изменить слова на: «Приходите все бандиты,- сказал он. - Я так же религиозен, как и любой другой, но мне не нравится, когда меня на улице шарахают по башке «Маленьким городком Вифлеемом», да еще за двойную плату».

Что нужно миру, сказал дед, так это пятьдесят недель настоящего Рождественского настроения и две недели всего остального. «Взгляни на сентиментальную улыбку на лице мэра Флетчера,- сказал он. - Второго января его сердце будет так же холодно, как глаза окружного прокурора». «Почему так? - спросил я его. - Почему люди бывают добрыми так недолго? Почему они не могут быть хорошими весь год?»

Рождественский гимн таял вдали, пока Бьюти бежала по мягкому нетронутому снегу Мэйпл-Стрит. Дед обнял меня.

«Уж таковы люди, сынок,- объяснил он. - Когда их души обращены к материальным предметам этого мира - они темны. В их лицах нет света. Но когда они обращаются к Богу и забывают земное, они становятся светлыми и озаряются изнутри. На Рождество они ближе к Богу и его посланцу Христу, чем в любое другое время года, поэтому в мире появляется новое настроение, и на время жизнь становится прекрасней».

Я поглядел на деда с восторгом. «Тебе бы быть священником или министром». Дед приложил палец к моим губам. Он засмеялся.

«Осторожнее,- предупредил он. - Мы говорим только о Боге. И ничего о церкви».

Г Л А В А 7. КАТАНИЕ НА КОНЬКАХ В КУХНЕ

Мы задержались у деда на пять лишних дней из-за снежной бури. Она не прекращалась целую неделю. Дед сказал, что она сильнее бурана 88 года. В разгар метели мать вдруг сообщила нам, что забыла завернуть воду, когда мы уезжали из дома. Отец странно засмеялся. Было что-то в тоне его голоса такое, что заставило меня и трех моих сестер прекратить обсуждение, какой потешный был Санта Клаус, заявившийся в квартиру на костылях, совсем как дедушка.

«Я спрашивал тебя на вокзале, выключила ли ты воду,- мягко сказал отец. - Ты сказала, что выключила».

«Я так и думала тогда,- ответила мать бесстрастно. - Теперь я так не думаю».

Мы приехали домой, когда стемнело. Ветер все еще гнал снег вдоль улиц. Нам надо было еще пройти от вокзала девять кварталов, и отец был довольно хмур.

Я прятал руки за воротник пальто и, шагая по тротуару, залетел в сугроб. «Фрэнк,- позвала мать. - Уильям попал в сугроб».

Отец даже не обернулся. Он бросил через плечо: «Надеюсь, весной тело найдется».

В итоге, когда отпирали входную дверь, мы были уже здорово уставшими. Пол нашей кухни на ступеньку ниже жилой комнаты. По крайней мере, всегда так было. Однако теперь их уровни сравнялись. Мысль матери была верна: она не завернула воду. Трубы лопнули, кухню затопило, и вода намертво замерзла вплоть до дверей. Когда мы входили, никто из нас не знал, что наша кухня превратилась в городской каток. Было очень темно. Мать кувыркнулась первой. Ее занесло под кухонный стол. Едва успев включить свет, поскользнулся отец. Он пробежал несколько шагов на месте, прежде чем

полетел головой в кухонную плиту - он врезался в железную ножку. Все три моих сестры вопили не своими голосами. Мэри и Фрэнсис отбыли в том же направлении, что и матушка, и присоединившись к ней под столом, откуда и выглядывали, как три эскимоса из иглу. Элла ухватилась за кухонные занавески, завертелась на середине кухни и рухнула вместе с ними. Я входил последним. Я нес коробку с персиковым вареньем в стеклянных банках, который нам дала бабушка.

«Где все?» спросил я, сходя вниз, на кухню. Только никакого «низа» не оказалось. Где все, я обнаружил немедленно. Ящик с банками взлетел в воздух первым, но опустились мы вместе. Когда мы приземлились, у нас было много персикового варенья, но без стеклянных банок. Я прокатился мимо матери, мимо сестер и отца и ткнулся в противоположную стену.

Никто серьезно не пострадал, но все были оскорблены. Мать разрыдалась. В тот день перед отъездом она на коленях выскоблила пол. «Мои полы! - плакала она, - мои замечательные полы!»

«Ради Бога», откликнулся из-под плиты отец. «Закрой свой водопровод, а то ты опять затопишь все вокруг».

Мы подобрали осколки и принялись подметать полы, превратившиеся в сплошной прекрасный бутерброд с персиками. Отец вышел в дровяной сарай взять топор, чтобы отбивать лед. Он оставил открытой заднюю дверь. Бедная матушка, которая возвращалась из гостиной слишком быстро, заскользила по льду прямо в открытую дверь. Она звала на помощь, но никто не успевал помочь ей. На лице ее была решительная улыбка, а пальцы подергивались, словно бы в нервном прощальном жесте, когда она скользила по льду прямо и неуклонно из дома в ночь.

«Мы должны были хотя бы попрощаться с ней,- сказал я Элле.

Элла добралась до двери первой. Мы услышали, как мать заплакала, приземлившись. Элла счастливо воскликнула: «Мама превратилась в прекрасного снежного ангела!»

Я первым встал на коньки и проделал несколько кругов по кухонному катку. Мэри присоединилась ко мне, и, взяв на роль ищейки нашего пса Спорта, мы поиграли в хижину дяди Тома и Лизу, бегущую по льду.

Отец прекратил это, погрозив нам топором. Мать хотела, чтобы он сначала отколол лед вокруг плиты - она могла бы начать готовить ужин. А он хотел вырубить свои лучшие туфли, которые оставил под кухонным столом.

Когда я поднялся по лестнице в спальню, то обнаружил, что новый линолеум не был постелен. Он был еще скатан и стоял у стены в комнате. У меня была большая картонная труба, в которой его принесли - я хранил ее в своей комнате и использовал для экспериментов по вызыванию духов. Я приспособил ее, чтобы пугать Эллу. Однажды я

снял вентилятор, соединявший наши комнаты. Я поместил длинную трубу под свою кровать и протолкнул ее через отверстие прямоком под кровать Эллы. Потом, когда она читала свои молитвы, я заговорил с ней жутким, потусторонним голосом. Она никак не могла понять, откуда голос исходит.

И в эту ночь я заполз под кровать и дождался, пока Элла зайдет в свою комнату. Когда она опустилась на колени, чтобы помолиться, я тихо заговорил через длинную трубу высоким монотонным голосом:

«Элла Сирс! Элла Сирс! Слышишь меня?»

Она слышала. Она замерла на середине молитвы. Наступила долгая тишина. Элла начала молитву снова - тихо и неуверенно.

«Элла Сирс!" Она замолчала.

«Ты слышишь меня?"

Ее голос был робким писком. «Да-а-а».

«Я слежу за тобой! Мои глаза смотрят сквозь потолок. С небес. Ты хорошая девочка?"

Она отвечала так, словно собиралась заплакать. «Я, я не знаю».

«Если нет - я приду, чтобы забрать тебя».

Для Эллы это было чересчур. Если бы кто -то появился, она бы не хотела с ним встретиться. Она вскочила, выбежала из комнаты и бросилась вниз по лестнице. Отец с матерью еще спорили о том, где откалывать лед, когда в кухню ворвалась Элла с воплем: «Бог кричит из-за стены! Бог кричит из-за стены!"

Она подбежала к матери, и обе заскользили к стене. «Сделай что-нибудь!» закричала мать отцу. Они наткнулись на него и потащили за собой. Они скользили к стене, и отец выставил ладони, чтобы их остановить. Мать повисла на отце, Элла повисла на матери, и все трое мчались так быстро, как только возможно - не делая при этом никаких движений. Звук был такой, будто они сбивали масло. Мэри, Фрэнсис и я, все побежали к вентилятору и выглянули на кухню. Мы увидели, что случилась авария, и начали громко хихикать. Отец протаранил одну из ножек кухонного стола, мать - другую. Ножки стола обломались, и столешница упала и ударила их обоих по головам. Хихиканье прекратилось. В тишине отец произнес: «Первый, кто засмеется, неделю не сможет есть». Угадайте, кто это был.

Через несколько дней, бездельничая, я провел еще один эксперимент со своей трубой, вызывающей духов. Я находился под арестом в комнате за что-то, чего уже не помню, а Элла читала в своей комнате. Я сосчитал все трещины на потолке, представил себя птицей и погнался за мухой по всей комнате, а потом уставился на ястреба. Он парил более плавно, чем пух с одуванчика, когда дунешь на него; и я вспомнил, как мечтал про

себя: «Парень, если бы ты мог парить, как он, ты не валял бы дурака из -за каких-то старых цыплят. Я бы ястребом полетел прочь из города, и напрямиком - в дедушкин амбар».

Я услышал, как Элла хихикает над своей книгой в соседней комнате. Почему она может быть так счастлива, спросил я себя и задумался, как бы исправить эту несправедливость. Я залез под кровать, просунул голову в длинную трубу и обратился к ней.

«Элла Сирс!» - горестно завывал я. Ее хихиканье прекратилось.

«Пришел твой конец,- предупредил я ее. - Это Святой Павел явился за тобой». Элла не отвечала, поэтому я добавил замечательную деталь: «Элла Гертруда Хелен Сирс! Твое время истекло! Приготовься к путешествию!" Тогда Элла Сирс ответила мне низким мужским голосом.

«Эллы Сирс здесь нет. Здесь ее отец, Святой Петр».

Отец! Теперь я уже действительно хотел превратиться в ястреба.

Я быстро завопил в трубу: «Я никогда не явлюсь к тебе больше, Элла Сирс!

Я возвращаюсь на небеса - прощай!"

«О, нет, подожди! - прокричал отец. - Явись-ка сюда бегом, пока я не пришел туда и не привел тебя за крылья».

Я вздохнул, выполз из трубы и медленно пошел являться на скамью подсудимых перед Святым Петром.

Г Л А В А 8. ДЯДЯ ДАФФИ И ЕГО УДИВИТЕЛЬНЫЙ ВИСКЕРС

Я узнал многое о Боге и людях в то лето, когда дядя Даффи возвратился домой с войны. Дядя Даффи служил за морем, в Канадском полку, и отец обо всем нас предупредил перед его приездом.

«Вы должны быть очень терпеливы с моим младшим братом,- сказал он матери. - Он отравлен газами и контужен во Франции».

Я думаю, мы могли бы быть терпеливы с дядей Даффи, сумей мы хотя бы познакомиться с ним, но почти все свое время он проводил в пабе МакМартри. Он брал свою шляпу, галантно кланялся матери и говорил: «Пойду-ка я в город, полечусь немного от контузии».

Отец старался изо всех сил помочь дяде Даффи. Частенько он отправлялся за ним к МакМартри и торчал с ним там до тех пор, пока Даффи не обретал способность идти домой, хотя бывало, что никто из них не оказывался на это способен.

Дядя Даффи был очень нервный. Он запрыгнул отцу на руки в тот вечер, когда я впервые выпалил из своего капсюльного пистолета. А один раз, когда Мэри неожиданно

надула бумажный пакет и взорвала его, дядя Даффи выбежал из дома в одних носках с криком: «Они идут!» Он спрятался за домом на кукурузном поле.

У дяди Даффи был друг Вискерс, который пугал матушку больше всего. Вискерс испытывал непонятную неприязнь к дяде Даффи и гонялся за ним по всему дому. Дядя Даффи прорывался через парадный вход, глаза его были похожи на две половинки дыни. Он прятался за матерью, отцом и за угольной печкой. Он показывал пальцем на дверь и шептал паническим голосом: «Вискерс идет за мной. Я должен спрятаться от Вискерса! У него штык!» Одним прыжком дядя Даффи прыгал в шкаф для одежды, захлопывал дверцу, сбивая со стены портрет бабушки Вагнер.

Вискерс не был реальным человеком. Никто из нас его не видел, кроме дяди Даффи, хотя Элла и утверждала, что однажды ночью она тоже видела. Она сказала, что Вискерс сидел на яблоне напротив окна ее спальни и строил ей рожи. Но Элла постоянно что-нибудь видела, с тех пор, как я рассказал ей свой сон о сияющем человеке. Однажды Элла рассказала, что видела призрак Артура Конан Дойля, прогуливающийся по крыше железнодорожного вокзала Нортерн-Пасифик. В тот же вечер отец вымыл ей рот с мылом.

Отец говорил, что дядя Даффи ходит к МакМартри, чтобы избавиться от Вискерса. Мать заметила, что Вискерс преследует Даффи как раз тогда, когда он возвращается от МакМартри. Я любил Вискерса. Он делал мир необыкновенным. Все мы привыкли к нему. Мы говорили о нем так, будто он был членом семьи. Однажды, когда дама на собрании Общества Алтаря спросила мать, что это за Вискерс, о котором мы все говорим, мать ответила ей: «О, этой друг Даффи».

Впервые я встретился с дядей Даффи в лето большого лесного пожара. Это было в день, когда отец Хоган и члены Общества Алтаря собрались в нашем доме, чтобы обсудить открытие новой школы. Элла, я и многие из наших друзей перешли туда из школы имени Бенджамина Франклина, и мы были совсем не уверены, что нам понравится эта. Мать готовилась подать на стол в гостиной чай и печенье, когда Элла, как сумасшедшая, пробежала по всему дому, вереща: «У меня было видение! У меня было видение!» Миссис МакКаллистер так разволновалась, что размешала чай собственными очками.

«Видение! - вопила Элла. - Я говорила с ангелом! Гони их, сказал мне ангел. Всех. В море!»

Элла радостно прокудахтала это и вылетела в парадную дверь. Отец Хоган подавился кусочком пирожного, и его лицо стало такого же цвета, как у дедушки в ту ночь, когда он проглотил цыплячью кость. Все были встревожены, кроме матери. Она знала, что Элла то «видит видения», то «разговаривает с ангелами». Ничего от этого не бывает.

«Она переняла это от Уильяма,- объяснила матушка гостям.

«Он очень интересуется Богом и прочими делами, верно, отец Хоган?» - У отца Хогана глаза вылезли из орбит при воспоминании о наших встречах. «Уильям сказал, что

однажды он пойдет по свету, чтобы рассказать людям о Боге. Ну, а пока он рассказал одной Элле. Она все это преувеличивает. Еще торта, миссис Уилкоккс?"

Чего хотела миссис Уилкоккс, так это уйти домой. Однако на этот раз Элла была совсем невинна. Она просто играла роль Жанны Д'Арк. Элла стала мешать нашей замечательной игре в «ковбоев и индейцев», болтая о книге про Орлеанскую деву, которую она читала. Никто из нас, мальчишек, не заинтересовался этой историей, пока она не дошла до той части, где Жанну д'Арк, привязанную к столбу, сжигают на костре. «Вот теперь ты дело рассказываешь,- сказал Сэм Льюис. Майк Раффодил согласился: «Самый смак!"

Элла сказала, что будет прекрасной и смелой героиней Жанной д'Арк, если мы хотим участвовать в этой игре. Мы согласились и с криками побежали за ней. Я пробился сквозь собрание Общества Алтаря, в горячке погони не обращая внимания на дам и отца Хогана.

«За старой ведьмой!» - кричал я, когда галопом мчался через гостиную. Мать задержала меня.

«Почему ты так обзываешь свою сестру?» - спросила она.

«Она - ведьма. Мы предадим ее огню,- бодро сказал я матери.

«Сожжем ее живьем. До скоро свидания. Привет, отец».

Я проскакал вокруг холмов швейной машинки и направил своего великолепного гнедого жеребца с грохотом в долину дровяного сарая. Я поймал д'Арк, прячущуюся на кукурузном поле и поедающую бутерброд с джемом. Мы привязали ее к старой помпе на заднем дворе и набросали вокруг нее мятой бумаги и щепы для растопки. Сафид Филлипс, который отвечал за британские войска, пошел домой и украл спички, пока его мать выходила развешивать белье. Поскольку Жанна д'Арк была моей собственной сестрой, мне была предоставлена привилегия разжечь огонь. Чем я и воспользовался. Мы договорились освободить Жанну сразу, как только ей станет жарко, но именно в этот момент по переулку проехал старший брат Майка Раффодила на новом красном мотоцикле. Мы все помчались за ним, упрашивая прокатить, и бросили Жанну на произвол судьбы.

Отец Хоган подбежал к помпе, когда Жанна д'Арк воплями начала звать маму. Отец Хоган накачал несколько ведер воды и затушил огонь. Две другие мои сестры, Мэри и Фрэнсис, немедленно были отправлены в экспедицию, с целью доставить меня живого или мертвого.

Огонь Элли не задел, но когда мать объяснила отцу, какую ужасную муку должна была испытывать Элла, и как она могла сгореть насмерть, отец отправил меня срезать прут. Я никак не мог найти подходящего размера - тогда отец вышел и помог мне.

Он отверг мой выбор и срезал молодое деревце.

«Я получил хороший урок,- сказал я ему по пути к дому.

Отец проворчал: «Отлично! Теперь мне хотелось бы закрепить его».

И в этот самый момент вернулся домой дядя Даффи из Франции, в которой после войны располагалась его часть. Разумеется, я навсегда сохранил к нему нежность в своем сердце.

Мать уже почти смирилась с тем, что приходится жить с Вискерсом и дядей Даффи, когда в Миннесоте случился большой лесной пожар. Он был самым страшным за всю историю. Много людей погибло в огне. Несколько городов к северу и востоку от нас полностью выгорели. И днем и ночью у нас першило в глотке и было больно дышать. Кругом стояла серо-голубая мгла, а по ночам небо к северо-востоку было мрачного багрового цвета. Возбуждение сквозило во всех беседах. Соседи, годами не разговаривавшие друг с другом, стали вдруг закадычными приятелями, так сплотил их огонь. Они бросали оценивающие взгляды в сторону Дулута.

«Плохо дело».

«Очень».

Каждый день мы видели, как уезжают машины, груженные пожарным оборудованием и набитые людьми. И другие машины, которые возвращались с измотанными, грязными, мрачными бойцами.

Я был заточен в своей спальне в тот вечер, когда меня поймал начальник полиции - я покидал поселок, направляясь на фронт, волоча за собой тележку. Я погрузил на нее лопату, две лучших материнских наволочки, чтобы сбивать огонь, и мешок яблок. Теперь я лежал на полу своей комнаты, приклеившись к вентилятору и наблюдал, как мать, отец, мистер и миссис МакКаллистер играют в карты. Мать зажгла церковную свечу. Когда мистер МакКаллистер наклонился и прикурил от нее сигарету, миссис МакКаллистер дала ему хорошенько по шее. Мать заметила, что он слишком бесчувственный. «Если вы имеете в виду, что я напуган до смерти, то вы правы,- сказал мистер МакКаллистер. - Похоже на то, что мы можем играть в карты на собственные дома. Их у нас скоро все равно не будет, если не переменится ветер».

Чуть позже, когда мать объявила «три без ветра», мистер МакКаллистер сказал, что пора идти домой.

Утром стало полегче. Сменился ветер. Около трех часов я почувствовал, как холодный свежий воздух ворвался в окно спальни. Все складывалось так удачно, что отец и другие мужчины решили отправиться на Фергюс-Фоллс, чтобы сыграть свой воскресный бейсбольный матч.

Но вечером ветер опять переменился на северо-восточный и задул еще сильнее. Небо со стороны Дулута мерцало как северное сияние, только вместо ледяной голубизны оно

горело жарким оранжевым светом и выглядело зловеще. Все мужчины отправились на борьбу с огнем. Женщины собирались на верандах сплоченными группами, обмениваясь такими секретами, какие только общее несчастье могло из них вытянуть. Все дети в округе лазили по перилам веранд, шастали туда-сюда через заборы и игнорировали бесконечные материнские инструкции не уходить никуда «чтобы быть у матери на глазах». Сафид Филипс и я попытались вообразить, как огонь прокрадется в город и спалит все школы, а потом уйдет, не причинив больше никакого вреда. Потом мы оставили это и начали искать место для игры в «утенка на скале». Миссис Филипс окликнула Сафиду: «Джеймс, пожалуйста, не кричи так громко. Мама не слышит сама себя. И перестань толкать свою сестру».

«Хорошо, тогда скажи, чтобы она тоже перестала меня толкать, или, когда мы поплывем на середину Змеиного Озера спасать свои шкуры, она может оставаться и умирать на берегу как собака».

Его сестра начала плакать. Его мать закричала: «Сафид Филипс!» Сафид сказал: «Раз, два, три, четыре, пять - я иду искать, кто не спрятался - я не виноват».

Это произошло в ту минуту, когда состоялось историческое появление дяди Даффи на Мэйпл-Стрит. Он прогуливался по улице, но можно было подумать, что он стоит на верхушке стога сена, который галопом мчат лошади. Соседки подталкивали друг друга в предвкушении. Дядя Даффи пел военную песню, как говорила мать, «никаким» баритоном. Мне кажется, он и песню выбрал такую, чтобы все тут же на него разозлились. Во всю глотку он орал:

И пусть в доме родимом горят огоньки
Пока ваши томятся сердца от тоски,

И пусть черные тучи улетят далеко,

И парни вернуться домой.

Дядя Даффи уцепился за перила у самых ступенек и поднялся, перехватывая их руками. Мать от стыда сбежала. Миссис Раффодил наклонилась к миссис МакКаллистер и прошептала: «Если огонь подберется поближе, его дыхание взорвется у самых его губ».

«Добрый вечер, леди,- сказал дядя Даффи, грациозно срывая шляпу с головы таким элегантным жестом, что она вырвалась из его руки и улетела с веранды.

Миссис Раффодил дала миссис МакКаллистер локтем под ребро: не пропусти, мол. Даффи она спросила: «Как поживает ваш дорогой друг Вискерс?» Дядя Даффи собрал все свое достоинство. Он приблизил к миссис Раффодил свое лицо - прямо под ее большую соломенную шляпу.

«Миссис Раффодил,- сказал он. - Не угодно ли Вам держать свой любопытный длинный нос подальше от моих друзей?»

Той ночью уже в половине второго мы все были разбужены громким стуком в заднюю дверь. Я вскочил на кровати.

«Миссис Сирс! Миссис Сирс!»

Это был голос мистера МакКаллистера. Я слышал, как мать неуверенно ответила: «Да?»

«Вставайте. Огонь не удержать. Он прорвется в город до рассвета. Все должны уходить. Немедленно!»

Я был в ботинках и брюках прежде чем мистер МакКаллистер спустился с крыльца.

Мать была в панике. Она начала бегать по кругу. Я позвал сестер и постучался в дверь дяди Даффи. Его не было. Мать уже вышла из своей комнаты, но все еще была в ночной рубашке. Она продолжала бегать кругами, крича: «Быстрее! Быстрее!»

Одного взгляда из окна спальни было достаточно, чтобы убедиться - огонь подобрался к самому городу. На небе уже не было красных отблесков. Оно было цвета стручкового перца, и уже заметно было движение отдаленных языков пламени. Воздух был душающим, а дым появился даже в комнатах. Все терли слезящиеся глаза.

«Что мы сделали, чем мы заслужили это?» - плакала мать.

«Может быть, мы нехорошие,- радостно сказала Элла, - и теперь наказаны».

Спустившись в кладовую, чтобы запастись продуктами для путешествия, она крикнула матери: «И не оглядывайся на город, а то обратишься в соляной столб».

План эвакуации горда был составлен заранее. Все получили инструкции приготовить самое ценное имущество и держать на тротуаре перед домом. Все, что только возможно, предполагалось спасти на грузовиках и подводах.

Я понял, что в эту ночь, в таком критическом положении, мне придется удирать, бросив все, кроме, пожалуй, собственной кожи. Мать уже несколько дней пыталась решить, что она будет спасать из мебели, если бегство станет неизбежным. Она остановилась на единственной вещи - диване, который она брала от Монтгомери. Она всех заставила действовать. С Мэри они взялись за один конец дивана, Фрэнсис и я - за другой. Когда мы подняли его над пологом, то увидели дядю Даффи, лежащего на спине за диваном - глаза его, похожие на два яйца, были полны ужаса.

«Вы, дураки! - закричал он. - Поставьте на место. Вы что - не видите, что я прячусь от Вискерса?»

Мать не выдержала. Она села на диван и расплакалась. Я хотел выругать дядю Даффи, но увидел, что он натянул конец пледа себе на голову. У матери началась истерика.

«Я не могу больше,- стонала она. - Не могу». Сильный удар в дверь доконал ее окончательно. «Это огонь,- зарыдала она,- он пришел, чтобы убить нас всех!»

Это был мистер МакКаллистер. Его лицо было похоже на решетку нашей угольной плиты поутру - грязно-серое и со следами огня. Его глаза походили на два красных агата, наполовину погруженных в пепел.

«Не волнуйся, Этель,- сказал он. - Ветер опять переменялся, и пошел дождь».

«Славу Богу!"

Мать повторяла это снова и снова.

Г Л А В А 9. ЗНАМЕНИТЫЙ ПОЖАР И ОПОЗОРЕННЫЙ ОТЕЦ

Отцовский автобус прибыл из Фергюс-Фоллс на пять минут позже, и все игроки в бейсбол столпились у нашего дома. Отец быстро взбежал по ступенькам. Он был очень встревожен.

«Эй, Джим,- крикнул он мистеру МакКаллистеру. - Все в порядке?» Мистер МакКаллистер не ответил. Во-первых, он и вообще не очень-то интересовался игрой в мяч, а во время лесного пожара - тем более. Он взглянул на моего отца холодно, как королева Виктория на мышь. Мать все сидела на диване и рыдала. Элла плакала вместе с ней, только тоном повыше, и обе они, обхватив друг друга руками, раскачивались взад-вперед.

«Хватит страдать,- бодро сказал отец. - Все в порядке. Я вернулся. Со мной ничего не случилось».

Рыдания матери перешли в вой. Она поднялась навстречу отцу, размахнулась и дала ему ужасную пощечину. Вслед за этим она снова разразилась слезами. Она назвала отца бесчувственным животным, старым грязным бейсболистом, жалкой ирландской пьяной мордой, и закончила тем, что чуть не задушила его в объятиях.

Отец очень огорчился, узнав, что мы уже висели на волоске. Он помог дяде Даффи избавиться от Вискерса, уведя его наверх в постель. В эту ночь Вискерс получил от матушки ультиматум. Или Вискерс убирается из дома навсегда, или же уйдет она.

На следующий день приехал дедушка - посмотреть, все ли у нас в порядке. Я рассказал ему все о пожаре, когда мы ехали к Айрон-Хаб, чтобы посмотреть насколько близко он подходил. Я рассказал ему и о дяде Даффи с Вискерсом. Он совсем не смеялся.

«Ты не должен смеяться над своим дядей Даффи,- сказал он мне.

«Ты должен любить его. Он не может найти себе места. Это не тот дядя, который уходил на войну, и это не тот город, который он покидал. Каждый здесь занят своими обычными

делами. Твой дядя Даффи не может этого уразуметь. Он полагал, что уходит на войну, чтобы совершить нечто необыкновенное, но обнаружил, однако, что никого это особенно не волнует. Они очень быстро все забыли. Он пытается найти способ не думать об этом, и он страдает».

«Почему Бог заставляет людей страдать? И убивать друг друга? Если он все знает, дед, почему он не остановит все это?»

«Это не Бог, сынок. Это люди. Пастырей мира больше интересует шерсть, а не ягнята. Бог знает, что должно случиться, но не он делает так, чтобы это случилось. Беззаботность, небрежность, равнодушие - пренебрежение Его законами, вот что приносит беды и страдания».

«Почему Бог не сделает всех людей хорошими - тогда у нас не будет войн вообще».

Дед вздохнул. «Я подозреваю, что Бог вообще ничего не заставляет нас делать. Каждый человек рождается с душой и возможностью выбирать, что хорошо, а что дурно. Конечно, ничего тут заранее не определено. Свободный выбор - это вроде того, как твоя бабушка вяжет свитер. Бог дает тебе спицы и пряжу, и больше ничего. А ты выбираешь модель, способ и цвет. У тебя есть выбор - сделать это хорошо или плохо, как пожелаешь».

Я все еще не понимал. «Ей-Богу, дед но почему хорошие люди испытывают боль или сгорают, или умирают - в огне или на войне? Мне это не нравится».

Дед сидел в коляске, глядя на обгоревшие деревья и развалины. Он долго молчал. Потом он тронул лошадей, направляя их обратно в город.

«Этот старый мир горит быстрее спички, сынок. Парень, по имени Шекспир, однажды сказал, что жизнь коротка, как счет до «одного». А другой парень, которого звали Эдисон, сказал, что люди готовятся к этому миру так, будто он никогда не кончится, а к миру иному так, будто он никогда не начнется. Чем меньше мы будем хлопотать, пытаясь разузнать, чего хочет Бог, вместо того, чтобы понять, чего хотим мы - тем меньше будет горя вокруг. И если каждый будет больше заботиться о своей внутренней сути, которая вечна, и меньше - о внешней, которая брэнна, то окажется в лучшем положении, возродившись в ином мире».

«Ты имеешь в виду, когда умрет?»

Дед засмеялся. «Некоторые говорят «умрет». Но не я. И помни об этом, когда придет мой черед уходить. Положи меня в простой сосновый ящик и закопай мои останки в землю. Никаких особых украшений. Самое главное ушло. Оно исчезло, как аромат духов из разбитой склянки. И сразу заколоти крышку. Не хочу, чтобы кто-то пялился на меня, раз я не могу ответить тем же. И я, конечно, не буду околачиваться тут после того, как однажды разгрузу эту старую тушу».

Дед притянул меня к себе и славно оцарапал своим бакенбардом. «Ты понимаешь, о чем говорит твой старый дед?»

«Нет,- сказал я ему,- но я убежден, что ты превосходный оратор.

«Когда я вырасту, я постараюсь узнать все обо всем, а потом пойду по свету и расскажу людям, чтобы они больше никогда не причиняли боль друг другу».

«Я верю, что ты сделаешь это».

«Почему это, дед, с тобой так интересно говорить о Боге? Вот я - маленький мальчик, а ты - старик. И нам обоим нравится это, но, похоже, никому, кроме нас, это не нужно».

«Может быть, как раз потому, что я стар, а ты молод. Ты близок к Богу с одного конца, а я близок к Нему с другого. Тех, что между нами, это не так волнует». Когда мы въехали во двор, он хлопнул меня по руке. «Будь добр к своему дяде Даффи,- сказал он.

Я старался - так же, как и мать - но дядя Даффи делался все более непредсказуемым с тех пор, как наступили зимние холода. Он выкинул новое коленце. У него начались ночные кошмары. Ему казалось, что он опять во Франции и командует своими людьми. Он садился на кровати и выкрикивал во всю мощь своего голоса. В ту ночь, когда он впервые поднял шум, мать с отцом решили, что обращается он к ним, а не к своим подчиненным. «Ладно, слюнтяи! - орал он. - Пошли! Бегом марш!»

Оба, и мать и отец, встали и начали одеваться, прежде, чем осознали, что происходит. Мы все вошли и увидели дядю Даффи, стоявшего на кровати и командовавшего полем битвы. Он выглядел больным и испуганным. «Что тебе не нравится, Даффи?» - спросил отец.

«Не нравится? - рявкнул тот. - Следите за собой, лейтенант. Они поставили укрепление и поливают свинцом из этого пулеметного гнезда. Кто-то должен пойти и уничтожить его».

Я затрудняюсь назвать точное количество пулеметных гнезд и снайперов, которых мой отец уничтожил за эту зиму. Однажды ночью дядя Даффи чуть не лишился жизни, пытаясь взять долговременную огневую точку. Это в тот раз, когда мистер МакКаллистер, чья спальня была напротив спальни дяди Даффи, высунулся в окно и крикнул ему, чтобы он заткнулся. Дядя Даффи занял позицию у окна и украдкой глянул на мистера МакКаллистера.

«Ты, грязный шпион,- прошептал он.

Потом он дал бортовой залп по мистеру МакКаллистеру с помощью своего нового ботинка. Дядя Даффи промахнулся. Мистер МакКаллистер остался невредим, но дядя Даффи расколочил стекло в верхушке окна. Он разбил также и шестилетнюю дружбу между Сирсами и МакКаллистерами.

Отец поймал дядю Даффи раньше, чем тот выпал из окна, и унес его обратно в постель. Укладывая его, он ударил дядю Даффи о столбик кровати, и дядя Даффи тотчас очухался. Он был очень недоволен отцом.

«Во имя неба, ну что ты делаешь? - ворчал он. - Неужели нельзя дать человеку ночью спокойно отдохнуть?»

Однажды ночью мы услышали, как дядя Даффи поднялся и начал одеваться. Он маршировал взад-вперед по своей спальне некоторое время, строя свой полк. По-видимому, у некоторых солдат было не все в порядке, потому что он устроил им разнос. В конце концов он громко заорал, «Порядок, грязные свиньи! Марш!»

Дядя Даффи повел своих людей лично - из спальни, через зал наверху, мимо дверей моей спальни. Я почти ясно увидел их, этих людей, которым он выкрикивал свои команды. И его я увидел, когда он проходил мимо. Казалось, что он страшно спешит, но не знает, куда идти. Мне хотелось быть добрым к нему. Я сказал: «Хэлло, дядя Даффи!»

У него были странные глаза. Он заорал на меня: «Берегись снайперов! Ты - на вражеской территории!»

Дядя Даффи продолжал монотонно выкрикивать, пока вел людей по лестнице вниз: «Раз, два! Раз, два! Раз, два! Раз, два! Раз, два!»

Он промаршировал со своей ротой по переднему крыльцу и ушел из нашей жизни навсегда. Я ни разу его больше не видел.

После того, что дедушка рассказал мне о нем, я понемногу научился любить дядю Даффи. Он правил упряжкой серых в яблоках першеронов на грузовой линии мистера Миддлтона - когда не слишком усиленно лечился. Иногда он позволял мне сесть рядом с ним и подержать вожжи. Он всегда повязывал хвост большого серого красивым бантом. Лошади любили его - может, поэтому его понимал и дед. Я был единственным, с кем дядя Даффи часто разговаривал. Он купил мне мою первую пару высоких красной черной сапог на следующий день после атаки на окно мистера МакКаллистера. Меня не очень-то интересовали высокие красной черные сапоги, но дядя Даффи, когда был маленьким, все время мечтал о паре таких. Теперь, когда он уже стал слишком стар для них, он надеялся, что они сделают счастливыми меня. Время от времени глаза дяди Даффи становились печальными и далекими. Однажды я слышал, как он сказала: «Луиза», и большая слеза скатилась по его щеке. Частенько он говорил: «Будь все проклято». Он говорил это самому себе, словно меня не было рядом.

В ту ночь, когда пришла телеграмма, еще до того, как отец раскрыл ее, я понял, что это - о дяде Даффи.

«Где теперь дядя Даффи?» - спросил я.

«Не имею понятия,- ответил отец.

«А Вискерс все еще с ним?» - хотела знать Элла.

Мать подняла глаза от своей тарелки, словно хотела что-то сказать, но отец неодобрительно посмотрел на нее. Он закрыл тему, хлопнув меня по голове.

«Ешь свой обед,- сказал он.

Почему-то я был печален в ту ночь.

Г Л А В А 10. ВЗЛЕТ К СЛАВЕ, ИЛИ БЕСТСЕЛЛЕР В ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ Вскоре после этих событий мы переехали из Миннесоты в Милуоки, штат Висконсин. Отец получил работу по окраске стали в большой железнодорожной компании.

От деда нас отделяло около пятисот миль. Мы были у него с неделю, прежде чем распрощаться. Мы оба притворялись, что никто никуда не уезжает. Дед разрешил мне прибираться в стойлах, чистить лошадей, править коляской и даже кататься без седла на старом толстом Принце. Когда же наступило время отправляться на железнодорожную станцию, дед заявил, что слишком занят, чтобы сопровождать нас, и я отправился в амбар - попрощаться. Мы просто сидели там на ящиках с овсом, не говоря ни слова. Принц ржал и лягал стойло. Я услышал, как, поторапливая меня, отец загудел в клаксон «форда-Т» дяди Уолтера. Вдруг я обнял деда сильно, по-медвежьи, как только мог. Он потерся о мои щеки своими бакенбардами и сказал. «Там, куда ты уезжаешь, сынок, большой город. Следи за собой. Там не так, как в деревне. Не забывай того, что я тебе говорил. Не будь домоседом, когда приедешь туда. Выходи и действуй. Где-нибудь в этом мире есть что-то удивительное, что ждет тебя. Смотри в оба. Не забывай своих молитв и не забывай своего деда».

Дед снова сдавил меня в объятиях, а потом он положил что-то в мою ладонь и накрыл это моими пальцами. Я взглянул. Это была медаль за первое место, выигранное в двух заездах окружной ярмарки на Дакаре, великолепном гнедом.

«Больше я не могу терять здесь время,- сказал он и, протиснувшись в стойло мимо головы Бьюти, принялся чистить ее скребницей. Я еще раз похлопал лошадей перед уходом, но дед больше ни разу не взглянул в мою сторону. Он разговаривал с Бьюти.

«Тпру, девочка, тпру». Я сунул горсть овса в карман и, проходя мимо поилки, пару раз толкнул ручку насоса, добыв немного воды. Я слышал, как дед распевает во всю силу своего голоса:

«Ждет на небе пирог, когда выйдет твой срок. Когда выйдет твой срок - ждет на небе пирог».

Центр Милуоки был залит огнями, и он все тянулся и тянулся, - казалось, без конца. В школьных классах дети носили форму одинакового цвета, а чтобы пройти город из конца в конец, требовался целый день. Дед был прав. В городе все было иначе. Здесь было столько нового и волнующего, что за год я забыл почти все, что он говорил мне. Я очень редко вспоминал о своем видении.

Свою писательскую карьеру я начал как-то летом, еще до окончания начальной школы. Произошло это в одно субботнее утро в парикмахерском кресле. Я читал стихотворение в журнале, пока мистер Пинки стриг мне волосы. Мистер Пинки болтал с мужчиной, который брился в соседнем кресле. Они обсуждали «добрые старые времена». Слушая их разговор, я понял, что могу написать гораздо лучшие стихи, чем те, что я читал. Я сказал себе: Уильям Сирс, записка, которую ты написал мисс Нельсон в июне прошлого года, предлагая сбежать из школы на двойной бейсбольный матч против Сент-Пола, была гораздо прекраснее - правда, из-за нее у тебя были неприятности, но в ней присутствовало чувство.

Я начал воображать себя преуспевающим писателем. Возможно, я напишу книгу, которая повлияет на жизнь миллионов. Это даст мне возможность совершить путешествие вокруг света, чтобы рассказать людям о Боге. Бог, вероятно, одобрит это. И у меня будет больше времени, чтобы ходить в кино. Кроме того, если я буду иметь успех и много денег - большее число людей будет слушать меня и верить тому, что я говорю. Это было дело вполне стоящее.

Я начал распускать перья в парикмахерском кресле. Я сказал мистеру Пинки с такой же небрежностью в голосе, какая звучала у мужчины по соседству: «Мистер Пинки, мне тоже яичным шампунем».

«Для шампуня у тебя ничего не осталось, - сказал мне мистер Пинки, отряхивая мой новехонький «ежик». - А потом, если у тебя завелось больше полудоллара, значит, времена изменились».

«Ладно, - огрызнулся я. - Я не спорю. Наведите мне блеск». «На твои босые ноги?»

«Забудем это, - сказал я, бросив ему пятьдесят центов, и побрел по Висконсин-Авеню в направлении публичной библиотеки. Мне был виден верх отеля «Шредер». Пожалуй, пентхауз меня бы устроил.

В ту ночь я на цыпочках прокрался на кухню, сделал себе шесть бутербродов с арахисовым маслом и вернулся в свою комнату с тремя отточенными карандашами и письменными принадлежностями матери.

Было около трех часов, когда я закончил свой шедевр. Я написал его и поставил свое имя - Билли Сирс, но это звучало не слишком благородно. Тогда я подписался - Билл Сирс. Лучше, но не намного. Уильям Сирс. Все еще слабовато. Я выдал полный титул: Уильям

Вернард Патрик Майкл Теренс Сирс III. Он получился почти таким же длинным, как само стихотворение.

Я назвал стихи «Реминисценции в парикмахерской». Слово пришлось тридцать минут искать в словаре. Потом я выскользнул, чтобы отослать стихотворение Капитану Билли в его журнал «Снаряд» в Роббинсдейл, штат Миннесота.

Я повторял стихотворение про себя, пока ходил до ящика и обратно.

«Реминисценции в парикмахерской». Уильям Вернард Патрик Майкл Теренс Сирс III:

Ушли те деньки - все, к чему мы привыкли -

И бар, и опилки, и пиво за никель. Уже вспоминаются очень туманно - При фартуке бармен, бутылки, стаканы. Вертушек-дверей потихоньку не стало, Забылось, как завтракали до отвала. Так выпьем за дни, что забыты уж ныне - За то, что мужчинами были мужчины!

Как здорово быть писателем! Я помню - все раздумывал, похоже ли пиво по вкусу на что-нибудь вроде земляничной воды, но так это или нет, меня, в сущности, не волновало.

Я начал караулить почтальона со следующего дня. А через месяц пришел длинный конверт со штемпелем «Снаряда». Там внутри что-то было! Чтобы узнать, что это такое, я потратил много времени. Сначала я потряс его. Потом поднес к оконному стеклу, просветив на солнце. Осторожно оторвал один маленький уголок и попытался заглянуть внутрь.

«Может быть, там внутри есть что-нибудь?» - сказал я матери.

«Может быть,- терпеливо согласилась она, не прекращая вытирать пыль. - И если мы все проживем достаточно долго, мы даже сможем узнать, что».

Элла была реалисткой. «Вскрой его,- посоветовала она,- и вытащи свой ответ с отказом». Она послала мне испепеляюще-презрительный взгляд.- За то, что мужчины были мужчинами!» Ха!

Мать посмеивалась, Мэри и Фрэнсис прилипли друг к другу - голова к голове - и спели в парикмахерской гармонии: «Ты цветок моего сердца, Аделина!" Мэри, старшая, театрально показала в мою сторону и заявила: «Конечно, он видел те бодрые старые дни. Это вообще не ребенок. Эта крошка родилась в одно время с Джоном Л. Салливаном». Это было выше моих сил. Я ушел в свою спальню и сунул письмо под подушку. «Я взгляну на него позже,- сказал я. - Ну хорошо, сейчас уже «позже». Пока я вскрывал конверт, я выдохнул короткую молитву.

«Не делай так, чтобы это оказался отказ. Я не хочу собрать все деньги в мире, но раз я собираюсь идти вокруг света и проповедовать, мне будут нужны чемоданы и одежда... а моим сестрам вещи... не говоря уже о том, что надо платить за квартиру».

Я замер, потому, что письмо было уже вскрыто, и внутри я увидел чек. Это был самый привлекательный кусок бумаги, на каком приходилось останавливаться моему взору. Я

бросил один взгляд на цифры и вылетел в другую комнату, триумфально размахивая плодами своего гения перед глазами сестер.

«Как вам нравятся эти яблочки? - вопил я. - Семьсот пятьдесят долларов!» «Что?» - воскликнула матушка. Она схватила чек и посмотрела на него. Потом перевела дух. Терпеливо она объяснила: «Когда ставится точка после семи, это означает семь долларов пятьдесят центов».

Это было падение. Но я действительно не моторную лодку хотел. Теперь, когда я был на гребне успеха, мои сестры сделались совершенно невыносимыми. Элла сказала, что чек жидковат, но, как ни странно, его как раз хватит, чтобы купить ей тот симпатичный темно-синий свитерок у Джимбелс - и это прозрачный намек, заявила она.

Я сказал: «Лошадиных перьев!»

Мать заметила, что я волен делать с деньгами все, что захочу, и не волноваться о квартплате - они как-нибудь наскребут, хотя один Бог знает, где.

Я сунул чек в карман. «Никто ничего не получит,- сказал я твердо. - Я использую его для моей дальнейшей карьеры» Я решил бросить школу и писать. А теперь, пожалуйста, немного тишины. Я предчувствую новое стихотворение».

«Еще семьсот пятьдесят?» спросила Элла. Прежде чем она еще раз смогла меня оскорбить, зазвонил телефон. Элла ухватила за него. Это была Лу Мюррей, ее подруга. «Я не могу сейчас разговаривать, Лу, - сказала ей Элла. - Мы обсуждаем будущее моего брата. Это так трудно для семьи - решить, что делать с гением». «Гением,- повторила она. «Конечно, я говорю об Уильяме. Он мой единственный брат. У него большой успех в журнале. Невероятный. Только что по почте ему пришел чек, и, когда он открыл письмо, то громогласно завопил: «Семь сотен и пятьдесят долларов!»

Мать неодобрительно покачала в адрес Эллы головой. Элла слушала у телефона, что говорит Лу, высунув язык. «Что, Лу? Одну минутку, я спрошу его». Элла закрыла рукой микрофон.- Лу хочет знать, не придешь ли ты к ней завтра на вечеринку?"

«Меня никто не звал».

Матушка сделала свой вывод. «Я думаю, что это приглашают твои семьсот пятьдесят долларов».

Элла сказала: «Лу? Он ужасно извиняется, но из -за писательства и всего такого он каждую минуту занят. Телефон звонит, как бешеный, с того момента, как он добился своего успеха».

Мать запротестовала: «Элла, прекрати!"

Элла набирала высоту. «Да,- говорила она,- за ним ходят по пятам, чтобы делать кино из его... его... вещи, которую он написал. Совершенно точно. Голливуд. Что? Я думаю, он будет заниматься на дому. Мы не позволим школе вмешиваться». Элла добавила значительно: «Кстати, Лу, что подельывает твой брат Уоллес теперь? Все еще торчит у

прилавка с газированной водой в аптеке Грина? Гм? В каком журнале прославился Уильям? Ну... мы вышлем вам экземпляр с автографом. Я должна бежать, Лу. Кажется сюда идут фотографы. Пока». Элла повесила трубку.

«Тебе должно быть стыдно,- сказала мать.

«Нет, ничего,- усмехнулась Элла. - Меня от нее тошнит. Я только и слышу: мой брат Уоллес то, мой брат Уоллес се. Если она думает, что я собираюсь ждать до последней минуты, не позовет ли она меня на завтрашнюю вечернику - она ошибается. Поделом ей».

Потом Элла повернулась ко мне, вся взвинченная. «Уильяму, вот кому должно быть стыдно, а не мне. Я не понимаю, почему он не мог послать свое стихотворение в «Сатурдей Ивнинг Пост» и получить семьсот пятьдесят долларов. «Снаряд» Капитана Билли! Меня за всю мою жизнь так не унижали!"

Она выскочила из комнаты. Я крикнул ей вслед: «Ну, прости за то, что я живу!» Мать меня успокоила. Она сказала, что очень гордится мной. «Пусть это всего лишь «Наряд» Капитана Билли». «Снаряд!"

Я спросил, не хочет ли она, чтобы я надписал несколько экземпляров для нее, чтобы она могла послать своим подругам. Она сказала, что, пожалуй, нет. Она подождет до следующего раза.

Г Л А В А 11. ТЯЖЕЛОЕ ИСПЫТАНИЕ ДЛЯ ОТЦА

В шесть тридцать вечера я все решил. Мое будущее определилось. Я порву с обществом и посвящу свою жизнь перу. Ну хорошо, пока карандашу, а позже, может быть, заработаю достаточно, чтобы купить ручку. Я был уверен, что где-то в мире есть нечто удивительное, ожидающее, чтобы я отыскал его. А потом я напишу об этом пламенным пером.

Отец прочел мое стихотворение за ужином.

«Неплохо,- сказал он,- совсем неплохо. - Потом подмигнул мне. - Я не думаю, что ты все возьмешь себе до последнего четвертака, и твой отец сможет купить себе пару мешочков табака Булла Дурхэма».

«Вообще-то,- сказал я. - У меня уже ничего нет. Мои семь с половиной уже ушли».

Все пришли в ужас. Мать не поверила.

«Но они у тебя были всего три часа назад,- сказала она. - И ты не выходил из дома».

«Я выходил,- сказал я ей,- я выходил к соседям, к Майерсам, и снял их чердак на год за шесть долларов. Потом я пошел в аптеку Грина и купил на пятьдесят центов пачку бумаги и карандаш. Я решил уйти из общества». Отец оттолкнул тарелку с супом. Он обхватил голову руками.

«Пока что уйди из-за стола,- сказал он.

Мать, понимавшая толк в цифрах, сказала: «Но это только шесть пятьдесят. А что с последним долларом?»

Я сказал ей так: «Я купил хлеба и сыра на чердак».

«Он хочет страдать,- объяснила Элла,- так он лучше пишет».

Отец сказал: «Уильям, я собираюсь доесть этот невкусный суп , и если ты будешь еще за столом, когда я закончу - вот тут и начнутся твои страдания. Я ясно выражаюсь?»

Я проводил каждый день в писании, даже когда начались школьные занятия. Ко времени выпуска из начальной школы я исписал стихами три полных записных книжки. Я решил написать что-нибудь бессмертное.

Всего две недели оставалось до моего выпуска, и, как опытный автор, я чувствовал, что мне нужен новый костюм для церемонии. Я был уже почти первокурсником средней школы. У большинства друзей были свои выпускные костюмы, и они хвастали этим. Пока же все, что было у меня - это пара рыжих вельветовых брюк и коричневый свитер - они были на мне. Тогда в семье Сирзов был очень сложный финансовый период. К тому времени отец бросил чугунолитейный завод и работал сам на себя, подрядчиком малярных работ. Дела шли всегда хорошо летом и ужасно - зимой. Если отца спрашивали, на что он живет, он говорил: «Я - художник и декоратор». Но если спрашивали Эллу, она отвечала: «Мой отец - художник, который занимается интерьером, если, конечно, ему нравятся проекты, которые ему предлагают». Дела шли так плохо, что отцу нравились любые проекты, даже если они были начерчены на оборотной стороне конверта. Когда он прикидывал стоимость наружных покрасочных работ, он смотрел и говорил: «Фронт пойдет на оплату башмаков для Уильяма, задняя сторона на платье Мэри, северная часть - это счет за уголь и мяснику», и так далее. Отец мог раз взглянуть на дом и точно сказать, что эта работа тянет на оплату газа и освещения или на оплату бакалейного счета за месяц.

Когда отец был молодым, он собирался стать великим актером. Он собирался пожертвовать всем ради этого. Все разубеждали его, но он говорил, что чувствовал в глубине души: это была единственная вещь в мире, которой он хотел заниматься. Вот почему он не пытался отговаривать меня, когда я сообщил ему, что однажды, открыв смысл моих видений, я пойду по всему свету, чтобы рассказать об этом людям. Это нервировало отца, и он не любил об этом говорить, но он никогда не говорил, что я глуп. Он помнил свое пламенное желание. Но как-то раз он был весьма резок со мной. «Вокруг много умных людей,- сказал он,- которые только и делают, что пытаются постичь Бога и думают о нем. Почему бы тебе не удовлетвориться тем, что они сообщают тебе?»

«У них не было моего видения».

«Ты пока еще не настолько взрослый, чтобы платить за полный билет в кино,- сказал он,- но уверен, что знаешь больше, чем мудрые люди». «В этом что-то есть,- сказал я упрямо,- дед тоже это знает».

«Потом, когда ты повзрослеешь, мы позволим тебе учиться на священника, и ты сможешь найти ответ».

«Я не хочу становиться священником. Я только хочу быть человеком и отыскать это».

Отец сдался. «Пусть себе идет и говорит об этом с отцом Клайном. Я регулярно плачу за место в церкви. Пускай он отрабатывает деньги». Конечно, отец никогда не стал знаменитым актером. Вместо этого он встретил маму. Оба они сначала выходили на сцену вместе, но потом появилась на свет Мэри. До рождения Фрэнсис отец еще чувствовал, что сцена зовет его. Потом отец говорил, что он вкалывал без отдыха, так что уже не в состоянии был прочесть свою роль, если даже ему какую и давали. Появление Эллы заставило сдаться его окончательно.

«Все, что я могу сделать теперь,- сказал он маме,- это научиться держать голову над водой».

Когда появился я, он научился плавать под водой. По-моему, отец еще оставался большим актером, пусть даже большинство его характерных ролей были сыграны в пределах дома. Я никогда не видел ничего замечательнее - даже в старом театре Дэвидсона на 3-й улице - чем отец в тот момент, когда я принес домой итоговую табель успеваемости. Я окончил без отличия, вообще я окончил благодаря везению и милосердию мисс Нельсон. Я думаю, что мои стихи были причиной того, что она позволила мне на уроках списывать все от начала и до конца.

Она сказала, что некоторые из них подают большие надежды и попросила меня представлять на выпускных экзаменах нижнюю половину списочного состава класса чтением двух моих стихотворений. Я и в самом деле представлял самый низ, но я не говорил этого отцу, хотя и понимал, что он сам догадается, когда посмотрит в табель. Я попробовал смягчить, показав два стихотворения, которые написал, но он отказался на них смотреть. Он был занят изучением табеля.

Я подумал, что из этого можно сделать пьесу - с отцом в роли Злодея. Сценой была наша гостиная. Действующие лица: злой отец и слабый сын. При поднятии занавеса сын сдает свой табель неприятелю.

Отец взял его у меня с выражением лица, достойным Линкольна, когда тому сообщили о падении Фредериксбурга. Отец нацелил один глаз на табель, а другой на меня. Это пригвоздило меня к стене и мешало ускользнуть в сторону дверей и свободы. Отцовское терпение было безгранично, покуда он изучал мрачные новости. И пока он прокладывал свой печальный путь от истории к английскому, к естественным наукам, математике, поведению, его лицо становилось все более и более грустным. Оно вытягивалось как тесто, сползающее по краям кастрюли. Он посмотрел в табель, потом на меня, потом опять в табель, будто говоря: «Конечно, все это - страшная ошибка, и я введен в заблуждение чьим-то идиотским табелем».

Потом отец бережно возвратил табель владельцу, с такой нерешительностью, словно хотел призвать силы Великого Эфира поддержать его, потом выпустил вздох, прозвучавший так, будто у дяди Клиффа из одной из шин вышел воздух.

Начав с ног, глаза отца стали медленно подниматься вверх по моей фигуре. Я скрестил пальцы и помолился, чтобы зазвонил телефон или взорвалась газовая колонка, прежде чем они встретятся с моими. Наконец, он взглянул мне прямо в глаза. Я спросил себя: «Как я мог устроить такое моему отцу?»

Отец сказал: «Как ты мог устроить мне такое?»

Я сказал себе: «Чем провинился мой отец, чтобы так страдать?» Отец сказал: «В чем я провинился, чтобы так страдать?»

Я опустил глаза, вновь поднял и отвел опять, потому что его глаза были все еще на месте. Я мысленно перемахнул через ограду Майерсов, через нашу, прочел две строфы «Звездного знамени», а потом взглянул опять - они были все еще там.

Отец сказал только одно слово: «Ну?»

Я понял, что пропал. Если бы отец только сказал: «С математикой слабовато, не так ли, сын?» - я мог бы сказать: «Да, сэр, но я подтянусь». «Хорошо,- сказал бы он,- тогда, может быть, в следующем семестре ты сможешь подняться до Д с минусом». Но когда отец говорит «Ну?», нет возможности ответить. Что можно ответить на «Ну?» Это стало причиной моих мук с тех пор, когда я подросток настолько, что смог отрезать носки у его домашних тапочек. Нет, дайте мне эдакого старого доброго папашу, который говорит: «Эта жалкая оценка по географии - твоя?» «Да, сэр». Бац! И все. Но когда говорят «Ну?», ты только стоишь и мучаешься в безысходности.

Еще одна из лучших отцовских сцен - это когда мать забыла заплатить за газ за три месяца, и десять долларов, которые отец планировал потратить на покупку новых кистей, ушли в газовую компанию.

Отец достал из своего бумажника десятидолларовую бумажку и заглянул в пустой бумажник так, будто это была смертельная рана, от которой он, истекая кровью, умрет на наших глазах.

«Обязательно оплати счет за газ,- сказал он матери. - Теперь духовка может понадобиться в любой день - для моей головы».

Мои сестры все время использовали газовую духовку для сушки волос. Вот откуда брались высокие счета.

Если отец натыкался на них, когда они стояли в кухне на коленях, сунув головы в духовку, он кричал матери: «Почему ты не вымоешь волосы тоже, Этель? Тут есть место

как раз еще для одного полена». Потом отец уходил, бормоча про себя: «Почему они всегда вытаскивают меня из реки?» Я догадался, что отец никогда не был в реке, это было просто такое выражение, которое он употреблял. Он употреблял его, говорил он, когда человеческую плоть толкают туда, где она лопается, как гнилая резинка. У отца было еще одно любимое высказывание: «Зачем я тебя ращу?» На это ответа не было. Но то, которое он употреблял чаще всего, по любому случаю - важному или неважному - звучало так: «О, Боже, когда все это кончится?» Никто, конечно, этого не знал.

Теперь, когда я уговорил отца принять мой табель успеваемости без насилия, моей следующей проблемой стало раздобыть костюм для выпускного вечера. Я, конечно, не мог читать два своих стихотворения, стоя перед всеми в старых вельветовых штанах и свитере. Я придумал, что можно быстро заработать на него с помощью моего пера. Я послал пятьдесят стихотворений в «Снаряд» Капитана Билли. Это были те самые, которые вернула «Сатурдей Ивнинг Пост», не говоря уже об «Угольщике», «Домашнем журнале для женщин», «Деревенском джентельмене» и одной или двух дюжин других. Письмо вернулось. Внутри что-то было. Мои стихи! Письмо сообщало, что пока я еще не попадаю в самое яблочко. Отец сказал, что я еще даже не зарядил ружья. Письмо было любезное, но в обескураживающем смысле. Оно говорило, что мне нужно побольше «выдержаться». И это было все. Моя сестра Элла сказала, что на самом деле в письме спрашивается: «Не молокосос ли ты?"

Мое отчаяние привело к весьма ужасному и тягостному бытию.

Г Л А В А 12. СЭМ, ТЫ СЛИШКОМ УКРОТИЛ ШТАНЫ

Всего за пять дней до выпускных экзаменов я продал еще одно стихотворение, но получил за него только доллар. Я продал его своей сестре Мэри. Я назвал его «Заплати мальчику деньги» и прочел ей однажды утром до того, как отец спустился к завтраку.

Кто время проводит в забаве ночной,
Лишь в первом часу заявляясь домой?
Кто видит кого-то, крадущимся в дом
В наряде знакомом таком голубом?
И кто все расскажет папаше в момент,
Когда за труды не получит процент?

Мэри сказала, что это шантаж, но доллар я получил - десять центов еженедельно на десять недель. Хуже было то, что мистер Майерс выгнал меня с чердака на два месяца раньше. Он заявил, что я снимал его, чтобы писать, но ничего не упоминал о бейсболе в помещении. Он вернул мне четверть платы и разорвал контракт. Я пошел в аптеку Грина и одним махом принял две содовых с шоколадом. Уоллес, брат Лу Моррей, приготовил их мне.

«Когда ты отправишься в Голливуд снимать «И бар, и опилки, и пиво за никель»? - спросил он. - Ха!"

Я решил потратить последний никель где-нибудь в другом месте.

За три дня до выпуска я понял, что дела мои уже достаточно плохи, чтобы приступить к молитвам о костюме. Но мне не хотелось просто просить Бога дать мне новый костюм, ведь дед всегда говорил: «Это не молитва, это попрошайничество. Ты не должен крутиться с кружкой для пожертвования, упрашивая Бога, чтобы Он тебе ее наполнил. Ты сам должен что-то делать». Я решил, что буду молиться и буду усердно работать по дому. Может быть, Бог и пойдет на небольшую сделку со мной.

Все, казалось, рухнуло, когда отец вызвал меня для личной беседы. Я не любил таких встреч, потому что неизвестно было, что отец приготовил мне-разговор начистоту», или «как отец с сыном», или «как равный с равным», или «как мужчина с женщиной». Но отец удивил меня: новости оказались хорошими.

«Ты упорно работал по дому эту неделю,- сказал он. - Более того, ты всерьез пытаешься стать писателем. Ты изучаешь это, ты читаешь и ты пишешь. Твои дела в школе не блестящи, но ты стараешься».

И затем он вручил мне свой лучший коричневый костюм. «Ты не такой большой, как я,- сказал он,- но ты достаточно большой, чтобы надеть мой лучший костюм на выпускные экзамены».

Я был почти такого же роста, как и отец, и, прицепив к брюкам подтяжки, я выглядел в них не так уж плохо. Я немножко болтался внутри пиджака, но, в конце концов, это был мой костюм.

«Здорово, отец,- сказал я. - Спасибо».

«Отнеси прямо сейчас к портному, чтобы вычистить и выгладить. Это мой лучший костюм, смотри, не посади на него ни пятнышка. И держись подальше от заборов».

Через пять минут я был у портного и просил его почистить и отутюжить костюм. И не знаю, как вышло, но я сказал кое-что еще. Что-то на меня нашло. Словно ниоткуда возникло некое эхо и проговорило моим голосом: «И пока я здесь, сделайте поменьше. Сделайте поуже талию, ушейте пиджак и укоротите штаны и рукава».

Еще не дойдя до дому, я опомнился и осознал, что натворил. Разум подсказывал мне бежать назад и отменить заказ. Но сердце говорило: «Бетти Миллер сразу поймет, что ты мельком шит, если твои штанины не будут волочиться по полу».

Я рассказал Элле о злом духе, охватившем меня. Мы оба пришли к выводу, что лучше быть во власти «злого духа», чем отца, хотя на самом деле у меня имелись достаточно хорошие шансы оказаться во власти и того, и другого.

Не стоит говорить о том, что я выпускался в отцовском костюме. Рядом с Бэтти Миллер я даже не обращал внимания на колкости Уоллеса Мюррея.

«Эй, Сирс! Это костюм твоего старика?»

«Так оно и есть,- сказал я ему,- но я уже подрос для него. Нет смысла носить детскую одежду, если ты мужчина». Бэтти Миллер посмотрела на меня такими большими глазами, что я мощно расправил плечи.

Это было не очень заметно, но внутри я чувствовал именно так, и сказал:

«Жаль, что скоро я вырасту и из этого».

Судный день наступил на следующее воскресное утро в девять часов, когда я играл в «старого кота» с четырьмя парнями на пустыре и услышал еще один голос, который исходил, казалось, ниоткуда. Он был так громок, что я услышал бы его даже за Джуно-Парком. Он произнес: «Уильям!»

Он стоял на нашем парадном крыльце в своем коричневом костюме. Ну, пожалуй, не совсем в нем. Элла потом говорила, что отец выглядел как монах Тук в пижаме Румпельстильтскина.

«Ты звал меня, отец?» - спросил я, шлепая вверх по ступенькам крыльца и надеясь, что это от жары так покраснело его лицо и вздулись жилы. «Ты ничего не замечаешь?» - тихо прошептал он.

«Ух ты! Твой костюм попал под дождь или еще где вымок?" Отец простер палец. Он указал на мою спальню. «Наверх,- сказал он.

Г Л А В А 13. ТРИ ОТМЕЧЕННЫХ ПРИЗАМИ ПЬЕСЫ, НО НИ ЦЕНТА НА СИГАРЕТЫ

Я выпускался из средней школы несколькими годами позже, и в своем собственном костюме. Потом я отправился в Висконсинский университет, пробыл там достаточно долго, чтобы стать заводилой среди первокурсников и заслужить красно-белый свитер, который помогал мне автостопом добираться на уикэнд домой в Милуоки. Я выиграл золотой баскетбольный мяч, как форвард университетской команды, и надеялся стать яркой университетской звездой, но тренер, Док Минвелл, и восемь парней, наступавших друг другу на пятки, охладили мой пыл. Чтобы заработать деньги на кусок хлеба и угол, я работал официантом, мыл посуду, топил печи, а чтобы их спустить - я ходил в Кэпитол-театр.

Это была тяжелая, полная самопожертвования жизнь, но, думаю, могу искренне сказать, что это доставляло мне мало удовольствия. И я возвратился в Милуоки прежде срока.

Начиналась «великая депрессия»: в нашей семье все остались без работы, доходов у нас не было, сбережений тоже, нечего было есть. Таким образом, я поспешил вернуться домой из университета, чтобы помочь семье голодать. Я износил пару отцовских башмаков, ища работу, пока не выходил место в нефтяной компании, благодаря умению

печатать и стенографировать, которому я выучился в средней школе. Через три недели после того, как я к ней присоединился, компания обанкротилась (не по моей вине). Дела пошли от плохого к худшему, но в 1933 году это была короткая дорожка. Однажды ночью в постели я составил свой личный свободный баланс, чтобы посмотреть, нельзя ли обнаружить причину всех этих несчастий, свалившихся на меня. Я провел вертикальную линию посреди листка бумаги и внес все скверные факты в список по порядку:

Плохие дела Хорошие дела

1. Компас, позаимствованный у парня, сидевшего со мной по соседству на школьном собрании, когда я был старшеклассником. Он обнаружил пропажу раньше, чем я успел вернуть. Обещал отлупить меня наутро.
2. На первом, самом тяжелом году депрессии, 5 долларов, занятые у помощника директора средней школы, м-ра Вайса. Истрачены на удаление двух гнилых зубов у отца. 75 центов отложены; потрачены как-то глупо. Еще не возвращены. Должно что-нибудь быть.
3. Сделан заем в 7,5 долларов у приятеля, Ли Годфри. Или это было три-пятьдесят? Или, может быть, полдоллара? Кажется, я истратил это на девушку. Или на себя?

Я снова начал читать Библию. Но совсем по другой причине. Я не мог себе позволить книгу Фрэнка Мерривелла или рассказы о Шерлоке Холмсе. Откровенно говоря, я предпочел бы зеленый лист «Милуокской Газеты», но мы не могли себе позволить ни пенни. Но у нас была Библия.

Мне пришлось по душе Иона. Я начал относиться к нему, как к брату. Я даже не был уверен, хочется ли мне еще отгадать смысл моих видений. Иона слышал голос Бога, говорящий ему: «Ступай в Ниневию!»

Я раздумывал о видении, которое заставляло меня искать что-то удивительное и прекрасное. Я начал прибегать к тем же отговоркам, что и Иона. Я думаю, каждый человек имеет свою собственную Ниневию и свои собственные причины не идти туда, куда он должен идти.

«У меня совершенно загруженный период».
«Потом, погодите. У меня сейчас другие планы».

«Почему бы не отправить Джонатана? Он выглядит безгрешным и гораздо набожнее меня, и у него длинные волосы, и люди его слушают».

«Как только я заработаю побольше денег и разбогатею - я пойду и возьму город штурмом. Вот увидите».

Мы были тогда на самом дне «депрессии». Я знал об этом, потому, что Вашингтон так нам говорил в течение трех лет. Мы постоянно слышали по радио про какого-нибудь финансиста или бизнесмена, который бросился с пятнадцатого этажа какого-нибудь здания, разбившись насмерть. Отец говорил, что сам поступил бы подобным образом, но от голода так ослаб, что не способен подняться настолько высоко, чтобы причинить себе хоть какой-то ущерб.

Более двух лет я не имел в кармане более двадцати пяти центов наличными.

Я ни разу не ходил в кино, ни разу не проехал в такси или на автобусе, не съел ни стаканчика мороженого и не выпил ни одной содовой.

На обед в День Благодарения в 1932 году у нас было три цыпленка, два ломтя черствого хлеба и имбирный кекс, который испекла матушка. Отец, Элла и я нанесли визиты всем нашим соседям, чтобы позаимствовать необходимые ингредиенты. Кекс в середине просел, потому что никому из нас не верилось, что он находится в духовке, и мы все время заглядывали, дабы убедиться, что он все-таки там, и весело подталкивали друг друга локтями. Отец философски заметил, что если целая страна могла впасть в депрессию, то почему бы это не сделать кексу.

«Кроме того,- сказал он,- получилось отличное место для взбитых сливок». Мать начала смеяться. Из-за взбитых сливок. Отец выдоил последние капли из банки сгущенного молока, а я сполоснул жестянку своим чаем. Отец наточил большой разделочный нож и с преувеличенными церемониями отделил грудку, крылышки и ножку от первого цыпленка. Отец поднял ножку вверх. «Мы должны предупредить Франсуа, шеф-повара, что, если он не будет поливать жиром индейку более тщательно, мы бросим его в ров с водой. Что скажешь, королева Этель?"

Мать сказала: «Передай мне кусочек цыпленка».

Отец обиделся. «У тебя нет души, женщина. Это грудка окольцованного фазана, подстреленного только что, в сумерки, когда солнце закатилось за охотничьи угодья возле нашего замка».

В угодьях возле однокомнатного замка Сирзов было два пустых мусорных ящика, вагон для американских горок без правого заднего колеса, остов старого «Шевви» без колес и мотора, один роликовый конек и продавленное кресло с пружинами наружу.

Когда прием пищи закончился, отец удовлетворенно чмокнул губами и сказал: «Теперь и помереть можно».

Я написал деду, выразив надежду, что у него в деревне все в порядке. Мое письмо, наверное, звучало печально, потому что через несколько дней я получил ответ, из которого было совершенно очевидно, что ему не понравился тон моего письма. Я ясно себе его представил, сидящего на ящике с овсом, занимающегося упряжью Бьюти, куда я накладываю сено в ясли. Я слышал его голос, исходящий от письма, лежащего передо мной. «Важно не то, что на столе, сынок, а те, кто за столом. Никто не любит Уильяма Сирза за его должность, деньги или красивую одежду. Никто. Ни твоя мать, ни отец, ни друзья - ни даже твой старый дед. Они любят те достоинства, которыми ты

обладаешь. Доброту, мягкость, справедливость, мужество, щедрость - вот что они любят. И, чем больше этих достоинств в тебе, тем сильнее их любовь. А если ты теряешь эти качества - их любовь вянет и умирает. Любой может быть счастливым, когда все идет прекрасно, но истинная мудрость в том, чтобы быть счастливым, когда дела плохи.

Не сокрушайся по поводу «депрессии». Пиши о ней. Это будут гораздо лучшие стихи, чем «и бар, и опилки, и пиво за никель». Кстати, Уоллес Моррей все еще в аптеке Грина. Он теперь отвечает и за фонтан.

Если ты еще не уловил, куда я клоню, возьми два полудоллара и положи их на оба глаза. Что ты увидишь? Ничего. Вот что делает серебро с внутренним зрением, если ты начинаешь слишком любить его.

Это шутка, насчет того, чтобы взять полудоллары, сынок. Попробуй хотя бы пятицентовики. А здесь дела тоже неважные. Твоя бабушка теперь сама выращивает овощи. Зелень у нее, однако, растет, как на дрожжах. И у нас есть все, что нужно.

Я продал Тропикала и Дакара и упряжку серых. Теперь только трое нас осталось в амбаре... Бьюти, Принц и твой старый дед..

Итак, я мог бы передать смысл письма в двух словах: «Перестань ныть». Послушавшись его совета, я написал о «депрессии». Вместо «стихов» я написал свою первую пьесу. Я закончил ее за одну ночь, и до рассвета израсходовал на это последние наши пятнадцать листов писчей бумаги, семь рваных пакетов из коричневой бумаги и внутреннюю часть двенадцати конвертов. Пьеса была одноактной. Я назвал ее «Папа расплывается». Она была о нашем собственном однокомнатном доме.

Следующим вечером после ужина я прочел ее всей семье. Всем понравилось, но каждому показалось, что его собственная роль не совсем верно исполнена мной; каждый член семьи считал, что его или ее роль должна быть смягчена и расширена. В эту ночь я переписал всю пьесу, сделав ее строже и короче; потом я отослал ее в университет профессору.

Через несколько дней я получил письмо и пакет. В письме говорилось, что профессор представил мою пьесу на драматургический конкурс, и что я выиграл первый приз, который и был в пакете: дощечка с золотой надписью. Отец повесил дощечку на стенку «Это замечательная вещь, сын,- сказал он. - Жаль, что нельзя ее съесть».

Через шесть недель я получил еще одно письмо, в котором спрашивалось, не смогу ли я направить пьесу на конкурс постановок в Висконсинский университет, г. Мадисону. У моего друга Эдди Мэндика был автомобиль, и мы предложили ему роль детектива, если он отвезет нас на конкурс в Мэдисон. Отец играл отца, мать играла мать, моя сестра - сестру, ее приятель - приятеля, наш домовладелец - домовладельца, а я играл сына. Пьеса выиграла конкурс, а отец - награду за лучшее исполнение роли: за то, как он изобразил отца-ирландца.

Позже он сказал, что это было нетрудно, потому что отца-ирландца он изображает более сорока пяти лет.

Мистер Джордж из Театральной Издательской Компании в Чикаго смотрел пьесу. Он предложил мне за нее сто долларов.

Итак, мне не нужно было искать работу. Я стал писателем. Эдди Мэндик принес мне несколько пачек газетной бумаги из отдела распространения «Газеты», и я был при деле. Больше у меня с семьей споров не возникало. Мне стоило лишь в олимпийском жесте воздеть руку, чтобы установилась тишина, многозначительно указать на свою рукопись и покачать головой: «Пожалуйста...» И это была первая из трех пьес, выигравших призы.

Отец расстроился, когда услышал, что моя новая пьеса о дедушке.

«Во-первых, пойми,- сказал он матери,- он захочет, чтобы дед Вагнер играл деда Вагнера, а бабушка Вагнер играла бабушку Вагнер, а они слишком стары для разъездов. Где моя шляпа?"

Отец поцеловал мать в щеку и в дверях обернулся ко мне: «Если меня будут спрашивать, скажи, что меня можно найти возле сигарной лавки, где в грязных переулках я буду побираться, как обыкновенный попрошайка. В прошлую пятницу я нашел четыре пустых бутылки из-под содовой воды, и, если мне удастся это повторить, мы сможем взять кексы к чаю на десерт. Великий Боже! Когда все это кончится?"

Г Л А В А 14. АВТОР НА РАДИО: «ВАМ НУЖЕН ХОРОШИЙ СЦЕНАРИЙ ИЛИ ВАМ НУЖЕН СЦЕНАРИЙ К ЧЕТВЕРГУ?»

За несколько последующих лет я написал и опубликовал девять одноактных пьес. Я был уже женат и имел двух сыновей. Уильяма Бернарда Патрика Майкла Теренса Восьмого и Майкла Томаса. Моя жена, Кэтлин, была очень милой, нежной и смелой женщиной. После рождения Майкла она серьезно заболела, и оба они долгие месяцы находились в больнице.

Так начался тот мрачный период, когда я написал пьесу под названием «Черная жатва». Она отражала мои настроения, точно такие же, что и у многих моих соотечественников в те дни, когда жесткой нормой было воздерживаться от жалости к себе.

Один приятель, талантливый музыкант, который никогда не имел возможности реализовать обещанное, говорил: «Кости выпали паршиво для этого поколения». Родившиеся в канун первой мировой войны, пошедшие в школу во время войны и в период следовавшей за ней «депрессии», бывшие студенты в «ревущие двадцатые»,

начавшие карьеру одновременно с банкротством рынка и Великой Депрессией, устроившиеся как раз вовремя, чтобы оставить все ради участия во Второй Мировой войне, они не чувствовали, что их судьбы могли бы стать предметом зависти. Они чувствовали себя скорее лошадью на скачках, вроде тех, о которых я вел передачу однажды летом. Гнедой жеребец по кличке Левый Берег, пробежав уже свыше мили с четвертью, отстал, когда, получив по голове подковой, брошенной самым нечестным образом другим наездником, споткнулся на дистанции; его жоккей растерялся, и седло соскользнуло. И кончилось тем, что им пришлось закончить гонку раньше времени.

Когда я обрел работу, которая, как я полагал, даст мне финансовую возможность собрать вместе всю семью, Кэтлин умерла, а Майкл был помещен в санаторий. По прогнозам врачей ему предстояло провести там еще несколько лет.

Я писал каждый день по двенадцать-восемнадцать часов, но все еще не избавился от сомнений. Одна из моих пьес- «Джиллис умерла» принесла мне большую награду, но очень мало денег. Другая была выбрана для публикации в книге «Лучшие пьесы года». Я послал экземпляр деду. Телеграмма пригшла немедленно. Я думал: «Как, должно быть, гордится мной старик». И действительно, в тот момент сам я собой очень гордился.

Телеграмма гласила: «Смотри! Ты можешь выронить фонарь».

Дед был прав. Только он напутал с временами - я уже выронил его.

Я был затерян в долине тьмы, как и все остальные. С каждым днем я был все дальше от своей мечты, и все ближе и ближе к миру, где мало заботятся о духовном. Когда я не писал, то сидел на песке Брэдфордского пляжа, смотрел, как набегают белые бурунчики, и терзал сам себя.

Если бы только они могли выбросить к моим ногам немного мудрости! Часто я закрывал глаза и пытался вспомнить то чудо моего видения. Я жаждал услышать звук того мелодичного голоса, который обращался ко мне так много лет назад.

Однажды ночью я играл в карты у своего друга. Вдруг зазвонил телефон. Молодой человек, назвавшийся Годфри, с радиостанции ВОМТ в Манитовоке предлагал мне работу. Он был директором на радио. Теперь, спасибо за его доброту, я тоже должен был им стать. Какое ужасное падение!

Вечером, накануне отъезда в Манитовок, я принял ванну, тщательно вымылся, надел чистую пижаму и залез под белые простыни, надеясь, что мне удастся опять увидеть тот мой сон.

Очнулся я от сна без всяких сновидений, как раз вовремя, чтобы успеть на поезд. Я сидел в «Северо-Западном» пассажирском вагоне, когда он грохотал мимо берега озера Мичиган, нырял под Проспект-Авеню и вилял вдоль залива Уайтфиш, и думал о том, что мое видение исчезло навсегда. В стуке колес, казалось, слышалось: «Прощай! Прощай! Прощай!»

Я начал свою карьеру на радио в ВОМТ уже на следующий день. Первое приветствие от главного диктора немного походило на консультацию:

«Радиодикторов - на гривенник дюжина. Но с неделю можно продержаться.

Держи свои гласные открытыми - и ты будешь в порядке
ВОМТ сейчас прекрасная, современная, преуспевающая станция, но в те далекие дни это было дитя, борящееся за выживание. Студия помещалась над мясным магазином, а передатчик был на верхнем этаже здания позади театра Микадо.

В те дни, когда в мясном магазине внизу коптили колбасу, дым проникал сквозь пол и прилипал к башмакам. Постепенно он распространялся вверх по ногам. Если ты работал до полудня - ты пах до колен. Если ты работал до вечера - то благоухал до пояса. Я передавал новости каждый час с раннего утра до полуночи, поэтому я пах, как бочонок брауншвайгера с головы до пят. Когда я шел домой, собаки выбегали из подъезда, чтобы с надеждой обнюхать мои башмаки.

Дикторы всегда определяли свои костюмы по аромату колбасы, которую коптили в последний раз, когда костюм был одет. Перед большим торжеством, - например, пикником рабочих алюминиевой промышленности, - тебя спрашивали: «Что ты наденешь, Билл? Свой свободный копченый или свой колбасный габардиновый?"

Однажды вечером, когда я брал интервью у мэра, он взглянул неодобрительно поверх микрофона, понюхал воздух и сказал: «Вам бы подошла пара ломтей ржаного хлеба по бокам».

На протяжении нескольких лет я работал на ВОМТ в Манитовоке, на ВХБЛ в Шебойгане, ВКББ в Дубьюке, КУТА, КСЛ, и КДИЛ в Солт-Лейк-Сити, КФБК в Сакраменто, КПО в Сан-Франциско, ВПЕН и ВКАУ в Филадельфии, и, наконец, на ВКАУ-Телевидении и на телевидении Си-Би-Эс.

В одной из моих ежедневных передач «Сегодня у законодателей» я из первых рук узнал, что имел в виду Сократ, когда говорил: «О, жители Афин! Если бы я занимался политикой, я умер бы гораздо раньше, и ничего бы не значил ни для вас, ни для себя самого». Я все еще слышал, как щелкает зубами в студии преподаватель гражданского права. «Политика - это дегенеративный ребенок прославленного отца, искусства управлять государством».

Один год проходила жестокая политическая компания - выборы нового члена комиссии по водоснабжению; это должностное лицо обвинялось в том, что в хранилище была упущена нефть. Неделю никто не пил в студии из-под крана. Если бы кто-то из дикторов случайно сделал глоток, ему следовало театрально зашататься, упасть на колени, скорчиться на ковре и громко завопить: «Вызывайте члена комиссии по водоснабжению!"

В одно прекрасное утро ко мне подошел спортивный комментатор и сказал:

«Хочешь быть спортивным диктором?»

«Конечно».

«Тогда приступай сегодня вечером. Я хочу открыть пивную. Я могу заработать больше за месяц, продавая «шнапс», чем здесь за год». Он был прав, конечно, за исключением того, что заработал он столько за неделю. Таким образом, в этот вечер на свой страх и риск я впервые вел репортаж о бейсбольном матче. Это была игра на звание чемпиона в турнире Американской Лиги - наша команда играла против клуба польского городка из Северного Висконсина. Их разыгрывающего звали Борчижиковски, но другие имена были потруднее. Я попросил их менеджера послать кого-нибудь, чтобы помочь мне правильно произносить имена. Однако мой «корректировщик» был сражен предательским мячом, как только он уселся возле меня - его унесли и оставили меня один на один с Борчижиковским.

В развлекательном бизнесе я всегда придерживался девиза «шоу должно продолжаться», хотя никто никогда не объяснял мне, почему. Игра уже начиналась, и чтобы использовать хоть какие-то имена для их команды, я подключил в дело всех своих родственников. Я начал с зятя, Джонни Крайовски, пустив его под третьим номером. Он был в прекрасной форме. Мой дяд Клифф Вагнер играл в центре поля, мой кузен Арт Сирз был вторым номером, мой дядя Даффи - справа, и так далее. И, вот несчастье, мой восьмидесятипятилетний дед в два удара сделал игру!

Директор радиостанции, однако, отнесся к этому замечательно. Он вовсе не устроил мне головомойку. Он просто с добродушным смехом заметил: «А ты парень, огонь!»

Месяцем позже я лежал в больнице с желтухой, и мои глаза были похожи на два яичных желтка. Дед поддержал мой дух, написав мне забавное письмо. Он очень обрадовался, узнав, что выиграл матч. «Неудивительно, что я чувствовал такую усталость,- писал он. Дед знал уйму всего насчет болезней. Он ломал свое левое бедро дважды и правое - один раз. Его лягали лошади - в живот, плечо, голени, колени и в голову. У него было воспаление поясницы, плевры и бронхов. Бабушка говорила, что ожидает дедушкиной пневмонии так же, как весны и первой малиновки.

Старик всегда приканчивал остаток любого лекарства - не важно, кому его прописывали. Он говорил, что лекарство стоит больших денег, и просто стыд выбрасывать его. Это ему не вредило, кроме одного случая, когда он проспал тридцать семь часов. Но он заявил, что отдых был ему необходим, как бы там ни было. Я думал, что он наконец получил урок, когда по ошибке принял кошачьи пилюли от глистов, и его три дня рвало. «Ради Бога, дед,- сказал я,- ты вылечился, наконец?»

Он ответил: «У меня не было глистов».

Отец всегда говорил, что, если бы дед не был больным всю свою жизнь, то никто не смог бы с ним ужиться, его болезни - это благо для общества. Его письмо помогло мне быстро избавиться от желтухи. Я был немного разочарован, что он не упоминал о моем видении. Никто в семье вообще больше об этом не говорил. Даже матушка прекратила. Она высказывала предположение, что ошибалась, и я был не так уж мал, как они считали,

когда впервые имел видение. Отец больше не нервничал, когда я беседовал с ним, потому что я больше никогда не упоминал о Боге. Обычно я просил у него пару долларов до зарплаты. Я думаю, его радовало, что все, что он считал во мне противоестественным, исчезло.

«Спасибо Господу, он избавился от этого,- сказал он как-то матери.

Но мне почему-то было жаль. Во мне погас внутренний огонь, согревавший меня в самые трудные и холодные годы, и я больше не чувствовал себя одним из Рыцарей Круглого Стола в поисках Святого Грааля. Я был средним, несчастным, несостоявшимся человеком, и жил как все: вставал, шел на работу, ложился в постель, умирал.

Однажды утром, когда я наблюдал, как солнце раскрашивает веселым красным цветом холст неба над озером Мичиган, я сказал сам себе: «Либо есть Бог, либо Его нет. Если Его нет, тогда все это не имеет значения, мы - лишь черви, которые появляются, живут несколько часов под солнцем и погибают. Но если Бог есть, и у нас есть души, мы неправильно ставим акценты».

Я все это подробно объяснил как-то Ларри Джэннису во время игры на бильярде. Он поразмышлял секунду, а потом сказал: «Ты себя нормально чувствуешь?»

Я был к этому готов.

«Смотри, Ларри, все выглядит таким образом. Существуют каменное, растительное и животное царства, но все они не имеют сознания. Они не ведают и не беспокоятся о смысле жизни. Мы, люди, понимаем и думаем. Мы не можем быть счастливы, если день за днем живем лишь ради плоти - наш мозг работает. К тому же мы живем по другим законам и имеем другую шкалу ценностей, нежели бессознательные существа. Такие вещи, как скромность, терпение, самопожертвование, снисходительность и доброта ставятся выше, чем достоинства животных, но жизнь не позволяет тебе развивать их. Некуда применить их в двадцатом веке. Но что тогда мы оставим после себя?

Понимаешь, что я имею в виду?

«Твой удар,- сказал он. - Посмотрим, сумеешь ли ты положить восьмого в боковую лузу».

Я промахнулся, но мне было интересно, не промахнулся ли я в своих рассуждениях тоже. Но если я прав, тогда, как люди, мы имеем ошибочный взгляд на жизнь. Достигнув в своей эволюции той стадии, когда мы можем постичь духовные ценности, мы должны развивать духовную сторону своего естества. Вместо этого мы все еще цепляемся за телесные удовольствия, удовольствия более животные, чем человеческие.

Я не возражал против всех чудес изобретательного человека, я лишь хотел расставить акценты. Мы тратили миллионы на спиртное, когда тысячи людей нуждались в молоке. Бесконечные автомобили неслись стройными рядами, когда тысячи людей не имели жилья. Мы были обществом выгоды, вместо того, чтобы быть обществом благополучия. Почему? Когда мы будем и тем, и другим?

Было недостаточно вставать, идти на работу, ложиться в постель, умирать. И я устал гоняться за горизонтом, потому что он удалялся тем быстрее, чем скорее я мчался к нему. Я был уверен, что так или иначе я отказался от того, что было гораздо важнее всего, за чем я так гонялся.

И тогда я встретил Маргарет.

Г Л А В А 15. ЛЮБОВЬ ВЛЕТАЕТ И ВЫЛЕТАЕТ В ОКНО

Джо Маллиган первым привлек к ней мое внимание. У нас на радиовещании он был специалистом по этой части. Каждую ночь он пел в ночном клубе «Серебряная туфля». Голос у него был лучше, чем у дяди Даффи, но ненамного. Денег за свое пение он не получал, но пить мог, сколько хотел. Конечно, ночи маловато, чтобы Джо успел выпить все, что хотел, но он старался.

Домохозяйка выставила его из квартиры, поэтому он спал в студии на полу, беззаботно развешивая одежду на расставленных микрофонах. Из-за этого он враждовал с уборщицей, которая отказывалась орудовать своим пылесосом в его присутствии. Однажды утром во время моей программы «Утренний патруль» у них разгорелась жестокая битва. Маллиган обвинил ее зловредную машину во всасывании единственной пары хороших черных носков, на которой не было ни одной дырки. Она жаловалась директору, и Маллигану было приказано больше не спать в студии на полу. Потом я очень ему сочувствовал, потому что видел, как неудобно ему на фортепьяно. Маллиган представлял из себя странную смесь смелости и трусости. Он был весьма отважен с прекрасным полом, но ужасно боялся, что бедность может лишить его удовольствий. Я всегда поражался, как у Джо хватает сил постоянно интересоваться девушками. Он был хорошим диктором, но еще лучшим он был фармацевтом. Ипо Джо, называли мы его. Он был ипохондриком из ипохондриков. В авторучке у него был термометр. Каждый час он измерял свой пульс, и знал больше заговоров, чем злая ведьма с Запада. У Маллигана имелись: пилюли, полоскания, вяжущие средства, бинты, мази, масла и эликсиры на любой случай. У него было верное средство от любой воображаемой болезни. Главный инженер следил за тем, чтобы у Маллигана болезни не переводились. Он читал Джо медицинские журналы, обращая его внимание на неясные вопросы и редкие заболевания. К ночи Джо страдал всеми симптомами.

В течение дня он содержал студию в такой стерильности, что с пола можно было есть. Однако, лишь только садилось солнце, и он добирался до «Серебряной туфли» - он делался обвисшим и раскисшим, как мокрая водоросль. Днем он был Джекилом, а ночью - Хайдом.

Но, как только он протрезвлялся утром, он проветривал подушку, открывал все окна, обрабатывал телефонную трубку антисептиком, и мыл руки каждый раз, когда распечатывал почту. Главный инженер говорил, что, если бу леди Макбет знала Маллигана, она никогда не произнесла бы слов: «Неужели эти руки никогда не станут

чистыми?» Единственное, что могло заставить Маллигана забыть о своем здоровье и своих недугах - красивая девушка. Если она лишь привлекательна, он предпочитал свою глотку, но, если она была по-настоящему великолепна, он словно бы подвергался воздействию волшебного лекарства. Он цитировал Шелли и Китса и самого себя, лишь бы выманить ее на ланч в этот же день.

Поэтому я был заинтригован в то утро, когда он внезапно переборол жесткий приступ внушенной главным инженером желтой лихорадки и сказал мне: «Ты видел то чаровательное создание, которое только что вошло в студию, а?»

Я взглянул, и увидел молодую леди, она несомненно была девушкой, которую каждый охотно пригласил бы куда-нибудь, чтобы вызвать ревность в своей подруге. Волосы цвета спелой пшеницы, глаза голубые, как яйцо малиновки, великолепные зубы, точеная фигура и улыбка, которая совершенно уничтожала все ваши благородные намерения не проявлять интереса. Ощущение возникало такое, будто разом зажгли все огни на рождественской елке.

Нас было пятеро, наблюдавших за ней сквозь большое стекло студии, пока давалось интервью. Когда она закончила, мы все выжидающе обернулись к Маллигану. Мы смотрели на него, как на нашего эксперта по этим вопросам и ждали заключения и классификации.

Он извлек свой бело-золотой портсигар (которым интересовалось Коллекционное Агентство всего день тому назад), увидел, что он пуст, попросил портсигар у меня и наполнил свой, и, пока он был занят всем этим, нам сделалось ясно, как много поэзии потребует это объяснение. «Есть девушки,- сказал он мечтательно,- которыми вы увлекаетесь. Есть такие, с которыми вы делаетесь большими друзьями». Он окутал себя облаком моего дыма. «Есть другие, которых вы нежно любите, обожаете и женитесь на них. «Она,- сказал он,- это все три сразу».

Маллиган сбил пепел на мои башмаки и спросил, каково мое мнение. Это было похоже на сарказм. Маллиган утверждал, что мой подход к женщинам недостаточно свеж и современен.

Извлекая схороненные и давно не востребованные ресурсы, я проговорил: «Ее глаза украдены у неба, ее губы - это вишня, которую так любят синие птицы».

Маллиган умел проигрывать. Он вышел и поднял мою руку над головой. «Чемпион!» провозгласил он. Потом он добавил: «Несмотря на то, что она носит бриллиантовое обручальное кольцо на левой руке, я, парни, ставлю на то, что приглашу ее сегодня к завтраку, три к одному, вместо обычного один к одному. Не считая пяти долларов, которые мне нужно занять у Билли, чтобы заплатить по счету».

«Пять долларов! - пораженный, воскликнул я. - Куда ты ее приглашаешь - в Чикаго?»

«Мы не должны забывать про вино, не так ли? - объяснил он терпеливо. - И, полагаю, про вишневый ликер под конец».

Я взглянул в бумажник. «Все, что у меня есть - это пять долларов». Он был лаконичен.

«Не бывает слишком большой цены, когда платишь, чтобы посмотреть, как работает мастер».

Как только она вышла из студии, в комнате словно стало светлее. Маллиган двинулся прямо за ней, как конвойный эсминец, сопровождающий свой транспорт.

«Крошка,- сказал он, взяв ее за руку,- ты и я сейчас отправимся в мир новых чудес».

Вдруг взгляд голубых, как яйца малиновки, глаз, обернулся холодным орлиным взором.

«Мы отправимся к лифту,- сказала она,- но только один из нас поедет вниз».

Я прошептал главному инженеру: «Ставлю семь к одному против». Маллиган, тем не менее, словно бы не чувствовал арктического холода. Он махнул мне рукой и сказал беспечно: «Билл, возьми мои две следующих передачи. Это божество и я отправляемся на завтрак через ворота рая». Он искусно маневрировал за ней к лифту. «Прежде чем мы спустимся в вестибюль,-сказал он ей,- я перечислю тебе многие причины, почему твоя жизнь начинается только лишь с этого дня».

Я открыл Маллигану кредит только по единственной причине - он был отважный маленький нищий. Казалось, он уже выиграл, потому что она сладко ему улыбалась.

«Вы не будете против, если я предложу кое-что, что, мне кажется, будет весьма удобным».

Он поклонился и подмигнул нам, как человек, выполнивший свою миссию. «Назови, что хочешь, Прекрасные Локоны, и все будет исполнено».

«Ты берешь его программы,- сказала она, показав на меня,- а мы пошлем тебе замечательную телеграмму из Гонолулу».

Когда закрывались двери лифта, я увидел оскорбленный взгляд Маллигана, взгляд, который недвусмысленно говорил: «Она предпочла пиво, хотя могла выбрать шерри». Я понимал, что она воспользовалась мной, чтобы отделаться от Маллигана, но, если бы у меня было время вернуть мои пять долларов, я мог бы на них пригласить ее позавтракать. Я извинился за Джо.

«В его карбюраторе богатая смесь,- сказал я,- в его характере есть хорошая черта, если...»

Она засмеялась. «Вы очень голодны?»

«По правде сказать,- признался я,- да, но я не могу купить вам даже зубочистку для маринованной селедки». «Мы можем платить каждый за себя».

Во мне был маленький Маллиган, и я усмехнулся. «Пусть - за себя».
Это был самый удивительный завтрак, который мне приходилось когда-нибудь есть. Совершенно не помню, какая была еда, но ее голос звучал как виолончель Пабло Казальса.

Ее звали Маргарет. Ей нравилась труба Армстронга, пакетботы Зеленого Залива и неострый мясной соус у Джона Чили.

К счастью, Луи Армстронг должен был приехать на однодневные гастроли в следующую субботу, а я должен был вести передачу. Она согласилась пойти со мной. Я объяснил, что уже несколько лет не танцевал, и что, может быть, мы лучше подготовимся к субботе, если будем вместе ужинать и танцевать три следующих вечера.

Я следил за выражением глаз и видел: Северную Атлантику, Неаполитанский залив, наконец, голубизну яиц малиновки! Со вздохом облегчения я допил свой кофе.

Когда я возвратился на студию, парни меня ждали. Маллиган подготовил их к рассказу о неудаче.

«Ну?» - спросил он. Я улыбнулся.

«Убери этот глупый оскал со своего лица,- сказал Джо,- и расскажи нам, что было».

Я начал голосом, которым я всегда представлял старую сладкую дирижерскую палочку - Гая Ломбардо: «Есть девушки, которыми вы увлекаетесь. Есть...» «Это неважно,- прервал Маллиган. - Как ты заплатил за завтрак?"

«Она платила,- сказал я им, стряхивая пепел моей сигареты на башмаки Маллигана. Я потребовал свои пять долларов и ушел делать спортивную программу, мурлыча «Лишь Жиголо».

Я зашел за Маргарет в субботу и прежде всего заметил, что она сняла свое бриллиантовое обручальное кольцо. Когда мы танцевали после передачи, я подумал, как подходят к случаю завораживающие слова, которые пела труба Сатчмо:

Марджи! Я весь в думах о тебе, Марджи. Это было правдой уже три дня и три ночи. Я всем расскажу, что люблю тебя.

Не забудь, что ты мне обещала.
Я дом купил и кольцо, и все остальное...

Стоп, повеса, предостерег я себя. Ты отец трехлетнего сына и пятилетнего сына. Хорошо строить воздушные замки, но не жить в них.

Во время последнего вальса она сказала: «Я кое-что хочу тебе сказать. Это может тебя удивить».

Удивить меня! Подожди, пока я выложу новости о моем семейном положении. Я знал, что ей не сказать ничего такого, что бы перевесило это.

Она мне улыбнулась. «Ты интересуешься религией?» Я чуть не выронил ее. Она все-таки меня удивила. «Только не эту минуту,- сказал я откровенно.

«Ты заинтересуешься, когда услышишь, в чем дело,- сказала она весело. Я выразил сомнение.

«Я знаю, что в тот момент, когда ты смотрел на меня через окно студии, между нами возникло что-то важное. С тех пор я все хотела тебе это сказать. Поедем куда-нибудь и поговорим об этом».

Мы поехали на пляж. Некто подготовил великолепные декорации для этой сцены: полная луна, мягкий песок и ласковые волны. Мы оставили радио в машине включенным. Это был Хэл Кэмп в отеле Дрейка, и Скинни Иннис выводил тремоло в «Ночи и дне» так, как только он это умеет. Я взял руку Маргарет и как бы невзначай поинтересовался: «Что случилось с твоим бриллиантовым кольцом?»

«О, это! - сказала она с легким смехом. И это было все, что она сказала об этом - вплоть до сегодняшнего дня.

Я часто думал, кто был этот бедняга, и втыкал ли он булавки в тряпичную куклу, похожую на меня. Я решил, что был недостаточно честен, и что она может захотеть вернуть кольцо на место, когда все узнает, поэтому сказал прямо: «У меня двое сыновей».

Я ожидал, что лава извергнется из Везувия. Но извержения не было - было значительно холоднее.

«Но жены нет,- добавил я быстро.

«Мальчики - это прекрасно,- сказала она. - Я всегда хотела иметь пятерых».

Я подумал, что, вот бы ее пятеро включали двух моих. Это было приятная мысль. Постепенно я успокоился и рассказал ей все о дедушке, Миннесоте и своем видении. Она была очень удивлена.

«Как странно! - сказала она. - Это было примерно в то время, когда он был в Миннеаполисе».

«Кто?»

«Абдул-Баха».

«Кто?»

«Сын Бахауллы».

«О! - сказал я, совершенно озадаченный,- это все объясняет. Ничто не может внести такую кристальную ясность, как откровенный ответ». «Извини,- сказала она, смеясь. - Бахаулла был основателем Веры Бахаи». «Имя звучит по-восточному».

Она расмеялась. «Конечно. А как, ты думаешь, звучало имя Иисус Христос для римлян? Как Джон Смит?"

Еще пять минут назад я элегантно подводил разговор к теме любви и брака, а теперь неожиданно оказался в середине Нового Завета.

Я сказал себе: «Осторожнее. Эта Далила может остричь тебя».

Я прервал разговор, подняв ее с песка.

«Я, пожалуй, пойду домой,- резко сказал я. - У меня рано передача».

«Конечно». - Ее глаза глядели еще дружелюбно, но с обидой.

Мы оба молчали, пока автомобиль скользил вдоль Лэйкшор-Драйв.

Как я мог объяснить, не оскорбив ее чувств, что единственная тема, которую мне никак не хотелось обсуждать в эти дни, это религия.

Я говорил об этом нетерпеливо и с энтузиазмом многие годы со всеми подряд, но встречал только все более прохладный прием, и, наконец, счел весьма разумным компромисс, который позволил нам с дедом воссоединиться так много лет назад: «Вы можете говорить о Боге, но не трогайте церкви».

Я внимательно изучал каждую религию, секту, культ и верование, какие только смог обнаружить на Востоке и на Западе. Сначала я надеялся обнаружить где-нибудь нечто, что выведет меня на тот удивительный образ из моего сна, или, по крайней мере, объяснит его значение. Искал я напрасно, со все убывающим интересом, пока, в конце концов, не был сыт религией по горло. И я бросил это.

Три года я никому не говорил о своем видении. Сегодня вечером - впервые, и рассказал я об этом Маргарет только потому, что хотел, чтобы она знала обо мне все, прежде чем я предложу ей выйти за меня замуж.

Ночь отражала мое настроение. Луна исчезла, спрятавшись за темными тучами. Вскоре начался дождь. Я включил «дворники». Они монотонно ширкали взад и вперед, и в такт им, я мысленно говорил:

«Проклятье!"

Я зажег сигарету. Неожиданно в моей памяти вспыхнули слова деда, произнесенные им в день, когда он привел доктора, чтобы тот в первый раз взглянул на меня. Я все рвался

поиграть с Джимми Миддлтоном, несмотря на то, что он болел свинкой. Дед сказал: «Нет». Я прокрался через заднюю дверь к Миддлтонам, и был выставлен из дома. Я приставил лестницу к стене и влез в спальню Джимми. Мы сыграли три партии в шашки. Он проиграл, но наверстал свое впоследствии. Вскоре мои щеки надулись, как главный парус галеона. Когда дед привел в мою комнату доктора, он сказал: «Я хочу, чтобы ты познакомился с моим свиноголовым внуком».

Неужели и теперь я был свиноголовым? Тут я ничего не мог поделать. Я оставил машину у подъезда Маргарет.

«Прости,- сказал я.

«Ничего. Ты можешь взять до утра машину».

«Нет, спасибо,- сказал я сдержанно. - Я люблю гулять под дождем». «Я дам тебе плащ».

«Не беспокойся».

«Подожди здесь,- настаивала она. - Пожалуйста». Она быстро взбежала по ступенькам. Вернулась она без плаща, но в руки мне сунула книгу. «Прочти это,- сказала она мне. - Мне кажется, ты найдешь здесь кое-что, что крепко удивит тебя».

Несмотря на мою холодность, она держалась, как ни в чем не бывало. Ее глаза были теплы и светились каким-то внутренним счастьем.

Она выглядела так соблазнительно, что я забыл про свое настроение и наклонился, чтобы поцеловать ее.

«Не сегодня,- сказала она. - Я слишком взволнована из-за того, что ты прочтешь эту книгу». Потом она наклонилась сама и, неожиданно поцеловав меня, побежала назад вверх по лестнице.

Этот незаслуженный поцелуй согревал меня по дороге домой, но он не мог сохранить меня сухим. Мое состояние отрешенности лучше всего передают мои слова, которые я произнес, когда обнаружил, что промок до нитки. Я вдруг остановился в дверях и сказал: «О Господи! Что я сделал с плащом, который она дала мне?"

Я бросил книгу на кровать и переоделся в пижаму. Я сделал сэндвич из маринованного, с укропом, огурчика и французской булки, и чашку крепкого черного кофе. Когда я залезал в кровать, книга упала на пол. Я было о ней совсем забыл. Я поднял ее и начал листать. Это был текст публичного выступления, которое дал Абдул-Баха во время своего визита в Америку из Святой Земли накануне Первой Мировой войны. На внутренней стороне форзаца было посвящение Бахаулле от Льва Толстого, который писал: «Весь мир ищет решение своих проблем. Здесь, в Акке, есть Узник, Бахаулла, у которого имеется ключ».

«Ладно,- сказал я скептически сам себе,- посмотрим».

Я начал читать. Примерно в два часа я понял, почему Маргарет так разволновалась, когда я упомянул о своем детском видении. Меня словно пронзило током, когда перевернув одну из страниц, я увидел дату: 20 сентября, 1912 год.

Это были те самые день и год моего первого видения!

Абдул-Баха выступал в Миннеаполисе, штат Миннесота, в тот день.

Он выступал совсем недалеко от маленького городка, в котором я жил я увидел видение.

Я читал слова, сказанные им, очень внимательно. Было в них что-то смутно знакомое.

Он призывал человечество искать истину самостоятельно и не идти по стопам тех, кто принимает все вслепую.

Я закрыл глаза и увидел нашу старую комнату с зелеными вельветовыми шторами, выцветшими обоями и потертым диваном. Отец отложил свою утреннюю газету, подхватил меня и усадил верхом себе на ногу. Я играл в лошадки, и он мчал меня в Банберри-Кросс.

«Человек приходил в эту ночь,- сказал я ему. Отец засмеялся. «Кто приходил?»

«Человек».

«Что за человек?»

«В моем сне».

Я был ссажен, не доехав до Банберри-Кросс. Отец был расстроен. «Этель! - позвал он. - Он опять про это».

Мать торопливо вошла. «Что тебе не нравится?»

Отец уже надевал свой пиджак. «Он снова видел во сне этого сияющего человека».

Мать бережно подхватила меня и поцеловала. «Конечно, он видел». Она нежно прижала меня к себе.

«Нас всех посещают скверные сны». «Это был хороший сон,- сказал я ей. «Как выглядел человек?» - спросила она. «Я не знаю».

«Что он говорил?»

«Он сказал: «Не следуй по их стопам».

Мать отпустила меня. Отец обернулся в дверях.

«Слава Богу, я работаю в шахте и не прихожу, пока совсем не стемнеет». На следующее утро отец брился, когда я вошел в ванную.

«Как меня зовут?» - спросил я его.

Мы раньше часто играли в эту игру. «Тебя зовут,- сказал он,- Уильям Бернارد Патрик Майкл Теренс Сирз».

«Тогда почему он назвал меня Петром?» «Кто?»

«Человек».

«Что за человек?»

«Человек, который приходил ко мне во сне». Отец порезал бритвой подбородок.

«Этель!»

Мать возникла словно ниоткуда. Она была очень терпелива со мной. «Ты уверен, что он назвал тебя Петром, дорогой?»

Я кивнул. «Он сказал: Рыбачь, как Петр».

В это утро отец ушел на работу с лицом, выбритым наполовину. Он велел матери отвести меня к доктору до его возвращения домой.

Я отложил книгу Маргарет, поднялся и сделал себе чашку кофе. Потом снова начал читать. Позже в этот же день Абдул-Баха выступал в Сент-Поле, по другую сторону реки. Он призывал человечество быть как «рыбак Петр» в их неколебимой вере и энергично вылавливать души людские.

Будь как Петр!

Я положил книгу. Сна не было ни в одном глазу.

Г Л А В А 16. ДОБРОДЕТЕЛЬНЫЕ СКРЯГИ, ЩЕДРЫЕ КЛЕВЕТНИКИ И ДРУЖЕЛЮБНЫЕ ВОРЫ

Утром первым делом я попытался дозвониться до Маргарет, но она не отвечала. Я знал, что она ежедневно слушает мою утреннюю передачу, поэтому попробовал передать сообщение с помощью музыки.

Я исполнил:

1. Марджи
2. Все любят мою Маргарет
3. Маргарет, моя Маргарет
4. Прости меня
5. Прости меня, я заставил тебя плакать

Плакать я ее не заставлял, я заставлял ее смеяться, но я знал, что она поймет мои извинения, если услышит. Около десяти часов я получил телеграмму:

«Прощаю. Надеюсь, тебе понравилась книга. Люблю. М».

Я тотчас же позвонил ей. Ответа не было. В полдень я выехал. Я хотел взять другую книгу и извиниться лично. Ее соседка по комнате отворила дверь, когда я постучался в квартиру.

«Маргарет нет,- сказала она. «Где же она?»

«Она уехала в школу Бахаи». «А где эта школа?» «Которая именно?»

«О, Господи, а сколько же их?»

«Одна в штате Мэн, одна в Мичигане, одна в Колорадо и еще одна в Калифорнии».

«В какую же отправилась она?»

«Я не знаю».

Я уверен, что она знала, но получила специальное задание держать меня в неопределенности. Я это заслуживал, потому и не стал настаивать. Она предложила мне чашку чая и сказала, что Маргарет должна возвратиться через месяц. Наше получасовое

общение открыло мне глаза. Месяц назад я был ведущим на церемонии университетского банкета для ученых, исследовавших первый подводный взрыв атомной бомбы на атолле Бикини. Один из них так ответил на мой вопрос об относительности: «Видите этого весьма лысого доктора на том конце стола?» «Да».

«Вы согласны, что волос у него совсем немного, не так ли?» «В самом деле, совсем мало».

«Но если вы найдете пяток волос в этом супе, вы скажете: В этом супе чертовски много волос. Верно? Это и есть относительность».

Двадцать четыре часа назад я и не слышал о бахаи. Теперь я узнал, что бахаи есть в каждой стране, на каждом острове, и школы их - повсюду. Соседка Маргарет протянула мне книгу. На ее личике было очень забавное выражение. «Маргарет оставила это для вас. Она сказала, что вы за ней зайдете».

Маленькая чертовка!

«А как вы догадались, что это именно я?» - поинтересовался я. Ее соседка улыбнулась.

«О, вы не слишком высокий, не слишком темноволосый, не слишком красивый - но вы в порядке».

Когда она открыла дверь, чтобы выпустить меня, она сказала: «Чем вы на самом деле интересуетесь - книгой или голубыми, как яйца малиновки, глазами?»

Я покраснел. Она засмеялась. «Без глаз тут не обошлось».

Я ответил честно. «Сначала на сто процентов это были яйца малиновки, но теперь и то, и другое поровну».

Я прочитал книгу в ту ночь. На следующий день за завтраком я стал обсуждать ее с Маллиганом. Он сказал:

«Прошу тебя! Не за едой».

Ни от кого из друзей я не получал ощутимой поддержки. «Мне кажется, ты говорил, что сыт религией по горло?»

«Не религией,- ответил я,- а тем, во что превратили религию».

«Напиши мне точный отчет, но не торопись. Я собрался на гольф, а не на исповедь.

Передай мне клюшку номер девять».

Я передал ему номер семь, и он промахнулся. Так ему и надо.

Один из самых близких мне друзей («для твоего же блага, Билл») сказал мне доверительно: «Забудь это. У тебя хорошая работа и пара чудесных ребяташек. Чего ты еще хочешь? Зачем ты впутываешься в это?» «Что ты там нашел, Билл? Это бессмысленно».

Я решил взять быка за рога. Я пригласил к обеду лицо, хорошо известное в церковных кругах. Когда мы закурили сигары, я попросил его откровенно сказать мне, что он знает о Вере Бахаи. Мне было совершенно ясно, что все его сведения об этом можно уложить в конверт и за два цента отослать в Сингапур, но атмосфера сделалась такой же

прохладной, как вино. Он не только пренебрежительно отозвался о ней, но еще и посмотрел на меня с таким сожалением, будто подозревал, что у меня съехал чердак. Вдруг я опять сделался маленьким мальчиком, прыгающим босиком по пыльной дороге, печатающим следы «динозавра», ведущие к дедушкиному амбару. Я решил, получив жалованье, слетать к старику и потолковать с ним.

Я вошел в амбар и уселся на ящик с овсом. Дед как раз кормил старого толстого Принца. Он отлично меня видел, но не промолвил ни слова. Будто я никогда не покидал этого дома. Наконец, он оглянулся.

«Не сиди, как индеец в сигарной лавке,- сказал он,- лошади должны быть накормлены». Я зачерпнул меру зерна и отнес в стойло Бьюти. Она узнала меня и позволила погладить по носу. После того, как мы накормили, напоили и устроили на ночлег лошадей, мы снова уселись на ящик с овсом. Мы молча сидели некоторое время, покуда дед проделывал новое отверстие в поводе для Бьюти.

«Ну, выкладывай,- сказал он.

Я рассказал ему всю историю. Когда я закончил на том, какой холодный прием ждал меня от моего собрата по церкви, он начал посмеиваться. «Никогда не справишвай у Нимрода об Аврааме,- сказал он,- у фараона о Моисее, у фарисеев о Христе, и у щенков молокососов о старых друзьях». Дед очень заинтересовался Бахауллой. Он хотел узнать о Нем поподробнее. Я рассказал ему то небольшое, что знал: что Вера Бахаи возникла в Персии в 1844 году, и что Бахаулла, видимо, азиат.

Дед опустил на нос свои очки и холодно взглянул на меня.

«Я, кажется, замечаю, что ты с пренебрежением задираешь свой западный нос? -спросил он. - А кем же, по-твоему, был Христос, американским индейцем?"

Между дедушкой и Маргарет было много общего.

«Персия - мусульманская страна,- сказал я. - Мне кажется, именно поэтому все шарахаются от меня, стоит мне заговорить. Они полагают, что это какая-то мусульманская секта».

«Я весь дрожу от страха,- ответил дед, пробуя пряжку на новом отверстии повода. Пока он подгонял недоуздок на Бьюти, он все мне растолковал. «Будда был индийским принцем, но столетиями Его вера называлась сектой индуизма, потому что он вырос в Индустане. Христос был евреем, и в течение столетий люди думали о Его учении, как о секте иудаизма. - Он вернулся на ларь с овсом. - А известно ли тебе, что первые пятнадцать епископов христианской церкви были обрезанными евреями?"

«Ты очень много читаешь,- сказал я ему.

«Это помогает мне не считать чудным чье-то имя только потому, что оно ново для меня,- сказал он.

По временам он делался весьма разъяренным старым джентельменом, но у него всегда была благая цель. Он любил наносить уколы в то, что он называл людскими «пузырями самодовольства».

«Был парень по имени Тацит,- сказал дед,- историк, мне рассказывали. Он в высшей степени одобрял императора Нерона за подавление секты иудеев, сторонников культа Назарянина. Несомненно, Рим приветствовал бы религию, лидер которой носил бы имя Маркус, Люциус или Кайюс - но Иисус из Назарета? Азиатский вздор!"

«Ты считаешь, что Бахаулла может быть прав?"

«Откуда мне знать? - фыркнул дед. - Хотелось бы побольше разузнать об этом. Но я скажу тебе одну вещь,- я бы не отказывался от этого только потому, что мои друзья не сочли это истиной. - Он снова начал посмеиваться, и я приготовился слушать еще одну историю. - У меня когда-то был друг», начал он, в Айове. Он хотел основать новую газету. Беда была в том, что все читали «Трибуну». Уже много лет. Он решил действовать, несмотря ни на что. Он назвал свою газету «Истина». Ко дню, когда выходила его газета, он тщательно инструктировал всех своих продавцов. Когда кто-нибудь спрашивал вечернюю газету, продавец интересовался:«Что вы хотите? «Истину» или «Трибуну»? Единственным способом узнать истину было - взять и прочитать. И я предлагаю тебе сделать что-нибудь вроде этого».

«Неважно, сколь популярную?"

«Чего ты хочешь? «Истину» или «Трибуну»?" «Я работаю в шоу-бизнесе».

«Свет, который мы видим ночью от Северной Звезды, покинул ее двадцать шесть миллионов световых лет назад. Сколько лет ты в шоу-бизнесе?» - проворчал дед.

«Ну хорошо,- сказал я ему. - Оставь меня в покое».

Он по- настоящему вскипел. «Мир создавался не теми, кто был популярен. Шуберт получил около шести сотен долларов за все, что он сделал в жизни, потому что считалось, что он писал «звонкие мотивчики».

Гарвей был изгнан из медицины теми, кто возражал против его утверждения, что в нашем теле есть насос, гоняющий кровь по сосудам. Пастер почти бежал из Франции, когда имел смелость заявить, что обнаружил под своим микроскопом маленьких «животных», которые делают людей больными. Эдисона называли тупогловым за то, что он собирался заключить свет в бутылку. Линкольн был застрелен в Фордовском театре, когда он сказал, что народ не может быть наполовину в рабстве, а наполовину свободен. Джордано Бруно был сожжен..."

«Ладно! - воскликнул я. - Я понял твою мысль».

Лошади забеспокоились, Бьюти ударила в пол копытом и громко заржала. Дед поднялся и пошел в дом.

«Я оставляю тебя обсудить это с Бьюти,- сказал он. - Может быть, она научит тебя немного лошадиному разуму».

После того, как он ушел, я встал и похлопал Бьюти по крупу.

«Дед-самоучка - это ужасная штука, Бьюти,- сказал я ей. - Она снова ударила копытом в пол. - Если его очки не направлены внутрь ящика с овсом, они погружены в Плутарха на глубину многих веков».

Бьюти была согласна. Или, может быть, это просто я напомнил ей о ящике с овсом. Во всяком случае, она снова заржала, и я нарушил правила и сыпанул ей лишнюю меру зерна.

После обеда дед принес карты и доску для игры в крибедж. Я чувствовал, что у него есть что-то на уме, что он хочет высказать, прежде чем мы начнем играть.

«Выкладывай,- сказал я ему.

«Не хотел бы, чтобы это звучало чересчур напыщенно - то, что я сказал в амбаре,- сказал он. - Но правда такова сынок, что я и сам как будто прирос к этим твоим мечтам. Как будто они отчасти мои. Видимо, я старею и хочу как-то продлить молодость. Мое кровообращение медленнее государственного правосудия». Он разжал и сжал правую ладонь. «В этой руке нет настоящей крови со времен правительства Тафта».

Он наклонился и оцарапал меня бакенбардом.

«Беда с твоим старым дедом,- сказал он,- все смотрит, как другие птицы улетают на юг, и сам хочет улететь, да не может. Нет у него для этого крыльев. Я, точно старый петух, сидящий на заборе и наблюдающий, как другие пролетают у него над головой. Я пытаюсь присоединиться к ним, но, как ни машу крыльями, все равно лишь падаю на землю. Поэтому я пытаюсь возместить разговорами свою неспособность летать. Сдавай карты».

Через три часа он сказал: «Пятнадцать два, пятнадцать четыре, пятнадцать шесть, ход восьмеркой - это будет четырнадцать, а у его милости - пятнадцать, и я вышел».

Я вздохнул. «Для человека с такими высокими идеалами ты удивительно замечательно мошенничаешь, играя в крибедж».

Он засмеялся. «Не будь фанатиком,- сказал он. - Мы все - странная смесь хорошего и плохого, сынок. Щедрые клеветники, добродетельные скряги, дружелюбные воры».

«И увертливые философы,- добавил я.

Он сменил тему. «Помнишь ту хорошенькую девочку по соседству, из-за которой ты терял голову? Марджи Келли?»

Я кивнул.

«Она спрашивала о тебе на той неделе».

«Как она сейчас?»

«У нее золотое сердце, но оно скрыто в целой горе плоти. Она массивнее, чем круп Бьюти и безобразна, как новорожденный теленок, но, я так понимаю, она удивительно готовит».

«У меня теперь другие интересы».

«Так я пошел,- сказал он и захромал к постели. - Он тихо напевал себе под нос: «Марджи! Я весь в думах о тебе, Марджи».
Новости распространяются быстро.

Г Л А В А 17. ДЮЖИНА БУТОНОВ КРАСНОЙ РОЗЫ ПРОТИВ ИМУЩЕСТВЕННОГО ПРАВА

Прошел месяц, а Маргарет все еще не звонила мне. Мое сердце подсказало, что она вернулась, даже раньше, чем это сделали мои шпионы. Каждый из нас знал, что другой ждет звонка. Это было то, что в романтических кругах известно, как «холодная война». Это греховное расточительство лунного света и танцевальной музыки, но таковы ее правила. Оба сидят у телефона, ожидая, что другой первым подаст сигнал о капитуляции. Каждый заходит настолько далеко, что поднимает телефонную трубку и начинает набирать номер, но потом внезапно бросает трубку, не дожидаясь соединения. Это эффективная техника, если ее применять с умом, но если довести ее до крайности, может случиться так, что в воскресной газете вы прочтете о помолвке вашей девушки с кем-то другим.

Я на самом деле хотел побольше услышать о Вере Бахаи, равно как и увидеть Маргарет. Я чувствовал, что она тоже хочет увидеть меня, но, возможно, не желает, чтобы я думал, будто она навязывает мне свой интерес к Вере. Я раздумывал над этим однажды за завтраком, когда она вошла к Луиджи с молодым человеком, который был так высок, так темноволос и так красив, как только могла желать ее соседка по комнате.

Я не хотел видеть, как она томится среди чужих людей, и собирался встать и присоединиться к ним, когда заметил, что у Маргарет опять бриллиантовое обручальное кольцо. Таким образом, это был ее парень. Даже издали серый костюм на нем выглядел на двести пятьдесят долларов, а бриллиантовое кольцо было похоже на фару автомобиля губернатора Санта-Фе. Я понимал, что будет нелегко, но все же я слышал призыв к битве. Мои ирландские предки, которые обратили в бегство захватчиков (или сдались им?), взывали ко мне из древних торфяных болот.

Маргарет оглядела комнату, и ее глаза встретились с моими. Они задержались на мгновение, а потом скользнули мимо, как будто мое лицо было иллюминатором, а она смотрела сквозь него на Бискайский залив. Я почти слышал шепот Маллигана: «Двадцать против одного».

Теперь нужно было вести романтическую войну с применением или денег, или фантазии. Предпочтительнее было бы использовать и то, и другое, но, так как я был в то время всего лишь человеком «букета нарциссов», мне пришлось выработать стратегию. Я посылал Маргарет бутон красной розы каждое утро на протяжении одиннадцати дней. Общая стоимость их была ниже, чем цена дюжины роз, но общий эффект был как от поля орхидей. С каждой розой я посылал сообщение из единственного слова. По истечении одиннадцати дней послание приобрело смысл: «я-хочу-встретить-тебя-в-следующую-пятницу-чтобы-позавтракать-у-Луиджи».

Я позаимствовал маллигановы брюки, вертрамову спортивную куртку, шелковый галстук Лена Льюиса от Карсона-Пири-Скотта, но надел свои туфли и прочие мелочи.

Маллиган предложил мне придти с опозданием на полчаса и обставить свой выход, но я боялся, что она может не придти вообще, поэтому ждал на кухне. Луиджи приглядывал за столиком на двоих в углу. Он вошел на кухню, захватил поднос с коктейлями и одарил меня улыбкой, которая выглядела так, будто кто-то переместил качалку от кресла-качалки в уголки его рта. «Она здесь!» - прошептал он. Я проскользнул на стул напротив Маргарет и вручил ей красную розу. «Теперь дюжина,- сказал я.

Она положила ее рядом с тарелкой. «Я скучала по тебе». «Я видел, как ты изводилась две недели назад за ленчем».

Она одарила меня улыбкой новогодней елки. «Я тебя тоже видела». Я заметил, что она не надела бриллианта.

«Твое кольцо не носится из-за того, что ты то надеваешь, то снимаешь его?"
«Я возвратила кольцо в тот день за завтраком. Вот почему он был в городе».
Пока мы ели, она сказала мне, что не звонила, потому что хотела быть свободной от всех обязательств, прежде чем мы встретимся снова и продолжим там, где остановились. Она наклонилась ко мне через стол и взяла за руку.

«Я нарочно проигнорировала тебя в тот день, так как подумала, что будет некрасиво выставлять тебя напоказ перед ним».

Какой только смысл не вкладывают ангелы в слова. «Напоказ» всегда было

для меня вполне обыденным - как на витрине. Теперь же это неожиданно наполнилось нежной красотой соло валторны в Пятой симфонии Чайковского. Я зажег сигарету, дважды уронив ее перед этим, и сказал небрежно: «Луиджи, принеси мне запеченную телятину».

«Ты только что ел ее,- сказал он.

В тот же день я нанял специального посыльного Западного Отделения и заплатил ему доллар сверх за доставку личного послания. Он должен был спеть: «Марджи! Я весь в думах о тебе, Марджи. Подпись: Билл».

Когда я пришел домой с работы, в моем почтовом ящике была посылка. Это оказалась книга под названием «Бахаулла и новая Эра». Я начал читать после обеда и не прерывался, пока не услышал, что молочник принес мне сливки для кофе.

Я как раз направлялся на работу, когда в аллее возник рассыльный из Западного Отделения, которого я отправил к Маргарет. Он остановился передо мной.

«Сирз?" «Да».

Он начал петь голосом, который в истории получил название «четвертого тенора» - высоким и отвратительным.

«О, Джонни! О, Джонни! Как ты влюблен.
О, Джонни! О, Джонни! Над нами небосклон...»

И так далее до устрашающего конца. Моя хозяйка распахнула окно и выглянула наружу. Она ничего не сказала, но я могу спорить, что ей хотелось спросить расслышанного: «Он сделал тебе больно?"

«Что это за фантазия?» - спросил я.
«Подписано: Маргарет,- сказал он. - Распишитесь здесь».
Я позвонил ей с работы. «Что это за мысль - с поющей телеграммой? - спросил я.

«Я просто хотела ответить тебе в том же духе». Она положила трубку раньше меня.

Позднее я выяснил, что мой посыльный не знал мелодии и слов «Марджи», и поэтому спел «В дуновении легкого бриза будто слышится имя - Луиза». Я пробормотал про себя, возвращаясь к спортивной программе: «Наша неповторимость не в наших слабостях, а том, что есть в нас лучшего».

В пятницу я был свободен и позвонил Маргарет. Ответила ее соседка.
«Могу я поговорить с Маргарет?"
«Конечно,- сказала она,- но это будет стоить вам пять долларов». «Почему?"

«Она в штате Мэн ведет курс в Летней школе».
«Это будет стоить мне два доллара,- сказал я ей.

«Вряд ли, насколько я вас обоих знаю».
«Когда она возвращается?"
«Через месяц».
«Она не сказала, что уезжает, когда мы разговаривали вчера утром». «Она как раз собирала вещи, сразу после музыкальной серенады и апельсинового сока. Вы не должны были путать ваши телеграммы, недостаточно-высокий, недостаточно-темноволосый, недостаточно-красивый». «Это была ошибка».

«Еще бы! Пока, Луиза!"

Течение истинной любви не бывает гладким, если оно вовсе не застывает. Я прождал месяц и в первый вечер, когда Маргарет вернулась в город, пригласил ее пообедать у Луиджи. Она появилась, одетая в голубое с золотом платье китайского шелка и жакет, в

тон платью. Она выглядела, как все бесценные сокровища династии Мин. Я представил ей веснушчатого паренька за нашим столиком.

«Это Рыжий Филлипс,- сказал я ей.

Рыжий встал и запел «Марджи».

«Он туг на ухо,- сказал я ей,- и я потратил три дня, чтобы научить его». Рыжий извинился. «Простите, мэм, но я не знал «Марджи», поэтому спел «Луизу». Если бы кто-нибудь только сказал...» «Все в порядке,- сказала она.

«Убирайся, - сказал я Рыжему,- я бы дал тебе доллар, если бы ты уже не вытянул из меня столько».

Маргарет дала ему три . По одному за каждого из нас и один за обещание отказаться от карьеры певца.

Я приколол букет к ее плечу. Он обошелся мне дороже обеда. Потом мы поехали на смотровую площадку. Там есть место с видом на озеро, которое молодые влюбленные называют «Пункт «Возврата нет». Широко известно, что если ты берешь свою девушку в это необычное место, то дело очень серьезное. Мы оба знали это.

Была одна из тех ночей, когда смотришь на небеса, звезды и луну и говоришь: «Этого не может быть!» Луна была близкая, круглая, оранжевая, толстая и счастливая. Все-таки мне понадобилось два часа, чтобы добраться до сути дела. Общались мы главным образом тихими вздохами. Я был как луна. Чем дольше я ждал, тем меньше и бледнее становился. Я понимал теперь, что она точно знала, что происходит. У каждой женщины есть встроенный радар, который позволяет обнаруживать легкую тень интереса и защищает от нежелательного. Она выглядела мучительно прекрасной, но казалась далекой, как Марс, который сиял своим красным ликом сквозь ветровое стекло. Каждый раз, когда я был готов спустить корабль на воду, она начинала беспечно болтать о туфельках, юбках, свитерах, перчатках, платьях, шляпках и сумочках. Внезапно я выбросил приготовленную речь в окошко и выключил радио.

«Я хочу кое-что сказать, что может поразить тебя,- сообщил я.

Маргарет посмотрела на меня с мягкой улыбкой. «Да, дорогой,- сказала она. Годы научили м еня, что значит эта улыбка: «Ты-бедняжка-я-думаю-тебе-никогда-не-видать-меня».

«Мне предложили работу в Солт-Лейк-Сити. Я не хочу уезжать и оставлять тебя здесь в волчьей пустыне, и, когда я накоплю достаточно денег, чтобы купить обручальное кольцо, я буду просить тебя выйти за меня замуж. Конечно, я куплю тебе и кольцо невесты. Позже. Может быть, не такое большое, как тот «высокий-темноволосый-и-красивый» маяк, но что-нибудь достаточно изящное. Я откинулся в кресле, набил трубку и зажег ее. «Между прочим,- добавил я, зажигая спичку,- оказывается, я тебя очень сильно люблю».

Наступила долгая тишина. Это было очень удивительно. Под конец стало совсем ужасно. Затем Маргарет достала что-то из своего кошелька и надела на палец. Это было простенькое, но симпатичное кольцо.

«Я купила его сама,- сказала она,- на прошлой неделе в Бостоне». Она зажгла сигарету и добавила небрежно: «Между прочим, я тоже, оказывается, люблю тебя очень сильно».

Мы принялись хохотать и целоваться - и то и другое одновременно - что было вообще характерно для стиля нашей жизни. Это была опьяняющая смесь.

* * *

В ту ночь, когда закончился наш медовый месяц, у меня было яркое сновидение. Я проснулся и увидел склонившуюся надо мной Маргарет. «Что случилось?» - спросила она.

«Ничего».

«С кем ты разговаривал во сне?"

Я рассказал ей. «Это был тот самый чудесный образ, который приходил ко мне, когда я был мальчишкой, в Миннесоте. Я никогда не забуду его». Маргарет села на кровать рядом со мной.

«Я сидел на скале,- сказал я. - Зима как будто внезапно обрушилась на всю округу. Я взглянул на холм слева от меня,- этот прекрасный сияющий образ стремительно мчался с холма прямо ко мне. Он подъехал ко мне и, осыпав облаком снега, остановился на вираже. Затем он поманил меня пальцем. «Пойдем со мной,- сказал он.

Потом я тоже оказался на лыжах, и мы спускались по склону вместе.

Мы промчались по ложбине к широкому выступу и встали, глядя на долину внизу. И тотчас же зима кончилась, и воздух стал теплым и наполнился ароматом роз. Внизу, в долине, в сумерках поблескивал город. Это был город волшебного мерцающих огней. Далеко справа было видно, как луна отражается в большом серебряном озере.

Мой чудесный спутник показал вниз на город. Он улыбнулся мне и сказал: «Вот город». Потом он исчез, а я проснулся и увидел, что ты смотришь на меня.

«Где был тот город? - спросила Маргарет. - Ты узнал его?"

«Нет. Я никогда не видел его прежде. Но я узнаю его, если увижу снова». Одно я знал: где бы ни был тот город, я буду искать, пока не найду его. Я был уверен, что в том городе мне откроется смысл моего видения, и что-то прекрасное случится со мной. Я чувствовал, что внутри весь горю.

«Твое лицо светится, как двухсотваттная лампочка,- сказала мне Маргарет.
«Постоянного или переменного тока?» - спросил я.

«Я не могу сказать,- ответила она,- пока не дотронусь». Она поцеловала очень счастливого мужчину.

Г Л А В А 18. «О-О-О-О-О!» ПОКУПКИ, ИЛИ КАК СТАТЬ МИЛЛИОНЕРОМ
«Чего мне больше всего не хватает с тех пор, как мы поженились,- сказала мне однажды утром за завтраком Маргарет,- так это покупок».

«Я думал, ты собираешься сказать - еды,- сказал я, отправляя в рот последнюю булочку с корицей.

Когда мы поженились, Маргарет сказала, что знала - я старомодный тип мужа, который не любит жить на средства жены. Она добавила, что, тем не менее, надеется, что в этом плане я не буду совсем уж архаичным. Я сказал ей принужденно, что постараюсь не быть.

«У меня их не так уж много,- сказала она. - Но, пожалуй, хватит, чтобы не допустить продажи нашего имущества с молотка».

Я поблагодарил ее за храбрую попытку стать счастливой на мое жалованье. «Я не стараюсь быть счастливой,- сказала она мне. - Я стараюсь не быть несчастной».

Я засмеялся. Вот тогда она и представила мне «О-о-о-о!» покупки.
Хороший «О-о-о-о!» покупатель идет в центр города, когда магазины уже закрыты. Во всех витринах еще горят огни, и ты можешь поглазеть на все красивые вещи и повосклицать «О-о-о-о!», но, к счастью, нельзя войти и все это купить. Маргарет могла любоваться своей «любимой» блузкой и восклицать О-о-о-о!", но мне это ничего не стоило. Она никогда не выражала недовольства, хотя мы ходили «О-о -о-о!» покупать регулярно. Однажды мы делали покупки в рабочее время. «Я хочу купить подарки мальчикам, - сказал я ей. - Я бы хотел оставить им несколько подарков, прежде чем мы распрощаемся и уедем на Запад». «Распрощаемся?"

«Да, я хотел бы навестить Майкла в больнице, а также убедиться, что у Билли все в порядке».

«Они поедут с нами,- сказала Маргарет.

«Насовсем?"

Она кивнула.

«Видишь ли,- объяснил я,- врачи не отпустят Майкла из больницы, а Билли - сущее наказание».

Маргарет была решительна. «Мы поедем всей семьей. Я стану матерью двух сыновей, и никто не сможет этому помешать. Вы были в разлуке уже слишком долго».

Я обнял ее. «Ты очень славная,- сказал я.

Она холодно посмотрела на меня. «А что ты представлял себе? Злую мачеху?" «Нет,- ответил я честно,- но я не представлял себе и Золушку. В конце концов, это - романтическая поездка».

«Они еще очень малы,- сказала она. - Им вряд ли вообще понадобится комната».

Должен сказать, что когда мы приехали в Милуоки, Маргарет нервничала. Она до ужаса боялась, что не понравится мальчикам. У Билли, пяти с половиной лет, были глаза цвета спелых оливок и темно-каштановые волосы, короткие, как ворс на ковре.

Я не мог посещать его слишком часто, пока он был мал. Когда его мать умерла, он стал жить с моими родителями. Когда умерла моя мать, он со своим дедом поселился у моей сестры Эллы. Отец и Билли были большими товарищами. Я был чужим для них. Когда я впервые появился дома после почти годового отсутствия, мы с ним весьма церемонно пожали друг другу руки.

«Это твой отец,- сказали ему. «Здравствуйте, сэр,- сказал он.

Я плакал в ту ночь. Я дал себе обещание приезжать чаще, даже если для этого мне придется занимать деньги. Теперь мы стали более близкими друзьями. Когда мы поднимались по ступенькам в квартиру, Маргарет сжала мою руку.

«Молись за меня,- сказала она.

Билли обнял меня радостно, просмотрел все подарки, которые мы принесли, а потом прошептал мне.

«Кто эта милая леди?"

Я сказал ему. «Это твоя новая мама».

Он посмотрел на Маргарет очень внимательно, с особым интересом. Потом он улыбнулся и сказал: «Порядок».

Втроем мы поехали в больницу, в Уоватоса, навестить Майкла. Ему было около четырех лет. У него были длинные волнистые, светлые волосы и фарфорово-голубые глаза. После долгой консультации врачи все же отказались разрешить ему покинуть больницу.

«Он не сможет получать необходимый уход на дому,- твердо сказали они. Маргарет была столь же уверена, что он не останется. «Он не сможет получать необходимой ему любви в больнице,- настаивала она. Это была настоящая битва. Я пытался успокоить ее, но она была непреклонна. Наконец, она взяла сумочку и собралась уходить. «Куда ты идешь?» - спросил я.

«Платить за проживание,- сказала она мне жестко. - Билли и я остаемся здесь с Майклом, а ты поедешь в Солт-Лейк-Сити один». «Не будь смешной».

«Я не собираюсь оставлять его здесь одного, когда его родители находятся в двух тысячах миль отсюда. Он не столько нуждается в медицинской помощи, сколько нуждается в доме и чувстве защищенности».

В дверях она заколебалась. «Они лишь врачи,- сказала она. - А ты отец. Если ты скажешь, что он покидает больницу, они не смогут остановить тебя».

Я посмотрел на врачей, потом на Маргарет, потом на Билли, который держался за ее руку изо всех сил. Я вздохнул.

«Он едет,- сказал я.

Я подписал необходимые документы, освобождающие врачей от ответственности, в то время как главный врач кудахтал осуждающе сквозь зубы, убежденный, что я обрек своего сына на верную смерть.

Майкл познакомился с Маргарет в автомобиле. Я сказал ему, кто она.

«У меня никогда не было матери,- сказал он весело, гудя автомобильным клаксоном. Он оглядел Маргарет очень внимательно, прежде чем просигналить во второй раз. Маргарет крепко его обняла. «Нет, была,- сказала она. - У тебя была замечательная мать. Ты просто был слишком мал, чтобы запомнить. Я буду стараться, чтобы быть хотя бы наполовину такой же хорошей».

Майкл, казалось, был весьма удовлетворен. Он сказал: «У некоторых ребят в больнице они толстые. Матери».

Маргарет засмеялась. «Ты огорчен?"

«Нет». - сказал он неуверенно и указал на ее прическу. - Твои волосы прямо как мои». Маргарет кивнула. «Твои глаза голубые - тоже как мои». Он казался довольным. Неожиданно он показал ей язык. Маргарет в ответ тоже показала ему язык. Майкл повернулся ко мне и прошептал доверительно на ухо: «Я думаю, она будет милой и доброй».

Потом гораздо более важный предмет привлек его внимание. Он возбужденно закричал: «Смотрите! Корова! Корова! Которая не в книжке! Это настоящая корова!"

Не думаю, чтобы мне приходилось еще хоть раз в жизни видеть , чтобы еще какая-то гольштейнская корова вызвала такую бурю восторгов, как это ленивое создание, пасущееся вдоль Каунти-Луп-Роуд под Уоватосой.

Мы вчетвером поехали в Миннесоту на «Форде В-8», который принадлежал Маргарет. Она решила, что на пути в Солт-Лейк-Сити, мы все должны повидать деда.

«Мы проедем Миннесоту, Южную Дакоту, Монтану и Вайоминг, - сказала она мальчишкам. - И вы увидите Старый гейзер в Йеллоустонском парке». «Я предпочел бы увидеть деда,- сказал Билли.

Майкл не согласился. «Я лучше погляжу гейзер». Пришлось их разнять.

Билли и Майкл отправились на две недели в Миннесоту. Дед водил их повсюду. Маргарет и старый джентльмен поладили, как два закадычных друга. «Что ты нашла такого в моем внуке?» - спросил он Маргарет, не обращая на меня внимания.

«Частицу вас,- сказала она.

Они везде ездили вместе в коляске. Он разрешал ей держать вожжи и даже пообещал, что она сможет оседлать Бьюти и покататься на ней, его радости и гордости, верхом.

Прежде чем мы покинули Миннесоту, у меня был долгий разговор с дедом. Мы сидели на том же старом ящике для овса. Он опять оцарапал меня бакенбардами, но только теперь мне пришлось для этого наклониться. «Твои письма становятся все реже и короче,- сказал он мне. Я извинился.

«Я не жалуясь,- сказал он. - Только я заметил, что ты начал писать крупными каракулями, чтобы побыстрее заполнить лист бумаги. Не пиши, покуда у тебя не появится, что сказать, сынок; между тобой и мной нет никаких других обязательств, кроме любви. И не надо делать этот искусственно».

«Знаешь, в чем дело,- сказал я ему. - Я был занят своей работой». «Может быть,- сказал он. - Я не заметил, чтобы в последнее время в твоих письмах слишком часто упоминалось о Боге. Ты и Он были довольно большими друзьями».

«По радио о Нем много не говорят,- пояснил я.

«Полагаю, нет».

«Но я все еще продолжаю искать разгадку своего видения».

«Нашего видения,- напомнил он мне. - Я первым получил здесь права на землю, я был первым, кто беседовал с тобой о Боге и выслушал тебя с сочувствием». Конечно, он был прав. Он дал мне тычка под ребра.- Не бросай это».

«Иногда все кажется недостижимым, но потом, когда я уже готов все бросить, что-то происходит, и видение становится ближе».

Дед очень огорчился. «Недостижимым!» - фыркнул он.

Волосы деда выглядели гораздо белее, чем когда я его видел последний раз. Иногда казалось, как будто он вообще не живет в собственном доме. Он видимо, понял, о чем я думаю.

«Да,- сказал он, оглядываясь,- старый амбар совсем развалился. Крыша течет, и ветер задувает снег и дождь в окна. Может быть, теперь придется перебираться в любой день. Надеяться на то, что все будет продолжаться вечно, нельзя, я так полагаю».

«Ты - будешь,- доверительно сказал я ему.

«Надеюсь, что нет, - сказал он. - Давно жду, когда они придут и заберут меня. Должно быть, адская путаница у них там наверху в документах. Все, кого я знал, ушли уже давно, и большинство их сыновей - тоже. Да ведь я старше, чем ратуша!"

«Из-за тебя я чувствую себя молодым, дед,- сказал я.

«Верно, но ты всегда был беспокойным человеком. Рядом с тобой я чувствую себя младенцем». Он протянул руку и взял мою. Рука была совсем маленькая и морщинистая. «Мы не говорили много об этом, сынок, но мы оба знаем, что в последний раз мы сидим вместе на этом ларе для овса».

Он крепко сжимал мою руку. Вошла Маргарет, пощелкивая хлыстом по своим сапогам. Она улыбнулась нам обоим.

«Я много слышала про этот знаменитый ларь для овса,- сказала она. Дед помог ей оседлать Бьюти. Когда она выводила лоснящуюся кобылу из амбара, он сказал: «С Бьюти тебе не понадобится этот хлыст».

Она бросила хлыст ему. «Он может вам понадобиться для Билла».

Она легко вскочила в седло. Мальчики стояли, наблюдая за ней большими глазами. Их мать казалась им первой леди-шерифом Великого Запада. Она пообещала, что вернется и возьмет покататься верхом каждого из них. Она помахала нам и ускакала.

Дед следил за ней смеющимися глазами. Когда он снова взглянул на меня, то сказал: «Я немного волновался за тебя, но, думаю, больше не буду. Мне кажется, мы приобрели нового компаньона».

«Хочешь кое-что посмотреть?» - спросил я.

Он кивнул. Я открыл свой бумажник и достал медаль за первое место, которую он с Дакаром выиграл на ярмарочных скачках. Я начистил ее до блеска. Он был очень доволен. Поток воспоминаний увлек нас обоих, пока мы разглядывали ее. Потом он вернул ее мне.

«Держись впереди, сынок,- сказал он мне. - Не позволяй никому на свете прибрать тебя к рукам».

Г Л А В А 19. «ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА ЖИВОТНЫХ» УДИВЛЯЕТ ОПЯТЬ

Была весна, когда мы ехали через Эмигрант-Гэп в Грэйт-Солт-Вэлли. У нас было полбака низкосортного бензина, двое немых сыновей, две таксы, кокер-спаниель, три доллара семнадцать центов наличными и ни одной запасной шины.

Розы были повсюду: Полс-Скарлет, Этуаль-де-Холланд, Дедди-Балтимор, Саттерс-Голд и изобилие дикорастущих видов. Остроконечные зубцы хребта Уосатч были еще сплошь покрыты зимним снегом, и в синем тумане сумерек все это выглядело так, будто сверху белая рука ухватила вершины и хочет выдернуть их из земли.

Маргарет счастливо улыбнулась мне.

«Славный маленький домик ждет нас как раз у подножья этих прекрасных гор,- сказала она.

Я хотел ответить ей, но Майкл начал возбужденно показывать на пейзаж, и мне пришлось извлекать его сэндвич из своего глаза.

Три дня спустя Маргарет занялась поисками квартиры. Она искала, как она говорила, небольшую, скромную, уютную, удобную, обставленную квартиру для трех мужчин, трех собак и нее самой. Она вернулась через час.

«Удачно?"

Она кивнула головой. «Я посмотрела только одно место. Как будто что-то повеяло на меня, когда я проходила мимо него».

«Примерно так: у-у-у-ф?"

«Нет, божественно,- вздохнула она. - Но оно не сдается, а продается».

«И?"

«И я остановилась, чтобы посмотреть. Когда я увидела это местечко, то поняла, что мы нашли дом нашей мечты».

«Хорошо,- ответил я, - теперь осталось только пойти отыскать волшебника Мерлина и достать из его длинного черного плаща деньги для оплаты». Маргарет пригласила торговца недвижимостью и сказала, чтобы он придержал дом, и что мы сможем заняться им через пять дней. Как шляпку заказала. С этого момента дом уже принадлежал ей. Никакие другие варианты даже не приходили ей в голову. Она начала чертить схемы, куда мы будем ставить новую мебель. В конце концов у нас осталось двенадцать часов до установленного срока и ровно девяносто центов на оплату дома.

«Не волнуйся,- смеялась она. - У меня появилось предчувствие, будто что-то должно случиться».

Так и было. В одиннадцать часов на следующее утро, ровно за час до

«Слишком поздно», Маргарет получила письмо от матери, сообщавшее, что наступил срок выплаты страхового полиса, и что она может получить деньги. Маргарет была уже

одета и ждала того, что должно было случиться, хотя, конечно, не знала, что придет письмо.

Время от времени у нее бывали подобные предчувствия. Мальчики и я научились скрываться в подвале и не отвечать на телефонные звонки и звонки в дверь, когда она «была нацелена» на предчувствие.

«Это не совсем предчувствие,- объясняла она. - Это факт, но пока он еще не произошел».

В ней было столько веры и убежденности, что, будучи рядом с ней, ты чувствовал себя двухсотваттной лампой, зажженной от работающей рядом силовой установки. Перед тем, как пришли деньги, она показала мне ее схемы меблировки разных комнат.

«Я представляю себе четыре армейских койки, походную кухню и полсотни банок консервированных бобов,- сказал я ей.

«Это глупости. Если мы сможем достать денег на оплату дома, мы, конечно, найдем достаточно и на мебель».

Как можно оспаривать такую логику?"

«Не кажется ли тебе, что проигрыватель будет смотреться лучше здесь, рядом с диваном-кроватью?» - спрашивала она.

Моих наличных денег хватило бы как раз, чтобы купить наклейку для одной пластинки Бинги Кросби, но я вникал в суть дела. Я внимательно рассматривал схемы. «А он автоматический?» Разумеется, я не мог примириться с простым.

Неделю спустя пришли деньги. Я не помню, откуда они прибыли, я все еще был потрясен домом, но их хватило на оплату дома, мебели, и еще осталось достаточно, чтобы Маргарет купила одежду обоим мальчикам. Это в придачу к их страховым полисам, конечно.

«К их чему?» - спросил я

Маргарет объяснила это так: «Я была маленькая, и мама застраховала меня, теперь я выросла и деньги позволили купить нам дом. И вот я застраховала обоих мальчиков, так что, когда они даже не будут этого ожидать, мы сможем тоже послать им деньги».

«А ты не переиграешь это в последние десять секунд?» - спросил я. «Не беспокойся,- сказала она. - Я позабочусь об этом».

Через год Майкл совершенно выздоровел. Маргарет заботилась, чтобы у Майкла всегда было достаточно молока и фруктов, даже когда все остальные доходили до того, что питались бобами, приготовленными семьей оригинальными способами.

Однажды, когда я пришел домой, Майкл выбежал встречать меня. «Твоя жена меня укусила,- сказал он.

Когда он любил нас, мы были мама и папа, но когда он обижался, мы были «твоя жена» и «твой муж».

«Почему она укусила тебя?» - спросил я. «Потому что сначала я ее укусил».

«Кажется, это - справедливый обмен укусами».

Майкл обмозговал это. «Пожалуй, что так,- признал он.

Он больше никогда никого не кусал, кроме одного раза, когда он прихватил хвост таксы. Когда собака укусила его в ответ, он воспринял это как закон природы и отступил.

В тот год у нас было самое прекрасное Рождество в жизни. Я сказал Маргарет, что я думал, ее совсем не интересует Рождество, раз она бахаи. Она мягко возразила на это, достала книгу со своей полки, открыла ее и начала читать. Мальчики, собаки, кошки и я собрались вокруг.

«Когда Он (Иисус) пришел в мир,- начала она,- Он осенил благодатью все творение. Он (Иисус) был тем, кто очистил мир. Блажен тот, кто с просветленным лицом обратился с Нему».

Она поставила книгу на место. «Вот слова Бахауллы о Христе. Вот любовь, которой я надеюсь научить твоих сыновей любить Его».

Я нежно обнял ее. «Это теперь и твои сыновья тоже,- сказал я,- и в некоторых отношениях гораздо больше твои, чем мои».

Дед передал нам всем привет в первое Рождество в Солт-Лейк-Сити. Он прислал большую посылку и толстое письмо, где сообщил нам все новости. «Старый Принц заснул как-то ночью в своем стойле и больше не проснулся,-писал он. - Миссис Кейси тоже совсем больна. Можно зажигать свечу».

Дед прислал мне шотландский плед - попону старого Принца, а для Маргарет - уздечку Принца, которую он смастерил сам.

«Гораздо лучше иметь уздечку и не иметь лошади,- писал он ей,- чем иметь лошадь и не иметь уздечки. Можно будет использовать ее для моего внука, если он будет доставлять тебе неприятности».

Он прислал обоим мальчикам по пятидолларовой банкноте.

Это было очень веселое Рождество. Маргарет купила мне маленькую толстую рыжую таксу.

«Не надо было этого делать,- сказал я ей.

Я имел в виду собаку, но она сказала, что это скрасит одиночество двум другим таксам, кокер-спаниелю и трем кошкам. Имена нашего зверинца в возрастном порядке были: Призрак, Леди Уиндермир, Некто, Кукушкина Ягода, Ноктюрн и Эй-Ты. Нового щенка таксы звали Хлоя, потому что нам все время приходилось искать ее в темноте ночи.

Я перекрестил ее в Отвертку за ее сверхъестественную способность открывать все двери с помощью своего длинного узкого носа.

Мы прозвали Маргарет «Повелительница животных». Когда бы она ни выходила во двор, все звери выстраивались за ней, как длинный хвост товарных вагонов за локомотивом. Они сопровождали ее повсюду.

В субботу накануне Рождества мы слушали по радио «Фауста» из Метрополитен-Опера, когда через открытый черный ход дома явился бездомный черный кот. Он был тощий, грязный и дерзкий. Маргарет приветствовала его, как хозяйка гостиницы, у которой не было постояльцев в течение многих месяцев. Она взяла его, приласкала, накормила и сказала «Мы назовем его Мефистофелем, потому что у него был такой драматичный выход в середине «Фауста»!"

У меня было лучшее предложение. «Давайте поверим лучше в то, что это произошло во время трансляции оперы на прошлой неделе и назовем ее Лючия де Ляммермур. Я думаю, это будет более подходяще».

Меня прокатили тремя голосами против одного за Мефистофеля. Однако мое предложение оказалось пророческим. Через два месяца Мефистофелей был уже секстет, и я сказал Маргарет: «Вот и утверждай теперь, что она не из «Лючии»."

Мы отдали трех котят. Остальные были названы Харт, Шеффнер и Маркс, потому что они родились в моем сером пиджаке, про который Маргарет всегда говорила: «Когда-нибудь мне надоест поднимать за тобой этот пиджак».

В канун Рождества мы все отправились кататься по величественным горным ущельям. Солт-Лейк-Сити - один из самых очаровательных городов Америки. Он уютно устроился в долине между хребтом Уосатч и горами Окирри на берегу реки Джордан. Уосатч - высокий, зубчатый, покрытый соснами и увенчанный снегом. Горы Окирри - толстые, округлые и пологие. Большое Соленое Озеро лежит гигантским зеркалом на северо-западе. Семь горных потоков стекают в город. Все лето по водостокам Стейт-Стрит и Мэйн-Стрит бежит свежая вода из ущелий.

Во время Рождественской недели Солт-Лейк-Сити особенно красив, его часто называют «Рождественский город». Почти каждый магазин, многоквартирный дом и частная

резиденция имели во дворе или на крыше потрясающие наружные электрические табло, иллюстрирующие какую-нибудь Рождественскую историю, легенду или сказку.

Мы обследовали их все и напоследок отправились высоко в горы, в Ущелье Городского Ручья. На обратном пути мы прокатились между темно-зеленых деревьев и неожиданно выехали на смотровую площадку. Я остановил машину, и мы все вышли посмотреть на город.

Что-то заставило меня опередить остальных. Как будто-то чья-то рука подтолкнула меня в спину. Предчувствие того, что я увижу сейчас, начало расти во мне. Я подошел к краю, и подо мною открылся волшебный город, который я так ясно видел во сне. Это был тот самый уступ, на котором я стоял рядом с тем удивительным и почтенным человеком. Подо мною весело мерцали огни городских дуговых фонарей, а справа я видел все ту же луну, отражающуюся в огромном озере. Я растворился в волшебстве этого чудного видения.

«Какой папа странный,- услышал я слова Майкла.

Я повернулся к Маргарет. Она поняла, что произошло что-то очень важное. Я улыбнулся ей. Я показал на город внизу и процитировал слова старца из моего сна. «Вот город».

Вечером Маргарет забросала меня вопросами о моем сне. Я описал еще раз чувство внутренней радости, которое он принес. Я описал также того, кто стоял рядом со мной на уступе и обещал мне, что когда-нибудь я увижу этот город. Маргарет опустила вниз. Скоро она вернулась с фотографией в рамке. Она протянула ее мне. Я взглянул в те самые, проникающие в душу глаза. Я увидел белую бороду, мягкую, как шелк, парящие белые одежды, улыбку вечной доброты. Я был глубоко взволнован. «Это,- сказал я ей,- тот человек».

Она сказала: «Это - Абдул-Баха».

Г Л А В А 20. ТАИНСТВЕННАЯ «ТЕСТИННАЯ» И НАВЯЗЧИВЫЕ НАПЕВЫ СКРИПКИ

Я лежал, взволнованный, без сна несколько часов. Я понимал, что не могу и далее игнорировать происходящее со мной. Я закрыл глаза и увидел лицо моего отца, появившееся передо мной в ту ночь, когда он застукал, как я читал Библию при свете карманного фонарика под одеялом.

«Когда-нибудь,- сказал я ему,- я собираюсь узнать все о Боге - то, чего никто не знает. Тогда я пойду по свету и расскажу людям о своем открытии».

Пришел ли этот день? Надо было разобраться.

В следующее воскресенье я набрал охапку книг по Вере Бахаи, соорудил на диване берлогу из подушек, и на весь день уселся за исследования. Я повесил на дверь табличку, написанную печатными буквами: «ВОЕННАЯ ЗОНА -

ТОМУ, КТО ПОСТУЧИТСЯ, БУДЕТ ПРЕДЪЯВЛЕН ИСК».

Это было первое воскресенье за долгие месяцы, когда у нас не было гостей. Наша гостиная, казалось, постоянно была полна случайных людей. Мы назвали ее «тестинная»: каждый день, приходя домой с работы, я подвергал себя тесту - угадаю ли я, кто находится там на этот раз. Мы купили большую книгу в переплете для записи посетителей - я открывал ее каждый вечер и говорил Маргарет: «Кого мы зарегистрировали сегодня?»

Маргарет любила, чтобы кругом были люди, и имела друзей больше, чем Санта-Клаус. Помню, я однажды спустился к завтраку и весело поприветствовал нашу гостью.

«Доброе утро, миссис Клейтон».

Она улыбнулась. «Я не миссис Клейтон. Она ушла час назад. Я - миссис Льюис. Я только что появилась».

Тем не менее, в то особенное воскресенье весь дом был в моем распоряжении. Я выбрал книгу наугад и начал читать:

«Бахаи должен быть гостеприимным. Его дом должен быть открыт друзьям и незнакомцам. Он должен приветствовать каждого гостя добром и радостью, чтобы каждый гость чувствовал, что этот дом - его дом. Он должен быть гаванью отдыха и покоя».

Я засмеялся одобрительно. Неудивительно, что у Маргарет дверные петли были всегда горячими из-за входящих и выходящих друзей.

Я откинулся на подушки и закрыл глаза, чтобы поразмышлять над такими приятными словами в это ленивое воскресенье.

Трах!

Окно позади меня обрушилось на мои плечи градом стекла, и на мои колени приземлился круглый, тяжелый, покрытый конской кожей бейсбольный мяч. А вскоре и маленькое испуганное личико появилось в оконном проеме. Вместо глаз на нем была прожаренная глазунья из двух яиц (темно-рыжая пара), а на голове - бейсбольная фуражка клуба Солт-Лейк-Бииз, лихо сдвинутая на ухо.

Билли сказал: «Сюда что-нибудь залетало?»

Я показал стекло на своих коленях.

«Я имею в виду - кроме этого?» - сказал он.

Я показал ему бейсбольный мяч, встал, открыл ящик письменного стола, положил мяч и запер ящик. Билли вздохнул. Он повернулся в окне и крикнул: «Пожалуй, что игра закончена, ребята. Мой отец отдыхает».

Я сбросил осколки стекла со штанов, порезав два пальца и большой вдобавок. После первой помощи я отправился в длинную прогулку на свежем воздухе и вернулся

кротким человеком. Дом был мертвенно тих. Маргарет, очевидно, выдвинула мальчикам ультиматум - не беспокоить меня. Я пошел в спальню, чтобы прилечь. На столике у кровати стоял стакан с молоком, стопка сухого печенья Грэхема и мешочек только что поджаренных земляных орешков. Там был еще новый детектив Агаты Кристи с убийством. Он лежал на книге, переплетенной в особенную кожаную обложку. Я открыл ее первой. Она называлась «Доказательства бахаи».

Я взглянул на первую страницу и прочел слова: «Имеющий глаза, да увидит; имеющий уши, да услышит».

Я быстро ее закрыл.

Я взял детектив с убийством. Между титульными страницами была вложена записка от Маргарет. Она гласила: «Трус!» С тихим смехом я положил детектив на место и взял «Книгу Доказательств» снова.

Майкл просунул в дверь свою большую голову. «Твоя жена хочет тебя видеть,- сказал он.

О-о! Вот беда! По пути вниз я посмотрел внимательно на Майкла. «Что там на твоём носу?» - спросил я.

«Кровь».

«Оранжевая кровь?»

Маргарет ждала меня в кабинете. Когда я вошел в комнату, Билли с выражением произнес: «Пред тобой невинное дитя».

Кто-то измазал большими оранжевыми пятнами пейзаж, который я рисовал. Майкл ничего не сказал, но его оранжевый нос выглядел очень красноречиво. Внезапным потоком слов он прервал свое молчание. Он объяснил, что слышал, как я говорил, что это - пейзаж Калифорнии, а мама всегда говорит, что Калифорния заполнена апельсиновыми деревьями - вот как!

Я забрал его в гостиную для мужской беседы. Он выглядел таким грустным и крошечным, сидя в большом мягком кресле. Он сидел, обхватив руками голову, явно полный раскаяния. Я слышал, как он тихо бранит себя за то, что натворил. Как же я мог теперь наказать его? Я не мог разобрать слов, которыми он ругал себя, но звуки были жалобные и печальные. Я наклонился ближе, пытаюсь уловить слова. Очень тихо и очень размеренно он шептал: «Дым охлаждается?»

Я вернулся в свою спальню, чтобы продолжить занятия. Я взял еще одну книгу наугад и начал читать.

«Жизненно важный долг каждого верного последователя Бахауллы - воспитание своего характера, исправление манер, совершенствование поведения и работа по улучшению мира и его обитателей».

«Мне этого не осилить,- подумал я.

Вошла Маргарет с кофе и бутербродами с яйцами на подносе.

«Не занимайся слишком долго,- сказала она,- у тебя выходной день».

«Пока,- сказал я ей, у меня был счастливейший период из целых семнадцати минут без землетрясения». Я налил кофе и поцеловал ее. «Это вместо двух кусочков сахара».

Я постучал по одной из книг. «Это просто великолепно, в самом деле. Я даже начинаю привыкать к мысли, что Вера Бахаи - религия восточная». Маргарет засмеялась. «Я думаю, что ты можешь назвать ее восточной, раз и вера в Христа или Моисея являются восточными». «Бахаулла пришел из Персии, не так ли?"

Она кивнула. Потом добавила: «А откуда, по-твоему, пришел Христос? Из Чикаго?"
«Ты с каждым днем все больше становишься похожей на деда». Маргарет понимала, что разожгла мое любопытство. Странное чувство возбуждения охватывало меня. Я начал читать с нетерпеливым ожиданием и был всерьез поглощен книгой, когда пронзительный предсмертный вопль достиг моего сознания.

Очень трудно жить на этом свете отцам. Я терпеливо вздохнул и пошел в зал. Билли стоял за дверью своей спальни со скрипкой под подбородком, серьезно приступая к разучиванию своего третьего урока.

Я знал, что Фрэнсис Бэкон любил, чтобы в его кабинете играла музыка, когда он работает, и что Джон Мильтон для вдохновения слушал орган, но вы когда-нибудь отыскивали истину в тот момент, когда маленький ребенок прыгает между скрипичными струнами «ля» и «ми - после всего лишь трех уроков?

Я окинул Билли холодным стеклянным взглядом, которому научился у собственного отца.

«Не мешаю ли я тебе здесь своими шумными размышлениями?"

«Нет, папа. Продолжай дальше. Мама говорит, если я не смогу стать таким бейсболистом как Джо ДиМаджио, я смогу научиться играть на скрипке как Яша Хейфец».

«Сегодня?"

«Это может занять пару лет,- честно признал он.

Я представил себе Хейфеца в дебрях преступного мира в поисках наемного убийцы, указывающего пальцем виртуоза в сторону Солт-Лейк-Сити: «Уничтожьте этого сосунка! А счет поделите между мной, Менухиным и Альфредом Камполи».

Билли неуверенно заскоблил, как правило - не на тех струнах, пропевая название каждой ноты высоко и пронзительно, что звучало, как падающий аэроплан времен первой мировой войны.

«Ля открытая! Ми открытая! Ля открытая! Ми открытая!"

Скрип, пение; смычок, голос. Собаки впадали в ужас всякий раз, когда возобновлялось это единоборство. Кошки - возможно, благодаря врожденному инстинктивному знанию

материала, по которому Билли водил смычком - убирались в подвал. Призрак заползал на брюхе под стол и катался на спине лапами кверху. Хлоя прыгала на кровать или на диван и зарывалась в подушку. Леди Уиндермир, кокер-спаниель, спешила к Билли и принимала его сторону. Она прислонялась к его ноге и выла в унисон с ним жалобную и печальную песню. Собачий эквивалент «Ля открытой! Ми открытой!"

Довольно странно, что преподаватель мог бодро улыбаться в течение целого часа этого действия. Возможно, он очерствел за те годы, когда слушал, как маленькие мужчины извлекают звук «Ля открытая», похожий на скрип мелка по школьной доске, или же он был очевидцем чуда, когда один из его учеников выпустился с отличием за безупречное исполнение романтического концерта Веняковского. Или, как предположила Маргарет, он мог быть глухим.

Я вздохнул. «Ладно,- сказал я Билли. - Оставайся здесь. Я пойду вниз».

«Спасибо, папа».

Я спустился вниз и обсудил это с Маргарет.

«Бахаулла велит сделать дом гаванью отдыха и покоя,- сказал я ей резко. «Неужели, дорогой?"

«Да. И как насчет этого? Начинаем с сегодняшнего дня?"

Я взял свою кипу книг и вышел к машине. Я забрался внутрь, запер все дверцы, а затем въехал в гараж.

Г Л А В А 21. МЕРЗКИЙ СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК И ЕГО ГОЛУБОГЛАЗАЯ ХОЗЯЙКА

Приближающуюся беду можно почуять. Хотя, должен сказать, вторник начался, как любой другой обычный день. Я проспал, проглотил чашку кофе, выходя из дверей, помял крыло по пути на студию, получил вызов в полицию за стоянку в неподобающем месте и получил два специальных интервью для вечернего воскресного спорт-шоу, потому что спортивный диктор потерял голос.

Оба интервью были с борцами, которые прилетели из Лос-Анджелеса на крупные соревнования, намечавшиеся на следующий вечер. Это было до прибытия Великолепного Джорджа.

Секрет хорошего интервью заключается в том, чтобы дать интервьюируемому говорить, а свой рот держать на замке. Я приготовился к худшему. Очень многие борцы имеют обыкновение глядеть на тебя поверх микрофона так, будто в любой момент могут взять тебя в «индейский смертельный замок». Первый борец был из Оксфорда. Званий у него было больше, чем делений на термометре, и он был женат на принцессе одного из южных островов Тихого Океана. Он имел произношение, при котором Рей Нобл звучало как Уильям Бендикс. Он мог два часа рассуждать о чрезвычайной значимости коровьего

гороха. Действительно, все, что я сказал, это: «Ну, Боб, я рад, что ты заглянул сюда. Как...» «Грандиозно! - ответил он. - Как нельзя лучше».

«Думаешь ли ты, что...»

«Безусловно» заверил он меня. «Я свяжу его в узлы, как Лаокоон». «Но,- продолжил я,- думаешь, что...»

«Ты серьезно? Через пять минут он у меня будет выть, как Король Лир». Он фыркнул. «В последний раз, когда мы встретились, я вышвырнул его с ринга. Он зацепился за стойку своим трико и приземлился среди джентльменов из прессы, одетый более скудно, чем на одной из картин Боттичелли, где...» «Я понимаю, что ты имеешь в виду,- вмешался я. - Но мне кажется, что...» «Ты абсолютно прав. В некоторых случаях этого парня так же трудно ухватить, как смысл «Тертиум Органум», но я всегда боролся с ним с умом». «А ты уверен, что не заговоришь его до смерти?»

То были последние слова, которые я произнес до конца передачи.

Я сделал все, только что не надел джутовый мешок на его голову, дабы пресечь его попытку сравнить свои мышцы с Уральскими горами. Он также предупредил меня насчет второго моего интервью.

«Этот мошенник силен, как Рустум, но молчалив, как Харпо Марк,- объяснил он. - Ты уверен, что не хочешь, чтобы я остался и взял интервью в свои руки?»

Я был уверен. Но я ошибался - эго надо было оставить. Три минуты пришлось мне потратить, чтобы вытянуть приветствие из второго борца. Его особенностью был выход на ринг в черном плаще, черном сомбреро, с гитарой и пение «Эль Ранчо Гранде». Джордж был из Латвии, но любил Мексику. У него был дрессированный черный кот, который садился возле ринга и шипел на судью. Джордж умел петь, но не умел говорить. Я спросил, что он думает о своем противнике, и только через три минуты, когда я уже собирался послать за стаканом холодной воды, чтобы окатить его, он превосходно выпутался из затруднения.

«Чертовски крепкий парень,- признался он.

Я кивнул. «Действительно, этот матч завтра вечером кажется настоящей Армагеддонской битвой,- видите, где были мои мысли, не так ли? Собрав все свои силы, он сказал: «Ф?»»

«Я говорю, тот парень, с которым ты борешься. Он добился завидных успехов и здесь и за рубежом». «Где?»

«Каково твое мнение о нем?,- повторил я. Вопрос казался верным.

Я почистил ногти, написал записку в операторскую, чтобы положили два кусочка сахара в мой кофе, и, как раз выбирал лошадь для третьего заезда в Санта-Анита, когда он наконец взглянул на меня, улыбнулся и сымпровизировал.

«Он крепкий парень».

После этой вспышки он взялся примеряться к микрофону, ожидая удобного случая, чтобы сделать ему «ножницы».

«Ты заставишь его уступить завтра, Джордж?» «Он чертовски крепкий парень».

Я заметил, что он начинал уставать. «Ты не мог бы сказать, кто для тебя самый серьезный соперник на сегодняшний день?» Это было несложно для него. Он сказал: «Техас».

Я кивнул. «Очень хороший парень. Очень большой. Покрывает целиком Северную Каролину».

«Чертовски крепкий».

Я попрощался с ним из-за студийного рояля. Мы поздоровались с ним за руку, когда он пришел, и я все еще не чувствовал своих пальцев, они словно были из свежей глины.

По пути домой я думал про себя «Все-таки радио - удивительная штука. Никаких проводов, а человек говорит из самого Лондона».

Все уже спали, когда я пришел домой, поэтому я тихо разделся, выключил свет и пошел спать. Я был разбужен через некоторое время громким треском. Звучало так, будто кто-то вспарывал палубу баржи в окружном канале. Я протянул руку и зажег лампу.

Сидя на моем прикроватном столике и держа неочищенный земляной орех в лапках, на меня смотрела крупная белая мышь. Во всяком случае, мне казалось, что крупная. Ее глаза были красными, как майки футболистов университета штата Юта. Мы прыгнули одновременно. Она приземлилась в центре только что покинутой мной кровати, а я приземлился в центре кровати Маргарет.

Она открыла глаза только лишь затем, чтобы сказать мне, что два моих интервью были очень забавными. Я не ответил, а только показал обвиняющим жестом на винноглазого монстра на моей кровати.

«Ах, это,- сказала она со счастливой улыбкой. - Это Уайти, милая белая мышка, которую я купила для Майкла. Она живет внизу» «Скажи ей, чтобы она шла домой».

Как мышь обнаружила, что я всегда держу пакетик свежеподжаренных земляных орехов на столике у кровати, я понять не мог. Если только кто-то не ронял его. Маргарет это доставило удовольствие. Она определенно приняла мою сторону и немного побранила Уайти, приказав ей тотчас идти вниз и не беспокоить папочку.

«Я крысам не отец,- подчеркнул я холодно.

С этой минуты я прозвал ее «Мерзкий снежный человек». Билли просунул голову в дверь. Он держал стакан с молоком в одной руке и тер сонные глаза другой.

«Как себя чувствует папа?» - спросил он.

Она вздохнула. «Он чертовски крепкий парень».

За ту короткую вечность, что я знал Маргарет, она уже брала на воспитание следующих любимцев: обезьянку с закрученным на конце хвостом, двух русских волкодавов, что вечно давились рыбьими костями, которые я должен был вытаскивать голыми руками из их глоток с глубины в шесть миль, маленького медвежонка, двух сиамских кошек, ворона с расщепленным языком, который мог говорить только одно слово, но раз за разом: «Прелестно! Прелестно!", двух длиннохвостых попугаев, енота, шиншиллового кролика - без пары, разумеется, иначе это было бы прибыльно, малютку-скупса - что продолжалось лишь семь секунд бесплодных иммиграционных мучений у парадной двери, беспризорного сенбернара, которому она давала есть и разрешала спать на моей кровати в течение трех недель, пока мы искали владельца, жившего, как оказалось, по соседству - напротив нас, и куда пес ходил обедать и ужинать, прежде чем отметить у нас перед ночлегом и завтраком, и одиннадцать других разнообразных собак и кошек, большинство из которых до сих пор у нас, и вот теперь М. С. Ч., Мерзкий Снежный Человек.

Я чувствовал себя человеком из анекдота, у которого был полон дом вонючих козлов, и, когда его спрашивали, почему он не открывает окон, он отвечал: «Что? И потерять всех своих голубей?» У Маргарет теперь сна не было ни в одном глазу. Белая мышь нашла убежище на ее плече, и они тарасились на меня - две голубых фары и два красных задних огонька.

Маргарет хотелось поговорить. Мне хотелось спать. Она подталкивала меня локтем, чтобы не дать уснуть. Наконец, она сдалась. Через мгновение она уже крепко спала, оставив меня с широко открытыми глазами-дынями. Я потушил свет и попытался считать овец. Я спел про себя все строфы «Звездного знамени». Прочитал наизусть речь Геттисберга задом наперед. Сна не было. Я, в конце концов, сдался, включил свет и начал читать. Так началась ночь, которую мне не забыть никогда. Рядом со мной на столе лежал последний номер моего любимого журнала. Это меня очень сильно поразило, так как мы договорились, что не можем позволить себе подписываться на этот журнал, но вот он - рядом. Листая страницы, я начал подозревать, что за этим заботливым пожертвованием - чья-то ласковая рука.

Статья, вызывавшая наибольший интерес, была собрана из газетных заголовков, присланных со всех концов Соединенных Штатов. Издатели журнала предложили американским газетным издателям прислать заголовок, который, по мнению газеты, мог бы стать наиболее захватывающим и эффектным из всех, что только можно себе представить. Их попросили дать простор фантазии и прислать первую страницу своей газеты с набранным жирным шрифтом заголовком, сообщающим об истории, которая

они считают, сильнее всего захватит их читателей, если им удастся ее напечатать. Там были самые настоящие боевики, которые позабавили меня безмерно. Например:

«ИСЧЕЗНУВШИЙ КОНТИНЕНТ АТЛАНТИДА НАКОНЕЦ НАЙДЕН!" «ЛЮДИ С МАРСА ПРИЗЕМЛИЛИСЬ!"

«ШЕКСПИР - НА САМОМ ДЕЛЕ БЭКОН!" «ОБНАРУЖЕН ПОДЛИННЫЙ НОЕВ КОВЧЕГ!" «КОПИ ЦАРЯ СОЛОМОНА СНОВА ОТКРЫТЫ!"

Я провел двадцать совершенно восхитительных минут, пока не прочитал заголовок, который большинство газетных издателей признали самым эффективным из всех. Этот заголовок, согласились они, нанесет самый электризующий удар всем читателям, если будет напечатан. Он состоял всего из двух простых слов:

«ХРИСТОС ВОЗВРАЩАЕТСЯ!"

Теперь я понял, почему Маргарет купила этот журнал. Я быстро отключил свой мозг, чтобы туда не проникли никакие мысли, и прочел несколько других заголовков.

«ЖИВОЙ ГИТЛЕР В БУЭНОС-АЙРЕС!"

«КОНАН ДОЙЛ ВСТУПАЕТ В КОНТАКТ С ЗЕМЛЕЙ ИЗ МИРА ДУХОВ!"

«ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В ИРАКЕ ОТКРЫЛО ПОДЛИННЫЙ САД АДАМА И ЕВЫ»

Неизбежно я вернулся к теме, которая, согласно голосованию издателей, стала бы наиболее сенсационным и важным событием, если бы таковая могла быть представлена читателям: «Христос возвращается!» Если бы они и в самом деле могли напечатать такой заголовок, говорили они, мир бы встал на уши.

Я попытался представить себе, что случилось бы в Нью-Йорке, Чикаго, Сан-Франциско или Солт-Лейк-Сити, если Христос вдруг появился бы на улицах.

Какое смятение мог бы поднять такой заголовок! Я усмехнулся про себя. Представляю Америку, вышедшую, чтобы забрать утреннее молоко и газету, и увидевшую заголовок: «Иисус здесь!"

Но напечатает ли на самом деле какая-нибудь газета такой заголовок? Или устроит печатное, радио- и телеинтервью? Я сомневался в этом. Ведь Его игнорировали более трехсот лет.

Его история будет, вероятно, упрятана в несколько строчек, затерявшихся среди рекламных объявлений, если Его сочтут заслуживающим какого-то места вообще: «Сумасшедший утверждает, что имеет контакт с Богом. Власти в целях защиты деревни передали неизвестного агитатора в местный приют для умалишенных». Это было бы более вероятно.

Я взял журнал снова и прочитал статью до конца. Там говорилось достаточно иронично, что некоторые из газет в Соединенных Штатах уже печатали заголовки о возвращении Христа. Это было в 1840-х годах. Тогда в обоих восточных Штатах, в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке в некоторых кругах существовала определенная надежда на то, что Христос скоро явится. В статье упоминались некоторые из заметок тех дней.

Какие-то были написаны лицемерно, какие-то с глубокой искренностью, какие-то в полной ярости, какие-то с насмешкой:

«ИИСУС ОЖИДАЕТСЯ В ЛЮБОЙ МОМЕНТ!» «ХРИСТОС: ПРИДЕТ ИЛИ НЕТ?»

«ЖИТЕЛИ РАСПРОДАЮТ СОБСТВЕННОСТЬ, ОЖИДАЯ ПРИШЕСТВИЯ!»

В конгрессе Соединенных Штатов во время дебатов 1870-х годов возникли опасения относительно неизбежности грядущего события.

Даже индейцы-шошоны в Вайоминге объявляли о скором пришествии великого белого Спасителя.

Теперь я был совершенно бодр, а Маргарет спала.

«Маргарет?» - позвал я тихонько. Она не ответила. Я засыпал, когда пришел домой, а она хотела поговорить. Теперь она спала, а я хотел побеседовать.

Я чувствовал себя несчастным мужем, которому жена сказала, когда он потянулся выключить свет: «Билл, дорогой, напомни, чтобы я рассказала тебе утром, что я сделала сегодня с нашими сбережениями».

Теперь было невозможно уснуть. Я обратился к спортивному разделу журнала. Между страницами я нашел вложенную записку от Маргарет, написанную на двух театральных билетах.

«Не читай слишком поздно. Завтра вечером ты идешь на свидание с прелестной блондинкой, чтобы посмотреть «Наш городок» в Кингсбери-Холле. Кстати, Вера Бахаи родилась в 1844 году. Ты знаешь это? и «Книга Доказательств» рассказывает историю случившегося в 1844 году и утверждает, что Бахаулла - это возвращение Христа, и не важно, что ты думаешь сейчас. Не волнуйся. Никто не просит тебя поверить в это - просто знай. Это величайшая новость в мире, это не я говорю. Все прожженные издатели газет говорят это.

Р. С. Закончил ли ты «Доказательства»? Не буди меня, я сплю».

Я ухмыльнулся про себя. Каким счастливым я был. Красивая жена, два прекрасных озорника-сына, три котенка в ногах, две кошки, мяукающие на крыше в надежде войти в дом, кокер-спаниель, лающий внизу, одна такса, сопящая под кроватью, скребущая пол и подвывающая в кошмаре, другая такса, грызущая кость в передней, и мерзкий снежный человек, грызущий орехи над моим ухом, и на моем столе у кровати книга

«Доказательства бахаи», которая может перевернуть всю мою жизнь.

«Есть ли где-нибудь на свете еще хоть один такой счастливый парень,-спросил я себя?

Но не нашел ответа.

Г Л А В А 22. СТРАННОЕ ДЕЛО О ПРОПАЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

На следующее утро за завтраком я сказал Маргарет: «Сегодня ночью я читал твою статью в журнале».

«Это не моя статья,- сказала она. - Я всего лишь купила журнал». «Я знаю, почему ты его купила,- сказал я ей.

Она была одета в мексиканскую расклепленную юбку цвета морской волны с белым, белую блузку и туфли, подобранные в тон юбке. Она выглядела так мило и невинно с этими голубыми, как яйца малиновки, глазами, что я едва заметил мерзкого снежного человека, сидящего на ее плече.

Я одарил их обоих «стеклянным взглядом» своего отца и выразительно произнес: «Двое - компания, трое - толпа».

Маргарет положила мышь в ее домик и сказала: «Иди и играй со своим чудесным сыром. Папочка хочет поговорить про статью в журнале».

Я не хотел говорить об этом. Я хотел подумать об этом. Поэтому я сказал: «Ветчину и яйца, и прекратить разговоры».

Пока я ел, Майкл принес утреннюю почту. Там была открытка от деда. В ней было только: «Померли все, что ли?»

Я написал ему перед уходом на работу и рассказал, что случилось со мной в последние несколько месяцев. Я пообещал сообщить ему все детали, как только выберу время. Через три дня пришла телеграмма.

БЫСТРЕЕ

ДЕД

Маргарет и я не обсуждали журнальную статью несколько дней. Можно сказать, что она была озадачена этим, поскольку была задумчива и деликатна. Я получал любимые блюда три обеда подряд.

«Я не хотел бы, чтобы ты была так уж чрезмерно добра и терпелива,- сказал я ей.

- Ладно,- сказала она. - Я куплю билеты на следующий вечер на «Риголетто».

- Не стоит кидаться в другую крайность.

В это утро Маргарет подвезла меня на работу - она и мерзкий снежный человек, который неожиданно появился из-под воротника ее пальто. Он уставился на меня осуждающе. Я сказал: «Не будь нетерпелива. Подожди до следующего месяца».

- Это не имеет ко мне никакого отношения,- мимоходом пояснила Маргарет. - Это между тобой и Богом.

- Я хочу быть искренним.

- Конечно,- бодро согласилась она. - В конце концов, это у тебя видение, а не у меня.

Она быстро поцеловала меня и сказала: «Желаю всего хорошего».

Я вышел. Она опустила стекло, чтобы еще раз поцеловаться. За одним поцелуем последовал другой. Я сказал настойчиво: «Я должен быть уверен, что Бахаулла - тот, кого я ищу».

Она кивнула. «Для этого у тебя есть голова и сердце. Если после прочтения «Книги Доказательств» ты все еще не убежден, что Бахаулла - тот, кого так долго ждали, тогда ты должен отказаться от веры в него».

- Я не читал еще «Книги Доказательств», и ты знаешь это,- сказал я ей сердито.

Я слышал, как она весело засмеялась, когда закрывала окно и отъезжала. У меня появилось предчувствие, что все случится в ближайшие дни. Так и вышло.

Меня тошнило от разговоров, когда я вечером уехал со станции. Все-таки я остановился у библиотеки, чтобы выбрать несколько книг по астрономии. Я хотел проверить свои подозрения насчет странной звезды и кометы, которая появилась во время пришествия Бахауллы - подобно звезде, что появилась в то время, когда явился Христос.

Я чувствовал себя усталым. Я мало ел за обедом и, как только мы с ним покончили, отнес эту кипу книг в гостиную и свалил на диван. Полный противоречивых чувств, я начал нащупывать свой путь среди них. Маргарет принесла мне вторую чашку кофе.

- Не засиживайся допоздна,- сказала она. Потом она поцеловала меня в макушку.-
Желаю удачи.

Вошел Билли со сливками. «Мама, как там папа?» - спросил он Маргарет. Она улыбнулась. «Он крепкий парень,- сказала она ему.

Билли согласился. «Чертовски крепкий».

Поздно ночью я пережил один из тех удивительных моментов, какие бывают у художника, когда холст начинает оживать под его кистью, или у археолога, когда холм раскрывается, являя до сих пор неизвестную пещеру; это было кульминацией долгого периода занятий и молитв, и результат удовлетворял и сердце, и разум.

Я написал подробную историю этого открытия и шагов, которые к нему вели, в другой книге, названной мной «Как тать ночью». Для заглавия взята цитата из Христа, про час Его возвращения, когда, заставая людей неподготовленными и равнодушными, Он придет «яко тать в нощи». Первоначально я назвал книгу «Дело о пропаже тысячелетия», потому что это казалось одной из самых захватывающих и волнующих тайн, какие только можно себе вообразить - настоящей сенсацией. Никто не мог разрешить эту проблему более чем сто лет, и вдруг, неожиданно, через несколько месяцев, ответ упал мне прямо в руки.

Я написал «Тать» с тем, чтобы те близкие друзья, с кем я долго, рука об руку работал на радио и телевидении, могли понять, почему в момент, который они считали вершиной успешной карьеры в шоу-бизнесе, я отказался от своего будущего на телевидении и начал странствовать по свету.

- «Что случилось с Биллом Сирзом?» - этот вопрос до сих пор задают в Филадельфии, - так недавно писали мне друзья. Обычный ответ таков: «Неужто вы не знаете? Бедняга. Он потерял голову. Стал религиозным фанатиком. Последнее, что я слышал - он был где-то в Тибете».

Ближе Карачи я к Тибету не подбирался. Скорее всего, когда задавался вопрос, я был в Микенах в отпуске, где писал картины на том месте, откуда, согласно легенде, Агамемнон отправился спасать из Трои Елену от имени своего брата.

Тем не менее, совершенно верно, что я шел по следам Бахауллы через много земель, пытаюсь сам найти подтверждение своей теории, согласно которой я нашел решение одной из самых интригующих и необъяснимых тайн нашего времени.

Дабы мои друзья могли отнестись ко мне более благожелательно, я сделал полную запись мучительной истории, привлечшей вначале мое внимание, и, в конце концов, пленившей мое сердце.

Вскоре я обнаружил, что не одинок в поисках ответа на загадку века. Профессор Эдвард Гренвиль Браун из Пемброкского колледжа Кембриджского университета предпринял первые шаги намного раньше меня. Он вдохновенно написал о становлении этой Веры.

«Я считаю своей приятной обязанностью довести этот вопрос до сведения моих соотечественников». Он говорил о своем стремлении добиться такой точности изложения, какая только возможна. «В моих глазах, - говорил он, - вся эта история выглядит как одно из самых интересных и важных событий, имевших место со времени становления Христианства».

Его современник, профессор Бенджамин Джоветт из Бэллиол-колледжа, Оксфорд, был даже более выразительным. Он сказал: «Это величайшее событие, произошедшее на Земле со времен Иисуса Христа. Оно слишком грандиозно для наших дней, чтобы постичь его сейчас, но будущее высветит все его великолепие».

Было уже ровно два часа сорок пять минут, когда я нашел историю, которую искал - о звездах. Это было подобно ключу, открывающему нужную дверь. Я издал произвольный вопль, который посрамил бы Джеронимо.

Все в семье знали, что значит для меня найти этот потрясающий отчет. Я постоянно говорил об этом за столом. Когда они услышали мой крик, они все поднялись с постелей, словно по волшебству. Когда я выглянул из-за книг, то увидел, что окружен кольцом

встревоженных лиц: Маргарет, Билли, Майкла, Призрака, Леди Уиндермир, Хлои, Кукушкиной Ягоды, Лючии и Харт-Шеффнер-Маркса.

«Послушайте!» - воскликнул я радостно. А потом я рассказал им поразительную историю о звездах и кометах, которые возвещали явление Бахауллы. Даже Маргарет была очарована. Я сам чувствовал себя человеком, который запустил крупнейший в мире нефтяной фонтан. Подошли ли к концу мои долгие поиски? Нашел ли я наконец разгадку своего видения? Я должен это знать.

Я подбросил вверх книги, сгреб в охапку Маргарет и стал вальсировать с ней по комнате. Она смеялась и плакала. Билли, который считал, что должен играть на скрипке по любому радостному поводу, побежал и принес свою скрипку. Мальчики не совсем понимали, что случилось, но они тоже были охвачены волнением. Под мелодию «Ля-открытая, Ми-открытая», мое мурлыканье «Кейзи вальсирует с ягодкой-блондинкой», и завывание Леди Уиндермир, веселье сделалось неудержимым. Майкл принес вниз даже мерзкого снежного человека, и, таким образом, вся семья целиком могла насладиться этими минутами полной раскованности.

«Твоя взяла,- сказал я Маргарет. - Я уйду в кабинет и буду читать «Книгу Доказательств».

«Не торопись,- сказала она. - Это такой счастливый момент».

«Я хочу торопиться,- сказал я. - Я ждал этого момента всю жизнь». Она очень крепко обняла меня.

«Не важно, что случится, когда ты выйдешь из этой комнаты,- сказала она мне,- это не изменит наших отношений. Я люблю тебя очень сильно».

Я ушел в кабинет и закрыл дверь. Я читал более трех часов. Потом отложил книгу. Я опустился на колени и молился до рассвета. Что произошло за эти три часа, касается только Бога и меня.

Когда я вышел, семья все еще была в комнате: Майкл спал на диване, укрытый Призраком поперек груди, как одеялом; Билли в большом кресле, сжимающий скрипку и окруженный тремя собаками и двумя кошками. Маргарет не спала. Она сидела на большой кожаной подушке из Хартума. Я был уверен, что она тоже молилась.

Когда она услышала, что открывается дверь, она быстро подняла глаза. Она что-то прочла на моем лице. Улыбнулась и подошла ко мне. Я обнял ее.

Я сказал: «Я - бахаи».

«Я знаю,- сказала она мне. - Я всегда это знала».

Я отослал «Книгу Доказательств», вместе с другими собранными мной материалами, деду. Несколько недель от него ничего не было слышно. Наконец, я послал телеграмму.

ЧТО СКАЖЕШЬ? БИЛЛ

Я получил следующий ответ:

ДУМАЮ.

ДЕД

Я подождал еще три недели, потом отправил еще одну телеграмму. НУ?

БИЛЛ

Наконец он ответил.

СТИХ ТЫСЯЧА ДВЕСТИ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ДЕД

Я посмотрел рекомендованное сразу, как только пришел домой. Это звучало весьма лаконично:

«И люди вскричали, говоря - это голос не человека, но Бога».

Г Л А В А 23. ТЕЛЕВИДЕНИЕ, ИЛИ ПО ВСЕЙ АМЕРИКЕ С ВОРОНОЙ

Маргарет была слегка раздосадована тем, что я собрал только один маленький чемодан одежды, но шесть чемоданов, полных книг.

«Я люблю читать,- сказал я ей.

«В Африке у тебя не будет времени читать,- сказала она.

«Я заметил, что ты упаковала свое лазурно-голубое платье для визитов». «Я могу надеть его как-нибудь на официальный обед».

«Надеть ДЛЯ ЭТОГО! - засмеялся я. - Для этого тебе надо будет влезть на дерево!»

Уже через несколько дней Майкл, Билли, Маргарет и я должны были отплыть в Кейптаун на борту «Африканского Солнца». Для меня это означало первый этап путешествия длиной 250 000 миль по Африке, Европе, Северной и Южной Америке, Азии, Австралии и островам Тихого Океана, и будет равняться десяти кругосветным путешествиям.

Я распрощался с работой на телевидении, которая приносила мне 50000 долларов в год. Однако мое сердце было легким, как головка одуванчика. Я закружил Маргарет в объятиях и звучно поцеловал ее.

«Скажи мне, Принцесса,- спросил я ее,- на самом ли деле это происходит с тем маленьким мальчиком из Миннесоты, или я сошел с ума?»

Билли сказал: «Я знаю ответ на это». «Лучше воздержись».

Исходя из мировых стандартов, я был не таким уж плохим профессионалом. Я подался в Филадельфию, город братской любви, чтобы работать на ВПЕН, на отделении «Вечернего Бюллетеня». Я комментировал баскетбольные матчи Пенсильванского Университета и футбольные матчи Университета Виллановы. Я был Американским Ведущим в программе Би-Би-Си «Международная Викторина», и мы получили приз. Не

деньги, а прекрасный Приз. Теперь я знал, как чувствовал себя отец, когда я выиграл табличку за свою первую пьесу. Это была приятная штука, но абсолютно несъедобная. Когда филладельфийский «Бюллетень» приобрел ВКАУ-Радио и Телевидение, я перебрался с Уолнэт-Стрич на Честнэт-Стрит и стал спортивным комментатором на телевидении.

Я мотался по стране, транслируя профессиональные футбольные матчи «Филладельфийских Орлов», и провел целый сезон, делая передачи игр на Телевидении.

Неожиданно я стал зарабатывать больше денег, чем спрашивали мои кредиторы. Поэтому мы переехали в Даунингтаун близ Вестчестера. Мы купили ферму. Вернее, мы купили дом на клочке земли. Мне казалось, он был в кейптаунском стиле. Маргарет утверждала, что это колониальный стиль. Но, я думаю, что прав был Билли. Он назвал его «ранний индейский». В нем было больше дырок, чем в кларнете, и в ветреный день можно было слышать, как дом исполняет: «Куда ушла моя собачка?» Но это было кстати. Маргарет все еще держала полный дом собак, и никто никогда не знал, где они бывали: Фафнир, Сократ, Тристан и Изольда, Ленивая Луна и Краузе. Все - таксы, кроме Фафнира. Он был боксер. Но похож был больше на борца.

Через несколько месяцев мне была предоставлена работа ведущего в полуфиналах шоу «Мисс Америка». Мы выбирали «Мисс Филадельфия». Из Нью-Йорка прибыл Эд Салливан, чтобы участвовать в работе жюри. Назначение принесло мне прибавку жалованья, и мы решили перебраться в новые апартаменты. Билли был потрясен. Он сказал, что хотя он и не суеверен, но ему не нравилось спать втринадцатером в одной кровати. С собаками и кошками его подсчет был верен. В первый год работы на Телевидении для ВАКУ журнал «Ти-Ви-Гид» вручил мне Оскара за самое выдающееся спортивное шоу.

Это было смешное спортивное шоу. Закоренелые болельщики могли застрелить меня насмерть при моем первом появлении на улице, но любители посмеяться за обедом настраивали каждый вечер свои телевизоры именно на эту передачу. Как раз тогда у меня появилась идея использовать ручную куклу, чтобы она помогала мне вести бейсбольные передачи. Прежде чем я осуществил идею, Пол Риттс предложил на эту роль бурундука и сказал, что, пожалуй, смастерит его. Он выполнил обещание, и получилось великолепно. Пол мог изобразить голосов больше, чем Венский хор мальчиков, и поэтому он превратился в Альберта, бурундука. Он предложил также для шоу полдюжины других идей. Пол не был бахаи, но, думаю, бурундук Альберт был. Я объясню вам, почему.

Альберт играл главную роль в получасовой комедии, которую Пол и я написали для Си-Би-Эс. Она называлась «В парке». Я играл доброго старика, который сидел на скамейке в Центральном Парке и который, благодаря своему чистому сердцу, мог разговаривать с животными.

Пол вырезал и раскрасил ворона, которого назвали Кэлвин, жирафа по имени Сэр Джеффри и страусиху, названную Цветок Магнолии. Мэри Холлидей, жена Пола, озвучивала Магнолию. Она пела как соловей и выглядела как райская птица.

У Пола был замечательный талант как писателя, так и актера, а это нелегко - быть бурундуком, жирафом, вороном и первоклассным режиссером. Вскоре мы уже завоевывали сердца американцев каждое воскресенье в полдень. В летние месяцы наша программа открывалась показом шагающих ног работника, подметающего дорожку в Центральном Парке большой метлой. По мере того, как листва сметалась в сторону, открывались титры нашей программы, написанные мелом на тротуаре:

В ПАРКЕ С БИЛЛОМ СИРЗОМ И ЖИВОТНЫМИ - ПРИЯТЕЛЯМИ ПОЛА РИТТСА И МЭРИ ХОЛЛИДЕЙ

Зимой те же самые ноги в галошах сгребали снег, открывая надписи. Я упоминаю об этой программе подробно, потому что именно она способствовала тому, что мой компас верно показывал север. Это была программа «трижды засмейся, разок всплакни».

Я сам гримировался каждое воскресенье, за исключением самой первой программы. В тот день к нам пришел театральный гример, чтобы сделать меня похожим на семидесятипятилетнего старика. Я терпеливо сидел в кресле, пока он выбеливал мои волосы и усы и накладывал морщины на вполне неплохое, но весьма среднее лицо. Когда он закончил, я поднялся и посмотрел в зеркало. Это было тяжелое испытание. Я увидел точную копию моего деда. Мне не хватало лишь ящичка с овсом и маленького мальчика для бесед с ним, чтобы быть в дедовом репертуаре. Я нашел маленького мальчика в бурундуке Альберте.

На второй год существования нашей программы мы написали специальный сценарий для Рождества. Он был про звезду на рождественской елке Альберта, которая не хотела зажигаться. Гус, серый бельчонок, который жил на дереве в центре Парка, болел корью, и поэтому никто из зверей не наносил ему визитов на Рождество. Надо сказать, что они решили оставить себе все его подарки. Кэлвин, ворон, сказал, что хотел бы преподнести что-нибудь Гусу на Рождество - например, корь - но ведь у Гуса она уже есть. Сэр Джеффри, жираф, смиренно признал, что в Гусе все же есть и хорошее, но он слишком беспокоен. Магнолия собиралась дать Гусу перо, но, как она говорила, с отвращением узнала, что он неграмотен. Альберт купил Гусу пару боксерских перчаток, но сказал, что нашел кое-кого более достойного этого подарка. когда умывался утром и посмотрел в зеркало. Альберт подошел и сел мне на плечо. «Ты ведь не сердись на меня?» - спросил он.

«Нет, всего лишь разочарован».

Он приблизился нос к носу и внимательно посмотрел на меня. «У тебя действительно карие глаза».

«Спасибо за сенсационную новость,- сказал я, как эхо повторив слова своего собственного отца, которые он произнес так много лет назад в Миннесоте.

Альберт, бурундук, ринулся в свое гнездо на большом дереве и вернулся с кружкой мыла для бритвы, кисточкой и бритвой, чтобы побрить меня к Рождеству. Пока он работал, он болтал.

«Почему это вы, люди, такие милые здесь, в Парке, в дни Рождества, недолгих две недели, и так жалки в остальное время года? Большинство людей, что приходят сюда в течение года, имеют лица как мокрые водоросли, а в Рождество - как жимолость! Как ты это объяснишь?»

«Люди подобны луне,- сказал я ему. - Луна не светит сама по себе. Она берет все от Солнца. Когда луна обращена к земле, это - темная луна. Она не отражает свет. Но когда луна обходит землю и поворачивается к Солнцу, она постепенно делается прекрасной. Сначала это серебряная лучина, потом это четверть луны, половина, три четверти, пока, наконец, она не повернется спиной к Земле, а лицом прямо к Солнцу - тогда это будет большой диск сияющей полной Луны. И в это время она льет свой свет на этот темный мир».

«Ты, несомненно, прекрасный оратор,- сказал Альберт, и я слышал собственный разговор с дедом, пока он подкидывал вилами сено в ясли для Бьюти.

«Так же обстоит дело и с людьми, Альберт,- объяснил я.

«Когда их сердца оборачиваются к материальным ценностям этого мира, они темны. Нет света ни в их лицах, ни в их сердцах. Но когда они поворачиваются от земного к Богу, они становятся яркими и светятся изнутри. В Рождество они на несколько быстротекущих дней забывают мирское и оборачиваются к Его Святейшеству Христу, и в мире царит новый дух, и он в это время становится прекрасным местом, где хочется жить».

Все животные восприняли мысль. Кэлвин бросил в дымоход Гуса алтейную микстуру, притворяясь, что намеревается его разбомбить, а не сделать что-то хорошее, но я понял. Сэр Джеффри принес Гусу вязанку дров для его камина. «Я еще не люблю его,- сказал он,- но я так же могу не любить его, когда он в тепле, как и тогда, когда он мерзнет». Магнолия попросила меня отвернуться и с легким криком боли выдернула перо из своего хвоста. Опустив глаза, она сказала: «Это птичье пишущее перо». Я сказал ей «Это лучший подарок из всех - это кусочек тебя». Подошел Альберт с надетыми боксерскими перчатками. «Ты чудесный старикашка, Билл, и я знаю, что ты имел в виду, рассказывая свою историю, и кого ты имел в виду - тоже, так что я пошел отдавать боксерские перчатки Гусу, в конце концов. Но они пока у меня на руках, на случай, если я захочу дать ему сперва тумака по подбородку».

Когда Альберт ушел, рождественская музыка зазвучала громче, а камера медленно надвинулась на рождественскую елку с незажженной звездой. Постепенно она начала светиться изнутри и, наконец, засияла ослепительным светом.

Эд Салливан смотрел программу в своей больничной палате в Нью-Йорке. Он позвонил нам после передачи и сказал, что это была самая сердечная рождественская история. Он спросил, не могли бы мы выступить в его эстрадном шоу «Гост от города» в следующее воскресенье. Мы были в восторге, потому что его часовая программа была признана в бизнесе «вершиной» телевизионных шоу.

Люди с телевидения, а иногда и в газетных обзорах шоу-бизнеса называли Эда Слливана, кроме всего прочего, «Великой Каменной Рожей», но мы, работая с ним, нашли, что его сердце так же нежно, как ирландская колыбельная, и он - один из истинно замечательных людей в бизнесе. Программа имела большой успех, и мы получили много звонков и телеграмм со всей страны. Эд был так любезен, что предложил нам выступить еще раз на День Святого Патрика.

Как бы то ни было, в передаче «Гост от города» на той рождественской неделе, Альберт вернул меня на круги своя.

Альберт повернул ко мне голову совсем по-человечески.

«Ты был мастером своего дела,- и повторил слова, которые произносили мы с дедом в день великого пожара.

«Это удивительная вещь. Вот мы: ты - старик, а я мальчик. И мы говорим о Боге. И получаем от этого удовольствие. Как ты это объяснишь?»

Я посмеивался. «Может быть, как раз потому, что ты еще мальчик, а я - уже старик. Ты ближе к Богу с одного конца, а я близок к Нему с другого. А посередине люди, похоже, подзабыли о Нем».

Я опять был в амбаре в спящем патриархальном городке Эйткин, штат Миннесота. Я сидел на ящике для овса, спрашивал, спрашивал, спрашивал, а дед непременно отвечал. Я наклонился поближе и оцарапал Альберта бакенбардами.

Когда наше выступление закончилось вспыхнувшей звездой под прекрасную музыку Рэя Блоха и его оркестра - состоялось короткое интервью перед занавесом с Эдом Силливаном.

Он рассказал, как увидел программу на больничной койке, и заверил всех, что я вовсе не стар. Я объявил для нашей семьи, которая могла смотреть передачу и в Милуоки и в Миннесоте, что они видели вовсе не дедушку Вагнера, и что меня телевизионная индустрия пока еще не сделала таким дряхлым, каким я казался с экранов. Я надеялся, что дед смотрел программу, и эхо его собственного голоса порадовало его. Маргарет, Билли и Майкл увезли меня по магистрали Нью-Джерси домой в Филадельфию. Я был очень задумчив. Слова Альберта заставили меня думать. Обернулся ли я лицом прямо к солнцу? Я получил на следующий день телеграмму от деда. Он словно читал мои мысли.

Она гласила: «Не урони фонарь!»

Через несколько воскресений мы сделали программу, рассказывающую, как получилось, что старик впервые пришел в парк и почему он стал разговаривать с животными. Я чувствовал себя странно, когда мы писали сценарий. Это была поразительная, но неумышленная параллель с моей собственной жизнью.

Старина Билл по сценарию некогда был молодым, энергичным рекламным агентом с короткой стрижкой и с портфелем, регулярно садящимся в пригородный поезд из Стамфорда, штат Коннектикут. О, он был занят такими важными делами! Темп, темп, темп! Пока в один прекрасный день он не осознал, что потерял больше, чем приобрел, и тогда он бросил портфель в мусорную корзину, пришел в парк и сел на скамейку под деревом Альберта. Снова и снова он повторял про себя детскую песенку, которую пел ребенком: «Куда ты так быстро бежишь, старина?»

«Ловлю горизонт! Но мне помощь нужна. Поскольку, хотя я и быстро бегу - Угнаться за ним все равно не могу!»

«Билл» решает сойти с проторенной дорожки, чтобы вернуться и делать то, что он, в глубине души, еще мальчиком хотел делать. Он хотел быть писателем и рассказывать обо всем прекрасном, что есть в жизни. Тогда он купил за десять центов блокнот, сел на скамейку и написал: Билл Сирз, «Моя жизнь». Он посмотрел вверх и увидел Альберта, бурундука, пристально глядящего на него.

«Доброе утро, - приветливо сказал Альберт. - Мы тебя ждали».

Вы наверное знаете, как бывает порой, когда кто-нибудь промурлыкает или споет мелодию, и ты часами, а то и днями, повторяешь и не можешь выкинуть ее из головы? У меня такая напасть случилась с детской песенкой. Я оправился на Сент-Дэвид поиграть в гольф с Биллом Хартом, Аланом Скоттом и Джинном Крейном. Во время игры я не слышал даже весьма искусных выражений, некоторые из коих, как мне позже сказали, базировались на чистых классических мифах. Все, что я слышал, было:

«Куда ты так быстро бежишь, старина? Билл Сирз, Моя жизнь.

«Ловлю горизонт. Но мне помощь нужна». Билл Сирз, Моя жизнь.

Г Л А В А 24. О! Гм! ТОТ ЖЕ СТАРЫЙ ШАБЛОН: ЛОНДОН, ПАРИЖ, РИМ, АФИНЫ, СТАМБУЛ, РАНГУН, БАНГКОК, ШАНХАЙ, ГОНОЛУЛУ, САНТЯГО, БУЭНОС-АЙРЕС, РИО - ИЛИ ГДЕ-ТО ЗА РАДУГОЙ

Когда я был не выше биты Мики Мэнтла, я обещал Богу и самому себе, что если когда-нибудь разгадаю смысл своего видения, я отправлюсь по свету и поделюсь вестью о своем открытии. Я так и не выполнил этого обещания.

Я написал несколько сценариев для радио и телевидения о Вере Бахаи; я был членом их Национального Радиокomiteта; я даже опубликовал эссе о своих убеждениях в сборнике Эдварда Р. Мюрроу «В это я верю», но потом я постепенно вернулся к той же формуле успеха: вставай, иди на работу, иди в банк, иди спать, умирай.

Маргарет знала, что я очень беспокоен. Она предложила, чтобы мы все поехали на международную конференцию бахаи в Чикаго.

Это был также мой первый визит в Храм Бахаи в Уиллмете, штат Иллинойс. Я сразу понял, почему его называют «первой новой идеей в архитектуре с тринадцатого века». Это была прекрасная мечта, воплощенная в камне. Комиссия по историческим исследованиям установила, что земля, на которой стоял Храм, принадлежала племени американских индейцев, чьего вождя звали Архангел.

Я сидел под высоким сводом и слушал слова вдохновения, читаемые по святым книгам всех вероучений. Я представил себе, как Абдул-Баха стоял на бесплодной равнине в те дни, когда меня в первый раз посетило видение, и освящал землю и Всемирный Дом Богослужений, который предстояло построить на ней, на благо людей всех религий, наций и рас. Он предсказал, что когда этот Храм будет построен и освящен, из этого центра Учения Бахауллы разнесутся во все уголки планеты.

Теперь мы присутствовали при освящении, слушали величественную музыку хора, прославляющего единство Бога, его посланников и всех Его созданий. На следующий день в Чикаго начинался большой духовный Мировой Поход, напоминающий поход, который совершили Пол, Питер, Варнава, Тимофей и Христовы Апостолы по городам и весям Европы.

Было также послание к Конференции от правнука Бахауллы, мирового главы Веры Бахаи. Это был вдохновенный призыв к пионерам, «тем, кто идет первым», идти в далекие страны. Теперь я понимал полное значение моего видения. Пришло время идти «удить», как Петр, за семь морей души людские. В душе я всегда понимал, что недостаточно только верить, но, как Иона, надеялся, что кто-то другой отправится в Ниневию.

Я слишком часто цитировал Маргарет слова греческого философа, чтобы пытаться сейчас обойтись без них: «Ищи истину. Реши в сердце своем, правда это или ложь. Если это ложь, восстань против нее со всей своей силой, но если это правда - прими и береги ее стойко до конца». За завтраком все Сирзы заговорили одновременно. Похоже, у всех была одна и та же идея, хотя предложения несколько отличались.

Майкл сказал: «Как насчет Китая?»

«Я думаю - Гавайи,- предложил Билли.

Почти одновременно мы с Маргарет сказали: «Африка».

Было нелегко прощаться с дедом. Казалось, я был связан со стариком гигантской резиновой лентой. Чем дальше я уезжал, тем туже становилась связь. Я знал, что, если мои ноги оторвутся от земли, я приземлюсь прямо на ящик с овсом.

Маргарет помогала мне готовить специальную передачу с дедом перед тем, как мы покинули Филадельфию. Я разговаривал с ним в своей передаче через дальнюю телефонную связь с Миннесотой. Я годами рассказывал о нем истории своим слушателям, так что у них появилось чувство, будто они знакомы с ним. Был его день рождения, к тому же это было прощание. Мы оба знали, что никогда больше не поговорим друг с другом, но мы не распространялись об этом.

Я думал, что голос деда будет слабым и отдаленным. Ему было уже за девяносто. Но он вышел в эфир таким же свежим и энергичным, как Мэл Аллен во время Съезда Янки.

«Ты думаешь, что сможешь когда-то достичь чего-нибудь?» - первое, что он спросил у меня.

«Я буду стараться,- ответил я.

Мой голос казался более старым, чем его. У меня в горле был комок величиной с апельсин.

«С днем рождения, дед».

«У меня их было так много,- сказал он,- что я чувствую себя обманутым. Они все еще не забрали меня из протекающего амбара. Это не очень весело - продолжать жить в нем».

Неожиданно он спросил:

«Медаль Дакара за первое место еще у тебя?"

«Прямо здесь,- сказал я ему, похлопывая по бумажнику.

«Не удовлетворяйся вторым местом. Держись впереди и не позволяй обставить себя в этих джунглях. И, сынок..."

«Да?"

«Не звони мне так поздно ночью больше. Я - старый человек».

Я услышал его смех, когда он клал трубку. Я почти видел его, толкающего дядю Клиффа под ребра и торжествующего: «Я могу пережить всю страну». Медленно положил я телефонную трубку.

«Прощай, дед». - сказал я.

Старик на следующей неделе получил сотни поздравительных открыток со всех концов страны от людей, которые считали, что знакомы с ним. Я уверен, что он был очень рад.

Дед тоже отправился в путешествие. Он проделал с дядей Клиффом путь до Западного Побережья. Он потерял амбар и лошадей, и тогда взял маленький участок земли для сада за городом и каждый день шел, хромая, через город в свой сад. Когда он не мог уже передвигаться, он стал вязать носки и свитера в подарок внукам. Его знал каждый, и, когда он, как старый Принц, однажды ночью отправился спать и не проснулся больше, один из газетных обозревателей написал о нем благодарственное слово, о чужаке, который пришел в их город и за несколько коротких месяцев покорила их сердца философией, гласившей: «Чужих нет. Есть друзья, с которыми я еще не знаком». Мы продали нашу ферму и все наше имущество. До самого конца большинство друзей полагало, что это только рекламный трюк.

«Вы правда уезжаете?» - говорили они удивленно. «Вы все бросаете?"

Маргарет высказалась лучше всех. «Мы не бросаем ничего. Мы все приобретаем. Жизнь заключается в движении».

«Я никогда не считал вас религиозными фанатиками. Вся твоя жизнь ушла, Билл, на то, чтобы добиться всего этого. Множество парней отдали бы свою правую руку, чтобы иметь твою работу, а ты отбрасываешь все, как банановую кожуру».

«У тебя не хватало времени относить деньги в банк в эти дни, Билл. Ты делал их! Оставайся».

«Он чувствует, что должен отправляться в Ниневию,- отвечала Маргарет. «Куда?»

«В Ниневию».

«А я думал, вы уезжаете в Африку?» «Это верно».

«Лучше бы вы купили себе атлас. А то даже до Нью-Йорка не доберетесь». Дни нашего африканского путешествия были полны незабываемого счастья, волнений и смеха. Я написал об этом в книге, названной «Черное солнце». А эта история о мальчике и его мечте закончилась у подножия радуги.

* * *

Майкл сейчас учится на архитектора, Билли хочет быть писателем, а Маргарет хочет завести еще одну таксу. О да, она все еще «повелительница животных». Когда она выходит прогуляться по нашему участку, они все еще увязываются за ней. Она все еще похожа на локомотив длинного товарного поезда «Нью-Йоркский Центральный». У нас есть цыплята, гигантские шиншилловые кролики и два павлина. Один павлин взбирается на верхушки всех изгородей, сооружаемых нами, поэтому его называли Сэр Эдмунд. Другой даже не пытается. Его называли Лорд Листлесс. Есть две таксы - Сирано и Роксана, два сторожевых пса-риджбека, Биг Финнеган и Скотланд-Ярд, и щенок, который наполовину риджбек, а наполовину - бульль-мастиф. Он рос с пугающей быстротой, как будто кто-то надувал его, как шар. Когда его прислали нам с соседней фермы, Билли посмотрел и сказал:

«Они ошиблись и прислали нам целую ферму».

У нас также были кошки, нареченные: Фигаро, Мистер, Мерфи, Кубла Хан, и, вдобавок, приплод в моем коричневом пиджаке, пока безымянный. Я предложил секстет из «Лючии», но Маргарет сказала: «Не начинай все снова».

Мы не имели права быть такими счастливыми. Наш дом - удивительное место. Он почти всегда полон людей. Учение Бахаи говорит: «Если хочешь иметь дворец в раю, сделай свой дом местом встречи друзей».

Я все еще пытаюсь утолить жажду своей души, делясь открытиями того удивительного дня с людьми всего света. Я проделал путь свыше четверти миллиона миль. Я возвращаюсь домой лишь на время, необходимое, чтобы заработать достаточно денег для нового путешествия.

Я иногда ем, немного работаю на радио и ТВ и много езжу. Я посетил Израиль, продолжая личное и подробное исследования всех мест, где бывал Бахаулла.

Маргарет, Билл, Майк и Сирано отвезли меня в аэропорт, чтобы посмотреть, как я улечу. Сколько раз мы прощались за последние пять лет, и в скольких различных уголках мира! Маргарет также посвятила свою жизнь распространению Учения Бахаи, и мы постоянно едем, плывем или летим в противоположных направлениях.

«Не люблю говорить прощай,- сказала она грустно, когда мы однажды расставались в лондонском аэропорту.

«Не будь «прощай,- сказала я ей, цитирую африканскую поговорку,- не было бы «привет». Она отправилась в путешествие по Индии, Бирме, Таиланду и Малайзии. Из Сингапура она прислала нам всем телеграмму.

«Без вас схожу с ума».

Билли ответил ей: «Похоже на то. Папа в Хайфе, разве ты забыла?». Я телеграфировал однажды из Штутгарта в Тусон, штат Аризона. Мать Маргарет ответила: «Маргарет в Мехико». Вернувшись, Маргарет связалась со Штутгартом, чтобы услышать лишь: «Билл в Греции».

Однажды днем я сидел в ресторане Римского аэропорта Кьямпино, ожидая рейса 121 Южно-Африканской компании до Найроби. Я наслаждался прохладительным напитком и колонкой Арта Бухвальда во Французском издании «Геральд трибюн», когда на стол упала тень. Я поднял глаза. Это была Маргарет, такая же свежая и полная жизни, как и в тот день, когда я впервые увидел ее через окно студии.

«Ты со мной?» - спросил я.

Она показала свой билет, Рейс ЮА № 121 до Найроби. «Что нового?»

Она сказала: «Ничего. Все старое: Мехико, Лос-Анджелес, Чикаго, Нью-Йорк, Лондон, Париж, Женева, Милан, Рим, Стамбул, Нью-Дели».

Наш смех вызвал всеобщее внимание и неодобрение. Громкоговоритель объявил наш самолет, и когда мы шли, рука об руку, по взлетной полосе к большому ДС-7, я передумал о многих вещах: о времени, когда мы несколько дней сидели в Солт-Лейк-Сити без еды, пока, наконец, не наскребли на большую кастрюлю супа. Мы зажгли на столе свечи, а для эффекта я внес таксу, Призрака, лежавшего на подносе вверх лапами. Мальчики заплакали, решив, что мы собрались его съесть, вскочили и опрокинули весь наш суп на пол. О времени, когда я гнал наш джип по Скулкилл-Ривер-Драйв, торопясь в больницу Ханнемана, придерживая одной рукой Маргарет, в то время как она почти умирала рядом со мной. Это была ночь, когда мы потеряли нашего ребенка.

О времени, когда у нас оставались последние три доллара и никаких доходов в перспективе. Маргарет сказала: «Мы выбрали ошибочный путь. Надо же так!»

Я пойду и истрачу три доллара на хороший обед».

«У меня странное чувство,- сказала она,- будто что-то повеяло на меня «.

«Это я,- сказал я, вздохнув, глядя в последний раз на три доллара.

Она вернулась с продуктами для замечательного обеда: «Будем праздновать,-сказала она.

«Что праздновать?» - спросил я.

«Тот факт, что у нас будет великолепный обед». Она улыбнулась. «И, кто знает, может быть, что-нибудь еще».

Она была права, как всегда. На следующий день я пришел домой, уже имея работу.

Теперь, когда самолет уносил нас из Рима, разворачиваясь от Кастель-Гандольфо и набирая высоту в сторону Неаполя, я сказал Маргарет: «В одном мы следуем указаниям Бахауллы несомненно».

«В чем, дорогой?"

«Мы живем полной, богатой жизнью. Мы берем от каждой минуты всю ее трепетную радость, удивление, блаженство, волнение и красоту».

Самолет снизился над Грейт-Рифт -Валли и сделал круг, чтобы приземлиться в новом аэропорту Найроби. Я сжал руку Маргарет.

«Африка,- сказал я.

«Счастлив?"

«Возвращаться домой? - спросил я. - Конечно. От путешествий устаешь. А ты как?"

Я посмотрел на ее колени. У нее было расписание рейсов Пан-Американ и две карты Южной Америки, и странный блеск в этих голубых, как яйца малиновки, глазах.

Мы оба начали смеяться.

И я сказал себе: «Думаю, Бог любит смех. И я знаю, что я прав».